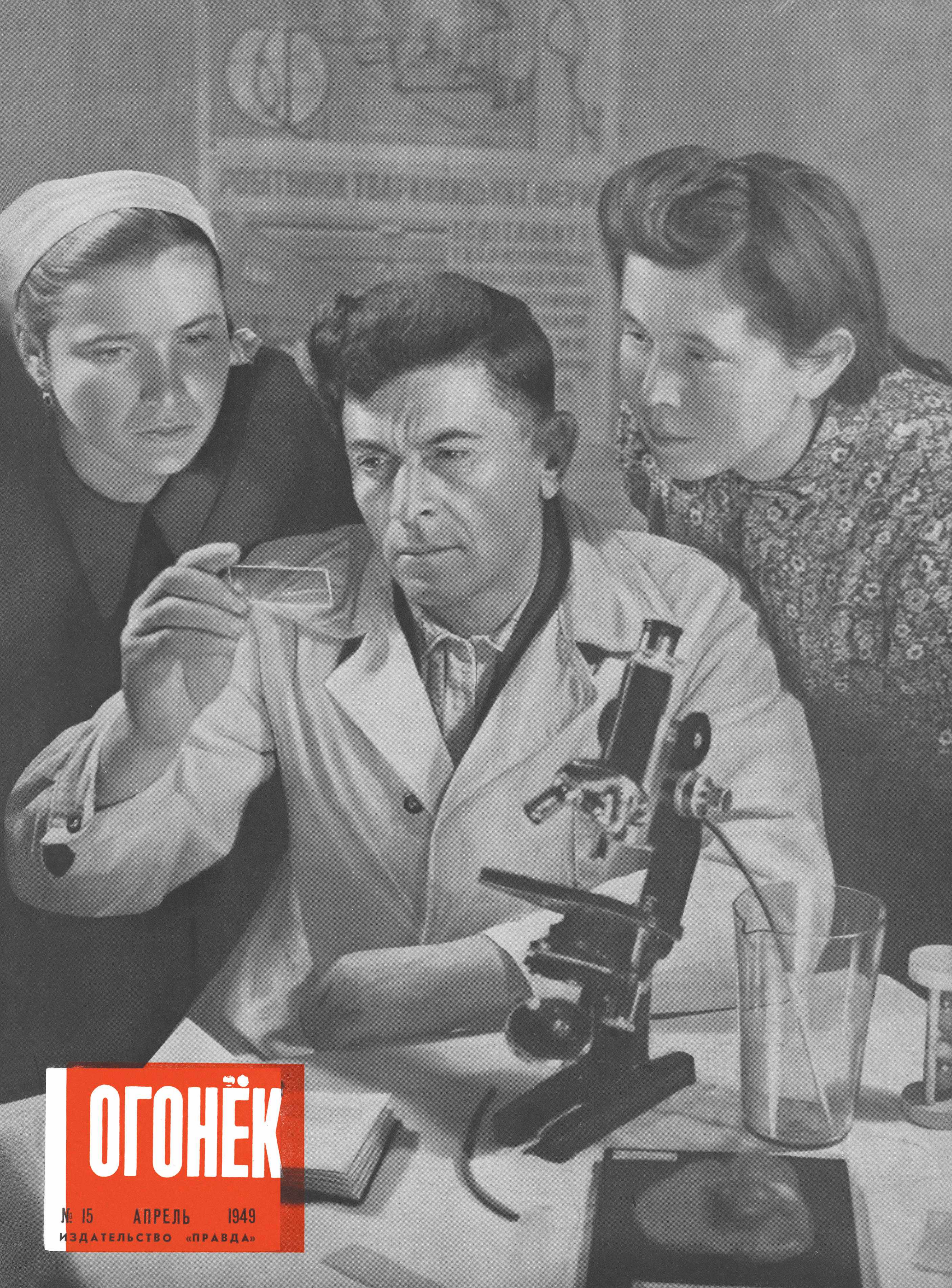

ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТРАКТОРЫ ДЛЯ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ. Из цеха московского завода «ВАРЗ» выходят готовые тракторы для МТС Московской области.

Фото А. Гостева и В. Руйковича

На первой странице обложки: Владимир Ефимович Плискин — ветеринарный врач села Старо-Бешева, Сталинской области, проводит занятия с колхозницами Христиной Багань и Лидией Савиной (см. в номере фотоочерк «Интеллигенция села Старо-Бешева»).

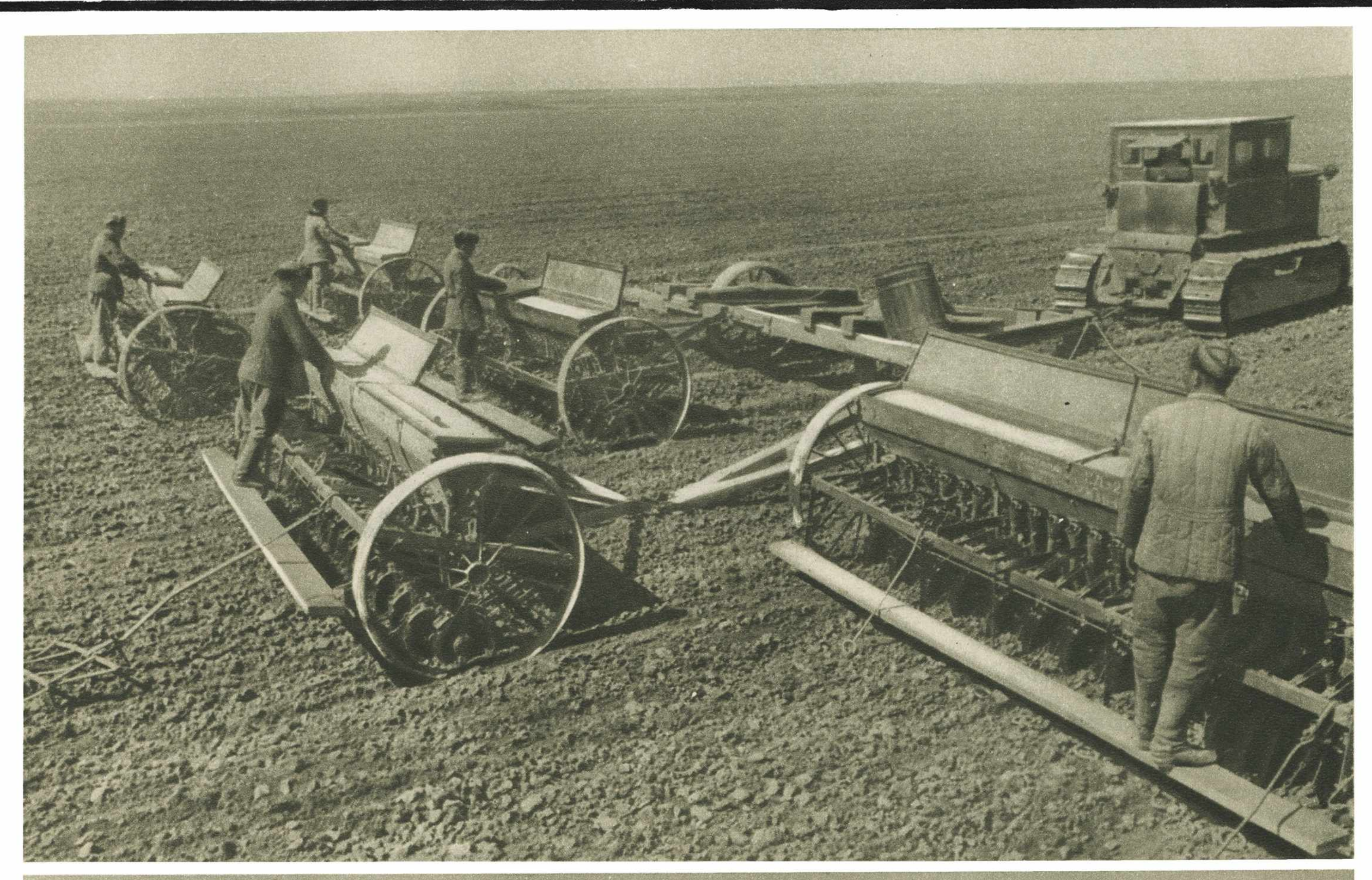
Фото А. Узляна

ОГОНЁК № 15 (1140) 10 АПРЕЛЯ 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ



ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СЕВА В СОВХОЗЕ «ДАРБАЗА». Один из крупнейших совхозов Казахстана — «Дарбаза» закончил сев зерновых. Работники совхоза не только завершили в срок посевную, но и засеяли сверх плана около тысячи гектаров. На снимках: вверху — пятисеялочный агрегат с дизельным трактором «С-80» на совхозных полях; внизу — агроном совхоза Ф. А. Михайлова объезжает бригады и инструктирует трактористов.

Фото О. Кнорринга

МОСКВА НОЧЬЮ

Двенадцать мерных ударов прозвучали над Красной площадью и разнеслись в эфире во все концы страны, на все четыре стороны света — Москва желает доброй ночи тем, кто отдыхает после трудового дня, и тем, кто сменил товарищей в новой вахте, и далеким друзьям нашей Родины, обращающим к ней свои надежды и помыслы через многие рубежи и границы.

Затихает дневной шум на улицах великого города.

Какой мерой измерить и взвесить все, что создано за день людьми Москвы! Автомобили и сталь. Узорчатые ткани и невиданные в прошлом станки. Электровозы для угольных шахт и мощные моторы. Тяжелые троллейбусы и тончайшие измерительные приборы. Сверкающие мрамором стены подземных дворцов метрополитена и страницы новых книг, творимых поэтами, учеными и стахановцами-рабочими, раскрывающими тайну своего рекорда, сущность нового метода производства.

Есть, пожалуй, только одна мера для такого счета — дерзание советского человека, его порыв в будущее, страсть искателя, новатора, открывающего неизведанные пути для творчества. Высоко поднимают люди Москвы знамя соревнования над всей страной — знамя сталинской пятилетки. День Москвы! Большую книгу можно было бы написать даже об одном таком дне.

И вот миновал один из таких дней.

Еще шумят занавесы во многих театральных залах, еще горят огни во дворцах культуры и клубах, еще гурьбой провожает молодежь любимого докладчика из лектория и донимает его нетерпеливыми вопросами, еще стучат двери в парадных, но одно за другим гаснут окна в домах, унимается автомобильный прибой на перекрестках, пустеют тротуары, уходят в последний рейс трамвайные поезда и, опустив широкие лопаты-щиты, выходят на работу машины, убирающие мостовые.

Ночь наступила в столице.

Но за кремлевскими стенами долго еще будет гореть свет в окнах. Немеркнущий свет, свет маяка, свет на капитанском мостике корабля, идущего вперед и вперед, навстречу новой заре — заре коммунизма.

Ночь наступила, но многие из москвичей бодрствуют в те часы, когда все вокруг объято сном. В одну из таких ночей совершим, читатель, прогулку по столице, вместе с корреспондентами «Огонька» заглянем в учреждения и на предприятия, где работа продолжается круглые сутки. Посетим вокзалы, где диспетчеры неотрывно следят за движением близких и далеких поездов, побываем у людей, несущих службу времени и службу погоды, посмотрим, как трудятся люди, готовящие для нас свежий номер газеты,— будем путешествовать по столице до самого утра, чтобы ощутить неустанное биение сердца Москвы, ровный и энергический ритм ее ночной жизни.

Недавно корреспонденты «Огонька» совершили такое путешествие по Москве. О том, что они увидели, читатель узнает из этого репортажа.

НА БОЛЬШОМ ЗАВОДЕ

Ночь. Одно из крупнейших предприятий столицы — Первый государственный подшипниковый завод имени Л. М. Кагановича. Темные окна заводоуправления, дремлющий в дверях дворник в белом фартуке, вахтерша. Тишина... И трудно поначалу представить, что в цехах завода в это время идет напряженная, ни на минуту не прекращающаяся трудовая жизнь.

Но вот мы поднимаемся по широкой, затертой тысячами ног лестнице — всего два десятка ступенек,— и ночь обрывается. Мы в центре завода, в центре огромного здания, второй этаж которого занят цеховыми медпунктами, столовыми, буфетами, раздевалками, душевыми и прочими подсобными помещениями; цехи внизу — они гудят, залитые электрическим светом, наполненные шумом станков и агрегатов, кранов автокаров, снующих взад и вперед по пролетам. Работает ночная, точнее, первая смена. Несут вахту стахановцы, сквозные комсомольско-молодежные бригады, участки, работающие по методу Николая Российского и подхватившие славный почин Александра Чутких.

Что интересного на заводе ночью? Что характеризует наше социалистическое предприятие, отличает его от предприятий капиталистических стран? Вернемся снова на второй этаж.

Забота о людях, об их отдыхе, здоровье, внимание к их нуждам ярко и полно ощущаются в таком действующем на заводе учреждении, как заводская здравница. Она помещается тут же, на втором этаже. Рабочие и работницы дневных смен, нуждающиеся в наблюдении врачей, приходят сюда после работы.

Сейчас в здравнице отдыхают семьдесят человек. Здесь для них готовят особые обеды, завтраки и ужины, за ними наблюдают сестры, врачи. Это настоящий санаторий, отличающийся от обычных, вероятно, лишь тем, что люди, проходящие здесь курс лечения, заняты днем на работе — этажом ниже.

Ночные буфеты торгуют по специально составленному «ночному» меню. Молоко, кисели, компоты, свежий белый хлеб, пирожки, вареные яйца, винегреты. Буфетчица столовой кузнечного цеха говорит:

— За ночь мы продаем в своем буфете одного лишь молока по 240 бутылок. Молоко свежее, при буфете свой холодильник.

В то время как работницы-матери стоят у станков, дети, если их не с кем оставить дома, преспокойно спят в яслях и в детском саду.

В сборочном шарикоподшипниковом цехе нас познакомили с одной из лучших стахановок первой смены этого цеха — Варварой Васильевной Морозовой. Эта невысокая смуглая женщина работает превосходно, ловко и легко выполняя сразу две операции: она исправляет и промывает собранные подшипники. Семилетний сын ее Толя — в детском саду, в Дубровском поселке, рядом с заводом.

Самые маленькие ребятишки, от года до двух лет, в яслях. Таких малышей более ста. Пять медицинских сестер и врач дежурят около них, охраняют их сон. В комнатах полумрак, тишина.

А завод полон шума станков, полон большой, напряженной жизни, и в складских помещениях все растут ряды ящиков с готовой продукцией — великолепными московскими шариковыми и роликовыми подшипниками, сделанными стахановцами ночной смены.

ШТАБ СЛУЖБЫ ПОГОДЫ

Внезапные метели и обильные снегопады, разразившиеся в середине марта, не на шутку озадачили москвичей. Но синоптики предсказывали эти явления еще в феврале.

Круглые сутки работает Центральный институт прогнозов—оперативный штаб службы погоды. Метеосводки поступают в Москву непрерывно по телеграфу и радио.

Бесконечные вереницы цифр переходят с телеграфных лент на синоптические карты. Изобары — линии одинаковых атмосферных давлений — волнистыми чертами ложатся на сетку меридианов и параллелей.

Сроки полевых работ, навигации на морях и реках, железнодорожные и воздушные перевозки планируются с учетом прогнозов погоды.

Ночь. Бригада старшего синоптика Е. А. Никитиной заканчивает подготовку очередного прогноза. Утром текст и карта будут сданы в печать и после полудня разосланы всем заинтересованным ведомствам.

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

Едва ночное небо над Москвой очистится от облаков, как в одном из переулков Красной Пресни раздвигается крыша небольшого домика и вверх устремляются астрономические трубы. Служба времени института имени Штернберга для определения астрономически точного времени ведет наблюдение за прохождением звезд через меридиан Москвы.

На снимке: заведующий службой времени кандидат физико-математических наук П. И. Бакулин наблюдает за звездами.

В ТОРГОВЫХ ЗАЛАХ «ГАСТРОНОМА»

«Гастроном» № 2. Широкие окна его выходят на Арбат и Смоленскую площадь. С улицы видны снующие фигуры продавцов. Ночные часы большого магазина своеобразны. Нет покупателей, закрыты кассы.

Но оживленно в хлебо-булочном отделе. Здесь принимают свежевыпеченный хлеб.

Хлопотливо и в кондитерском отделе. Бесчисленные вазочки с конфетами, шоколадными бомбами и плитками, сложные сооружения из коробок с тортами и печеньем надо пополнить, уложить новый товар в затейливые пирамиды.

Уборщицы моют полы, вытирают двери, доводят до блеска никелированные поручни стоек. Магазин готовится к рабочему дню. А день предстоит напряженный. После недавнего снижения цен количество покупателей увеличилось; около 40 тысяч человек бывает ежедневно в магазине. Если раньше за день продавалось от 30 до 35 тонн различных гастрономических товаров, то теперь их расходится до 40 тонн, а в иной день и больше. В два раза больше покупают теперь сыра, пирожных, вина. Мяса продается на 30 процентов больше прежнего. Некоторые отделы магазина, как, например, бакалейный, пришлось даже перевести в новое, просторное помещение.

НОЧНОЕ НЕБО СТОЛИЦЫ

Глубокая ночь. Но оживленно у освещенного подъезда Внуковского аэровокзала. Из репродукторов слышится голос:

— Самолет на Иркутск отправляется в три часа. Граждане пассажиры, оформляйте документы!

За штурвалом пилот Наволочный. Помощник дежурного Калмыков сигнализирует ему фонарем разрешение на вылет. Огромная стальная птица рулит к бетонной дорожке в глубине темного поля. Короткий пробег, и ровно в три часа «Ильюшин-12» взлетает.

Высоко над зданием аэропорта командная вышка. Дежурный по полетам опытный летчик Петр Васильевич Шмидт стоит у радиоприемника.

— Взлетел. Набрал высоту 1500 метров,— доносится до него знакомый голос Наволочного.

Сквозь стеклянные стены командной вышки видны красные неоновые огни на полосе для слепых посадок, яркие фары вдоль взлетных дорожек. Время от времени дежурный подносит микрофон ко рту, вызывая Наволочного. Самолет, летящий на Иркутск, выходит из стакилометровой зоны столичного аэропорта. Теперь с ним будет держать связь рация МРДС (Московская районная диспетчерская служба), которая «проводит» пилота до первого пункта посадки.

Опыт пилотов, отличное радионавигационное оснащение, всестороннее наземное оборудование аэропортов позволяют водить рейсовые пассажирские и почтовые машины ночью, даже в плохую погоду.

Ни на минуту не прекращается жизнь в Центральном аэропорте столицы. Особенно напряженно работают в ночные часы бригады техников и мотористов, руководимые инженерами. По темному полю снуют машины-бензозаправщики. Диспетчеры подводят итоги минувших суток, составляют графики предстоящих вылетов.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

На хлебозаводе-автомате имени Н. С. Хрущева этой ночью работала одна из лучших смен — смена техника Клавдии Петровны Мартыновой. И пока москвичи, жители Ленинградского, Краснопресненского, Советского и Фрунзенского районов, обслуживаемых заводом, спали, стахановцы-хлебопеки напекли им десятки тонн пшеничного хлеба всяких сортов. Тут были и батоны и большие красносельские булки, весовой хлеб и формовочный, горчичный с изюмом, чайный и московские пончики.

На всех пяти этажах завода работа шла полным ходом. Работницы в белых костюмах и халатах следили за автоматами, которые замешивали тесто, резали его на булки, отправляли эти булки в печи и ссыпали потом готовые изделия на разборные столы.

На этих столах, имеющих форму гриба и медленно крутящихся, как карусель, полно хлеба. Его едва успевают укладывать на тележки. Сюда от печей со второго этажа ссыпается на каждый стол по 60—80 батонов в минуту. Тележки, нагруженные горячим хлебом, откатываются в сторону, и как только хлеб остынет, его грузят в машину.

Всю ночь ворота хлебозавода распахнуты настежь. 37 автофургонов с прицепами один за другим въезжают в ворота и встают под навес на погрузку, чтобы развезти хлеб до начала торговли по булочным четырех районов столицы.

ПОЛОСЫ ПОДПИСАНЫ К ПЕЧАТИ...

В 2 часа ночи мы направились в Потаповский переулок, где находится одно из крупнейших полиграфических предприятий столицы—комбинат «Московский большевик». Два часа ночи — самое боевое время в жизни редакций газет.

Ярко светились окна большого здания. Здесь помещаются редакции газет «Московский большевик», «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Московская кочегарка». Шел предутренний «аврал». Поступили последние телеграммы ТАСС — в номер. Пришел Указ о награждении строителей газовых сетей столицы — на первую полосу. Прибыл отчет о конференции столичных комсомольцев — поставить... Оригиналы отправлены на линотипы.

В комбинате набирают и печатают 5 больших газет и 115 заводских многотиражек. В течение ча-

са линотипы комбината могут набрать почти 5 тысяч строк. Поэтому метранпаж Георгий Александрович Борисов, который уже 25 лет верстает полосы «Московского большевика», не особенно озабочен тем, что редакция поздно сдала последние оригиналы. Уже через 10 минут, однако, набор — сверкающие горячие металлические строки — был готов, и метранпажи поставили на первую полосу сообщение об обеде у товарища Сталина, данном им в честь Корейской правительственной делегации, и Указ Президиума Верховного Совета СССР.

В огромном, залитом светом зале кипела жаркая работа. По соседству с «Московским большевиком» верстались страницы «Социалистического земледелия», «Учительской газеты», «Московского комсомольца». В другом углу метранпажи верстали полосы заводских, фабричных, институтских многотиражек, которые столь же дороги полиграфистам, как и большие газеты. Шли последние работы по выпуску очередных номеров газет завода «Серп и молот», Автозавода имени Сталина и Московского университета. Поставлены даты, исправлены все ошибки, полосы подписаны к печати, и завертелись барабаны ротационных машин.

Рано утром, когда Москва только-только просыпалась, десятки автомашин повезли из типографии пачки пахнущих свежей краской газет.

САМЫЕ ЮНЫЕ МОСКВИЧИ

Родильный дом № 4 Советского района. Автомашина доставила работницу Марию Григорьевну Чагину. Будущую роженицу встретили акушерка Клавдия Александровна Заикина и няня Мария Васильевна Кузнецова. Дежурный врач Мстислав Сергеевич Сергеев принял и провел Чагину в сверкающую белизной палату.

— Все будет хорошо! — сказал он Марии Григорьевне.

И глубокой ночью врач принял крепкого мальчугана, весом в 3600 граммов.

Это шестой ребенок Марии Григорьевны Чагиной, счастливой матери, которая, по собственным ее словам, «имеет очень большую благодарность советской власти за все, что она делает для женщины и ее детей...»

Где, в какой стране, кроме нашей, простую работницу будут бесплатно лечить, положат в такой родильный дом, предоставят услуги квалифицированных врачей, все достижения науки, окружат такой любовью мать и ее детей!

...Время от времени к подъезду подкатывают машины — в родильный дом приезжают будущие матери. И ослепительно чистый, словно весь вымытый дом то и дело оглашается криком еще одного нового человека.

— Васильева разрешилась. Сын!

— У Романовой мальчик!

— Андрееву поздравляйте с дочкой!

Дежурные врачи — М. С. Сергеев, проработавший уже более 24 лет, и К. И. Лукина, только 2 года тому назад окончившая Второй московский медицинский институт,— то и дело выходят из родильного отделения, торопясь занести в книгу свои замечания. До 3 часов ночи разрешилось 11 женщин, родились 6 девочек и 5 мальчиков. Ни одного случая осложнения, угрожающего здоровью матери и ребенка...

— Здесь и мы и дети прекрасно себя чувствуем,— сказала нам в одной из палат Мария Васильевна Козлова, которая в эту ночь родила своего пятого ребенка.

Мы заглянули в детскую. В белоснежных кроватках лежали самые юные москвичи и москвички, в том числе и те 11, которые родились в эту ночь... Юные граждане вели себя несколько шумно, но доктор Сергеев, улыбнувшись, заметил:

— Врачу всегда приятно слышать этот писк. Здоровые ребята будут...

Перед тем как покинуть родильный дом, мы услышали о новом радостном событии:

— Еще один в Москве человек появился,— торжественно сказала акушерка К. А. Заикина.— Запишем в книгу: у Людмилы Михайловны Ермаковой родился сын!

ЯРКО ГОРЯТ ПЕРРОННЫЕ ОГНИ...

Старшую девочку Милю взяла за руку няня, двух других малышей, Вову и Лену, повела сама дежурная сестра Ламочкина. Сзади шла мать.

Семья Дубновой едет из Ейска в Хабаровск. Поезд прибыл ночью. С Курского вокзала мать с детьми перебралась сюда, на Ярославский. Их тотчас отвели в комнату матери и ребенка. Там уютные, мягкие кроватки, заботливые няни и медицинские сестры.

Утром, когда дети проснутся, к их услугам комната для игр.

В течение ночи прибыло 14 матерей с 17 детьми. Всех их разместили в спальнях этого уголка вокзала, как и семью Дубновой.

Немало работы в эту ночь было и у сотрудников вокзальной гостиницы. Транзитные пассажиры заняли все 160 мест.

...Ярко горят перронные огни. В 5 часов 40 минут из Софрина приходит первый электропоезд. Живущие в пригородах спешат на работу, на заводы, фабрики столицы.

Заканчивается уборка вокзальных помещений. Из радиорупоров доносится голос диктора. Он сообщает об отправлении пригородного поезда. Шеренга носильщиков выстраивается на краю перрона. Тут же виднеется красная фуражка дежурного по вокзалу тов. Соколова. Прибывает пассажирский из Костромы.

ЗА НОЧЬ ПРОИСШЕСТВИЙ НЕ БЫЛО

Пустынны московские улицы.

Но издали доносится мерный цокот копыт. Ближе, ближе. Появляются два всадника — ночной патруль конной милиции. Там, где улицы окраин переходят в загородное шоссе, у полосатых сторожевых будок дежурят милиционеры.

Порядок в столице в ночные часы охраняется еще более строго и тщательно, нежели днем.

Пятый час утра. Перелистывая журнал, дежурный по городу майор милиции Н. Я. Петров читает:

«10.30 утра. Во дворе дома № 29 по Трубной улице подросток В. Захаренков баловался с запалом от гранаты. Пострадавший отправлен в больницу Склифасовского в 11 часов утра.

В 14.30 от взрыва керосинки возник пожар в доме № 31 по Княжьей улице. Вызвана пожарная команда.

В 22 часа на Плющихе за противозаконное ношение финского ножа задержан гражданин Фадеев, ранее судившийся за хулиганство и кражу».

Вот и все происшествия.

Николай Яковлевич Петров — старый работник московской милиции. Свою службу в столице он начал девятнадцать лет назад постовым на площади Свердлова.

— Служба тогда была беспокойная. Что ни ночь — пьяные, драки, скандалы, хулиганство. А теперь — сами видите. Народ стал сознательный, дисциплинированный. Бывало, суточную сводку еле на пятнадцати страницах умещали, а мой сегодняшний рапорт — вот он, весь здесь,—и майор Петров протягивает узенькую полоску бумаги — сводку происшествий за сутки:

«Убийств и покушений на убийства ни одного, самоубийств и покушений ни одного, грабежей ни одного».

«ГОВОРИТ МОСКВА»

В студию входит диктор Высоцкая. На пульте диспетчера загорелись два огонька: зеленый и красный; все готово, радиостанция соединена со студией.

— Говорит Москва. Продолжаем наши передачи!..

Начинается концерт украинской музыки.

— Сколько дикторов работает сегодня ночью? — спросили мы у главного диспетчера тов. Емельянова.

— Высоцкая, Атьясова, Кириллов, Толстова, Дубравин... У нас ведь только на русском языке ведут передачи больше сорока дикторов... Вещание происходит из нескольких студий, на десятках языков...

Ноль часов тридцать минут. В то время как в одной студии шел концерт для москвичей, в другой диктор, пожелав слушателям Владивостока и Сахалина, Хабаровска и Магадана доброго утра, начал передачу очередного выпуска «Последних известий», а затем инструктор физкультуры провел физкультурную зарядку.

В четыре часа москвичи спали глубоким сном, а радиостанция передавала для слушателей Средней Азии пионерские новости, концерт из песен Александрова.

Голос Москвы в эту ночь, как и всегда, звучал на английском, французском, немецком, испанском, норвежском, турецком, румынском, сербском, финском, венгерском, датском, голландском, греческом, арабском, японском — на тридцати двух языках мира.

Диспетчеры радиостанций Москвы, не знающие, что такое ночь, оперируют на огромных пространствах... Вот идет разговор полярников острова Врангеля и бухты Тикси с их женами и детьми, живущими в Москве. Вот для китобойной флотилии «Слава», промышляющей в Антарктике, за много тысяч километров от берегов Родины, передается специальный концерт по полученной заявке... Вот диктор, один из немногих в стране знатоков языка урду, читает для слушателей в Индии рассказ о хлопкоробах Таджикистана. Для радио нет расстояний.

...Шесть часов утра. Ночь подходит к концу. Диспетчер включил микрофон на Красной площади. Торжественно звучит в эфире гимн нашего государства.

Шесть мерных ударов кремлевских часов.

— Говорит Москва... С добрым утром, товарищи!

* * *

Распахиваются двери станций метро. Трамваи везут людей на работу. Призывно гудят заводы, скликая утреннюю смену рабочих. К рынкам тянутся вереницы грузовиков: подмосковные колхозники привезли в город картофель, мясо, овощи, молоко.

Гаснут уличные фонари, брезжит рассвет.

Сверкнув сталью штыков, сменяются часовые у мавзолея.

Начинается трудовой день столицы социалистического государства.

«С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!»

СОВЕТСКАЯ ЯКУТИЯ

В. А. ПРОТОДЬЯКОНОВ,
Председатель Совета министров Якутской АССР

Наглядный и убедительный пример торжества в СССР ленинско-сталинской национальной политики представляет собой Советская Якутия. Якутия прошлого — это царская колония, до революции изнывавшая под двойным гнетом — царских чиновников и якутских тойонов. Якутия сегодняшнего дня — одна из цветущих автономных республик в великой братской семье народов Советского Союза.

За годы советской власти Якутия стала поистине неузнаваемой. Созданы сотни различных предприятий, возникли целые отрасли промышленности — угольная, лесная, рыбная, строительная, пищевая и многие другие. В 1948 году промышленность республики превысила довоенный уровень производства на 17 процентов.

Передовые предприятия Якутии отказались от государственной дотации, дали в 1948 году стране более 30 миллионов рублей сверхплановых накоплений и в рапорте товарищу Сталину взяли на себя обязательство — досрочно выполнить план 1949 года, ускорить оборачиваемость оборотных средств и высвободить для нужд народного хозяйства 15 миллионов рублей.

Борясь за выполнение послевоенной сталинской пятилетки, сотни стахановцев завершили свои пятилетние планы за два с половиной — три года.

Стахановскими подвигами прославились забойщики Гуляев и Мысин, бурильщик Анисимов, машинисты экскаваторов Гришулин и Потапов, слесари Царедворцев и Витязев, старательские бригады Веселкова и Шульгина, врубмашинист Привалихин, слесарь Перелыгин, плотник Малышев, токари Денисенко и Паршин и многие другие.

Быстро развивается и сельское хозяйство республики, в особенности основная его отрасль — животноводство. Довоенное поголовье крупного рогатого скота превзойдено на 8,9 процента. Созданы предпосылки для дальнейшего развития коневодства и оленеводства. Колхозы республики провели большую работу по освоению новых земель. За последние два года в селах и колхозах построено и пущено в эксплоатацию 17 сельских электростанций. В 1948 году колхозники досрочно выполнили свой долг перед Родиной, сдав государству мяса на 113 тысяч пудов, молока на 178 тысяч пудов и хлеба на 207 тысяч пудов больше, чем в 1947 году.

Сотни передовиков сельского хозяйства показывают замечательные образцы труда. Лучшие из них — табунщик колхоза имени Фрунзе, Чурапчинского района, тов. Р. И. Константинов и заведующий коневодческой фермой колхоза «Комбайн», Мегино-Кангаласского района, тов. А. Е. Степанов — были удостоены в 1948 году звания Героя Социалистического Труда.

Наряду с ростом промышленности и сельского хозяйства в Якутии развивается дорожная сеть, транспорт, связь и коммунальное хозяйство. За годы советской власти протяженность водных путей сообщения в республике удвоилась, речной флот возрос более чем в 10 раз, построено сотни километров автомобильных дорог, действующих круглый год, широкое развитие получил воздушный транспорт. Жилой фонд столицы республики — города Якутска — возрос в шесть раз. В 1949 году начаты большие работы по жилищно-коммунальному строительству в Якутске и дальнейшему благоустройству города.

Особенно больших успехов наша республика достигла в области социально-культурного строительства.

Дореволюционная Якутия имела 38 медицинских учреждений, 50 человек медперсонала, 173 школы с 4660 учащимися и 254 учителями.

Не удивительно, что среди народов Якутии были широко распространены различные социальные болезни: туберкулез, трахома и другие. Грамотных было не больше 2 процентов населения.

Советская Якутия имеет широко развитую медицинскую и школьную сеть, насчитывающую в 1949 году 837 медицинских учреждений и более 2 тысяч медицинских работников, 616 школ, в которых учится свыше 60 тысяч человек. Учителей в Якутии больше 3 тысяч.

Кроме того в республике 15 техникумов и специальных средних школ, педагогический и учительский институты. Якутия теперь — республика сплошной грамотности. Свыше 350 молодых якутов обучаются в вузах Центральной России.

В республике имеется 579 культурно-просветительных учреждений — клубов, домов культуры, изб-читален, библиотек, музеев. Успешно работают Якутский музыкально-драматический театр, русский драматический и колхозный театры. Высокого уровня развития достигло издательское дело. На якутском языке изданы гениальные труды И. В. Сталина «Вопросы ленинизма», «Краткий курс истории ВКП(б)», произведения Маркса, Энгельса, Ленина и краткая биография И. В. Сталина.

Успешно развиваются все жанры якутской художественной литературы. Якутские писатели Н. Е. Мордвинов, Н. Г. Золотарев-Якутский, С. С. Васильев, С. А. Саввин, А. Е. Кудрин-Абагинский, Д. К. Сивцев, Суорун Омоллоон и многие другие создали художественные произведения, правдиво отражающие жизнь и творческий труд якутского народа, возрожденного Великой Октябрьской социалистической революцией. Их повести и романы, пьесы и стихи проникнуты чувством советского патриотизма, беспредельной любви к социалистической Родине, к любимому вождю и учителю — товарищу Сталину.

Якутские писатели упорно и любовно учатся у классиков русской и советской литературы. Они перевели на якутский язык многие произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Островского, Л. Толстого, Короленко, Крылова и других. Переведены на якутский язык произведения советских писателей — Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева, Корнейчука и других.

В. А. Протодьяконов.

Широкое развитие получило народное творчество. Якутские народные певцы Сергей Зверев, Абрамов-Кынат, Тимофеев-Терешкин, Екатерина Иванова и другие создали замечательные песни, посвященные Ленину и Сталину, Сталинской Конституции, Родине, Москве, великому русскому народу.

Народный поэт-импровизатор Сергей Зверев в своей замечательной поэме «Сказанье о Великой Москве» пишет:

«Ты — факел правды, мира светлый разум,
В кольце миров сияешь ты алмазом.
Ты — гулкий колокол, зовущий к счастью, к свету.
Москва —
живое сердце всей планеты!..
Москва!.. Тобой развеяна незнаний мгла!
Москва!.. Ты зори разума зажгла!..»

В республике все шире развивается наука, растут кадры ученых из представителей коренного якутского населения. Созданная в 1947 году Якутская научно-исследовательская база Академии наук СССР провела большую организационную и научную работу, готовит кадры молодых ученых.

Десятки якутов — сыны и дочери в прошлом неграмотных кочевников — за последние годы получили ученую степень кандидата наук. Выдающиеся русские деятели науки помогают молодым якутским ученым в работах над докторскими диссертациями. Недалеко то время, когда многие якуты станут профессорами и докторами наук.

Якутский народ теперь не тот, каким он был до революции. Он стал народом — строителем коммунизма.

Тысячи сынов Якутии прославились в боях Великой Отечественной войны. Эвенк-охотник тов. Кульбертинов истребил на войне 448, а якут-охотник тов. Охлопков — 429 фашистских захватчиков.

Всеми своими успехами в деле развития народного хозяйства и культуры народы Якутии обязаны повседневной братской помощи великого русского народа, советского правительства, партии и лично товарища Сталина.

Народы Якутии, как и все народы Советского Союза, беспредельно любят свою социалистическую Родину, большевистскую партию, товарища Сталина. В этом источник их героизма в боях за Родину и в мирном труде. Одухотворенные этой любовью, народы Якутии достигнут еще бо́льших успехов в борьбе за коммунизм.

Из эвенкийского цикла

Казимир ЛИСОВСКИЙ

1. ПЕСНЯ

Михаилу Исаковскому

**Деревья могучи,
Простор богатырский
В таежном, дремучем
Краю эвенкийском.**

**И утренней ранью
Весны беспечальной
Сидят северяне
Фактории дальней.**

**Махоркой сердитой
Делясь меж собою,
Сидят следопыты,
Сидят зверобои.**

**Гармонь начинает,
И все подпевают:
«И кто его знает,
Чего он моргает».**

**В далекой сторонке
Летит в поднебесье
Хорошая, звонкая
Русская песня.**

**И каждый в ней слышит
Родимое, наше...
Нет почести выше,
Нет участи краше!**

2. ФАКТОРИЯ

**Невеселый пейзаж!.. Одинокие сосны и кедры,
Берег речки безмолвной. Покрытые снегом гольцы.
На угрюмых отрогах гостят эвенкийские ветры,
У скалистых подножий следы оставляют песцы.**

**В месяц раз или два приезжают сюда следопыты,
Коренастые эвенки, люди далеких хребтов.
Турсуки их полны, турсуки до отказа набиты
Драгоценной пушниной, золотом мягким мехов.**

**Только тронешь — и вспыхнут волшебные яркие искры!
Голубеют песцы, бурым блеском горят соболя...
Все богатства тайги, все богатства тайги эвенкийской
Мы тебе посылаем, родная Большая Земля.**

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕЛА СТАРО-БЕШЕВА

Фото А. УЗЛЯНА

1

Вдалеке от железной дороги, в холмистой донецкой степи широко раскинулось село Старо-Бешево. Здесь, как и всюду на нашей земле, с каждым днем все ярче расцветает богатая и многообразная советская культура. Замечательные кадры интеллигенции — врачи, зоотехники, колхозные руководители, учителя, агрономы, инженеры, строители, радисты — выросли за годы советской власти в этом селе.

На снимке: собрание интеллигенции Старо-Бешева.

2

«Председатель передового колхоза «Запорожец» Дмитрий Лазаревич Коссе — большой знаток сельского хозяйства, с которым и профессора советуются»,— пишет в своей книге «О самом главном» Паша Ангелина, проживающая в этом селе.

На снимке: Д. Л. Коссе вместе с бригадирами и и звеньевыми обсуждает планы весеннего сева.

3

В просторной сельской больнице Старо-Бешева производятся сложные хирургические операции. Ежемесячно здесь собираются научные конференции, в которых принимают участие девять врачей разных специальностей.

На снимке: хирург, сын донецкого шахтера, коммунист, Захарий Семенович Колесников перед операцией.

4

Не так давно Григорий Данилович Радченко бегал мальцом в ватаге шумливых колхозных ребят по тем полям и лугам, где он сейчас часто бывает в качестве агронома Старо-Бешевской МТС. Воспитанник комсомола, он получил высшее образование в сельскохозяйственном институте.

На снимке: Г. Д. Радченко в агролаборатории.

5

В дни Великой Отечественной войны командир взвода разведчиков Василий Трофимович Цыс одним из первых форсировал Днепр. Родина наградила его Золотой Звездой. Сейчас Василий Трофимович продолжает прерванную войной педагогическую работу в сельской школе.

На снимке: В. Т. Цыс рассматривает собранный школьниками гербарий.

6

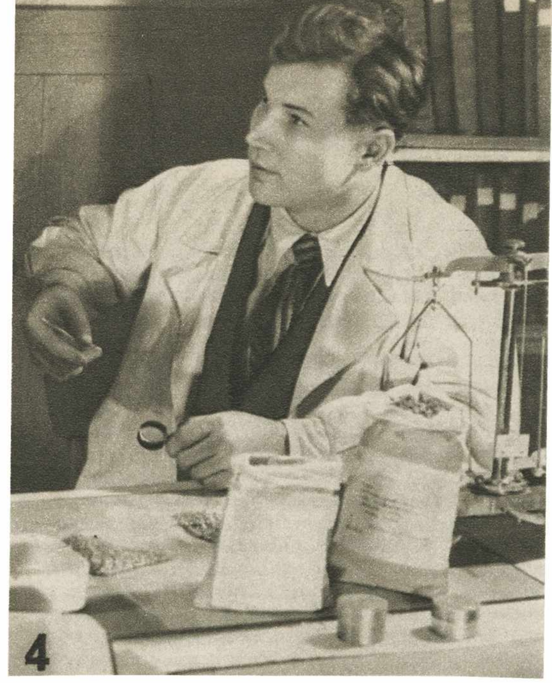
Нет, пожалуй, такого колхозного дома в селе, где не звучало бы радио. Местный радиотехник Петр Семенович Семенушкин с большой ответственностью относится к своему любимому делу.

На снимке: П. С. Семенушкин в радиостудии.

7

Далеко за пределами Сталинской области славится Старо-Бешевская МТС — дружный коллектив трактористов, инженеров, комбайнеров, агрономов.

На снимке: инженер Петр Гаврилович Васильченко (справа) и бригадир Георгий Терентьевич Данилов в мастерской МТС.



4

5

8

На месте руин, оставшихся после фашистских оккупантов, возникают новые колхозные дома, общественные постройки. Свыше пятисот зданий уже восстановлено и возведено заново старобешевскими строителями. К концу лета в центре села откроется новый Дом культуры, строительством которого руководит техник-строитель В. С. Кузнецов.

На снимке: В. С. Кузнецов на строительстве клуба.

9

Около четырех тысяч газет, семисот журналов, множество писем и посылок заполняют в утренние часы столы Старо-Бешевской почты. А лет тридцать назад вся здешняя почта составляла не более двух десятков газет да тощую сумку с письмами.

На снимке: сортировка утренней почты в селе Старо-Бешево.

6

7

8

9

Красный цвет

Александр БЕК

Из города Сталино мы, группа писателей, тронулись под вечер, и к селу Старо-Бешево подъехали уже в темноте. С пригорка в снежной дали завиднелись огоньки села.

Внезапно в свете фар на белой, взрытой колесами машин дороге возник черный силуэт. Стоя к нам лицом, человек поднял обе руки и что-то кричал. Слов мы не расслышали, но и так было понятно, что он требует: «Остановитесь!» Фары выхватывали из белесой мглы лишь узкую длинную полосу перед собой, но на обочинах дороги, впереди, было заметно что-то черное: как будто толпа, лошади, сани... И вот уже можно различить одну, другую деревянную дугу над лошадьми.

Мы притормозили, медленно приблизились, остановились. На дорогу мгновенно высыпали ребятишки. Мелькнула женская фигура в высоких блестящих ботах, в надетом набекрень черном берете. Впрочем, впоследствии берет оказался синим — сейчас в прожекторах автомобилей все казалось или белым или черным. Я узнал Пашу Ангелину.

Через некоторое время мы вошли в дом Паши. Ее все так здесь зовут. Она, первая советская трактористка, доныне не оставляющая своей профессии, не любит официальностей.

В разговор с нами вступили дети Паши: Светлана, Валерик и Сталинка. Тринадцатилетняя Света в форменном платье школьницы легко согласилась продекламировать и отчетливо прочла нам стихи советских поэтов.

— А Пушкина ты знаешь?

— Знаю.

Она вспоминает, чуть наморщив нос, и затем без запинки читает наизусть «У лукоморья дуб зеленый...»

Шестилетняя Сталинка в красном платье, в длинных лыжных штанах из синей фланели садится за пианино и тоже показывает свое искусство.

Ну, а сама Паша? Какова она?

У нее размашистая, почти мужская походка. Когда она сидела и кто-то издали кинул ей яблоко, она, ловя его, непроизвольно сжала колени, словно на ней было не нарядное, красивое платье, а комбинезон—привычная удобная одежда, с которой Паша сжилась, работая уже почти двадцать лет на тракторе. И подстрижена она «под мальчика», чтобы не мешали волосы, чтобы не откидывать, не поправлять их замасленной рукой, когда приходится склоняться над мотором.

В ней много мальчишеского, задорного, даже озорного и вместе с тем ей свойственно редкое обаяние женственности.

Рассказывая о себе, Паша говорит:

— Такая у меня натура. Если сказала, — должна сделать. Назад я не пойду!

Да, у нее стремительная, неукротимая, страстная натура. Она не умещается ни в какой шаблон или стандарт. И даже ее жест так же размашист, как походка. В разговоре Паша взмахивает рукой, непроизвольно отгибая большой палец, — это, вероятно, привычка мастерового человека, трактористки: у нее в работе, в борьбе все, как говорится, «на большой».

* * *

Как же она, Паша Ангелина, прожившая такую жизнь, которая порой кажется сказкой, так много трудившаяся и творившая, сохранила эту свежесть души, эту непосредственность?

В удобную минуту я завожу с Пашей разговор. Она отвечает:

— Всю свою жизнь я шла с народом. Я хочу, чтобы всем, кто меня избирал в депутаты, было бы лучше жить оттого, что о них думает их депутат...

Я слушал Пашу и искал название тому, что мне в ней раскрывалось. И нашел: постоянное стремление к действию. Активное, революционное стремление. И, пожалуй, именно в этом самый глубокий источник ее обаяния, красота ее души.

Уже двадцать лет Паша Ангелина не расстается с профессией трактористки, с нелегким физическим трудом и одновременно является новатором сельского хозяйства, лауреатом Сталинской премии, членом-корреспондентом Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, государственным деятелем, автором книги!

Что же это? Не отразилась ли тут, будто в чудесном кристалле, легендарная история Советской страны? И не проступают ли в образе этой советской женщины черты коммунизма — существующие, зримые черты? Ответ стал предельно ясным на следующий день, при встрече с передовиками сельского хозяйства.

Небольшой зал Старобешевской школы-десятилетки вмещает примерно полтораста— двести человек. Люди заполнили и коридоры, и классы, и учительскую, раскрыв настежь все двери, ведущие в зал. Собрались представители колхозов, агрономы, трактористы, врачи, учителя — люди разных возрастов, пожалуй, в большинстве пожилые, но аудитория казалась молодой. Это общее выражение молодости, воодушевления было поразительным. Не встречалось тусклых глаз, безучастных лиц.

Мерно лилась речь докладчика. И когда он произнес фразу о колхозах — крепостях коммунизма,— зал разразился аплодисментами.

Докладчик заговорил о власти над землей, о великом плане преобразования природы, сталинском плане лесонасаждения. Когда он употребил образное выражение «зеленые плотины коммунизма», опять хлынули рукоплескания.

Стремление ускорить своим трудом, своей волей приближение всеобщего изобилия было разительной особенностью этого собрания. Председатели колхозов, бригадиры, агрономы, трактористы торжественно принимали социалистические обязательства.

Один из нас, писателей, сказал в своем выступлении:

— И вот через десять или пятнадцать лет я в Москве приду в булочную, увижу свежий белый хлеб и попрошу: «Отвесьте мне, пожалуйста, один килограмм. Сколько это стоит?» И мне ответят: «Хлеб отпускается бесплатно».

Зал откликнулся одобрительным веселым смехом. Звеньевая одного из колхозов, женщина средних лет с загорелым, привлекательным лицом и молодыми глазами, ответила на это так:

— Вы, товарищи писатели, возьмите обязательство: напишите хорошие книги о нас, колхозниках... А мы не подведем: будет наш народ кушать хлеб бесплатно!

Зал утвердил аплодисментами это задорное обязательство колхозницы.

После собрания мы снова пошли к Паше.

Часть нашей группы собиралась провести еще некоторое время в Донбассе, поездить, побывать в шахтах, посмотреть работу подземного горного комбайна и угольного струга. Маршрут вырабатывался при живом участии старика Ангелина и нескольких других местных людей.

В соседней комнате я расспрашивал Пашу. Мне было интересно узнать, как случилось, что она осенью прошлого года, еще до опубликования плана полезащитного лесонасаждения, уже обратилась ко всем трактористам Украины с призывом сажать лес.

— Об этом Светланка хорошо знает, — ответила Паша. — Света, иди к нам.

Светлана подошла.

— Нет, Паша, — сказал я. — Сначала вы сами расскажите: откуда вы узнали, что нужны лесопосадки?

— Как откуда! — воскликнула она. — Ведь мы еще до войны, еще с 1933 года, начали закладывать мичуринские сады и защищать наши поля лесом. И теперь там, около посадок, мы весной всегда на неделю позже начинаем вспашку: почва держит влагу.

Из кухни донесся чей-то голос: «Макеевка у вас останется в стороне, вам ее надо миновать».

Паша вдруг поднялась.

— Почему миновать? — закричала она и, спохватившись, улыбнулась мне. — Не могу, должна вмешаться.

— Паша, вы так и не рассказали...

Она обернулась уже в дверях:

— Ну, в октябре заехал сюда в гости академик Иван Данилович Колесник. Передал привет от Трофима Денисовича Лысенко. Я принялась готовить угощение, накрывать стол. А Иван Данилович заговорил с моей Светланкой... Дальше спрашивайте у Светки...

Паша исчезла, вмешалась в совет, что держали путешественники по Донбассу. Я остался со Светланой.

Девочка в форменном платьице школьницы заговорила:

— Маме было некогда... Дядя Колесник позвал меня.

— А какой он из себя?

— Простой, веселый, быстрый...

— Так, так... Позвал тебя и что спросил?

— Спросил, в каком я классе, в каком кружке. Я сказала: «В ботаническом». Он обрадовался: «Значит, скоро будешь сажать деревья?» «Какие?», «А какие ты больше всего любишь? Липу любишь? Знаешь, какую пользу приносит липа?» «Знаю: с липы пчелы собирают мед». «Правильно!» Он дал мне семена липы и грецкого ореха. «Пусть у вас каждый ученик посадит эти деревья. А потом будете есть мед с грецкими орехами. Это очень вкусно». И еще дал жолуди и семена клена. Тут пришла мама звать дядю Колесника обедать...

Я живо представил, как Паша своим быстрым, размашистым шагом вошла в комнату, как увидела разложенные на столе семена деревьев, как узнала от гостя о том, что разрабатывается план великого лесонасаждения и... «Не могу, должна вмешаться!..» Эти слова Паши, только что здесь сказанные, опять словно прозвучали у меня в ушах. Да, в этом ее натура! Она вмешалась! Не медля, не откладывая, написала обращение ко всем трактористам Украины и сама подала пример: той же осенью со своей тракторной бригадой посадила по способу Лысенко несколько тысяч деревьев.

Вскоре из кухни опять появилась Паша — как всегда стремительная, оживленная.

— Наметили вам шахты! — воскликнула она. — Посмотрите, какими машинами теперь добывают спрессованный красный свет. А мы наверху разведем новые леса, будем собирать новый красный свет.

В первый момент я не понял ее мысли:

— Почему красный?

— Как, разве вы не знаете? Не читали Тимирязева? Или не помните?

И я вспомнил...

Вспомнил и, вернувшись в Москву, перечел давнюю статью К. А. Тимирязева «Красное знамя».

«Я поведу речь о красном знамени, — писал К. А. Тимирязев,— и о красном цвете вообще. О первом я знаю немного, хотя в течение долгой жизни приходилось задумываться и о нем; о красном же свете, или, вернее, о красном цвете, говорю это с полной уверенностью — не думал столько ни один человек на земле».

И наш знаменитый ученый, открывший сокровенные процессы жизни растения, подвел в следующих словах итог многолетнему изучению красного цвета:

«Теперь мы можем смело сказать, что из всех волн лучистой энергии солнца, возмущающих безбрежный океан мирового эфира и проникающих на дно нашей атмосферы, обладают наибольшей энергией, наибольшей *работоспособностью* именно красные волны, они-то и производят ту химическую *работу* в растении, благодаря которой возникает возможность жизни на земле».

И далее Тимирязев восклицал:

«И не достойно ли удивления, что, сознав впервые свою творческую силу в процессе строительства будущих судеб человечества, трудовые массы избрали символом этой силы именно тот же красный цвет, — красный цвет, в котором выражается работоспособность света в процессе мироздания, процессе созидания жизни!»

И не достойно ли удивления, скажем мы сегодня, что в зеленых полосах, которые по сталинскому плану появятся на нашей земле, воплотится тот же красный цвет — боевой цвет знамен коммунизма!

КРЕМЛЬ С МОСКВЫ-РЕКИ.

Цветные фотографии В. Доброницкого и Т. Шабалиной.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТР КРАСНОЙ АРМИИ В МОСКВЕ.

Цветные фотографии В. Доброницкого и Т. Шабалиной.

МОСКОВСКИЙ ПЛАНЕТАРИЙ.

XI съезду Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи

Центральный Комитет ВКП(б) приветствует XI съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и в его лице девятимиллионную армию комсомольцев и комсомолок Советского Союза.

Ленинский Комсомол — передовой отряд советской молодежи, надежный резерв большевистской партии и ее верный помощник. Выпестованный и руководимый партией Ленина — Сталина Коммунистический Союз Молодежи прошел большой и славный путь, вырастил и воспитал миллионы молодых советских патриотов, активных строителей коммунистического общества.

В годы сталинских пятилеток Комсомол, успешно овладевая наукой и техникой, был в первых рядах строителей социалистической индустрии и коллективного сельского хозяйства.

В период Великой Отечественной войны советские юноши и девушки, участвуя во всенародной борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины, проявили великое мужество и стойкость, показали непоколебимую преданность Советской Отчизне.

В послевоенные годы советская молодежь вместе со всем народом по призыву партии Ленина — Сталина активно участвует в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства, за новый мощный подъем социалистической экономики и культуры.

Своей патриотической деятельностью Комсомол завоевал уважение и любовь нашего народа. Заслуги Комсомола перед Родиной отмечены высокими правительственными наградами.

Теперь, когда советский народ решает великие задачи строительства коммунизма, еще более возрастает роль Комсомола в деле коммунистического воспитания молодого поколения. Комсомол должен воспитывать среди молодежи бесстрашных, бодрых, жизнерадостных, уверенных в своих силах, готовых преодолевать любые трудности бойцов за свободу и честь нашей Родины, за дело партии Ленина — Сталина, за победу коммунизма.

Центральный Комитет ВКП(б) выражает уверенность, что Ленинский Комсомол и впредь будет поднимать силы юных патриотов на борьбу за дальнейший расцвет нашей Родины и прославит себя новыми подвигами во имя победы коммунизма.

ЦК ВКП(б) не сомневается, что советская молодежь, верная принципам интернационализма, будет неизменно итти в авангарде демократической молодежи всех стран, борясь за мир и дружбу между народами.

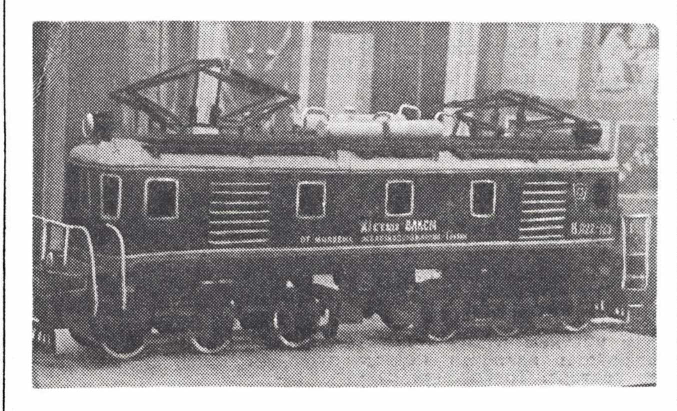
Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи — верный помощник партии Ленина — Сталина!

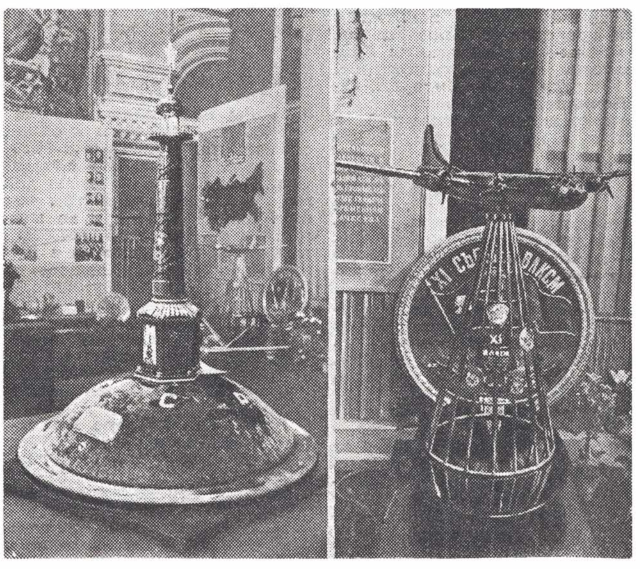
Да здравствует наша славная советская молодежь!

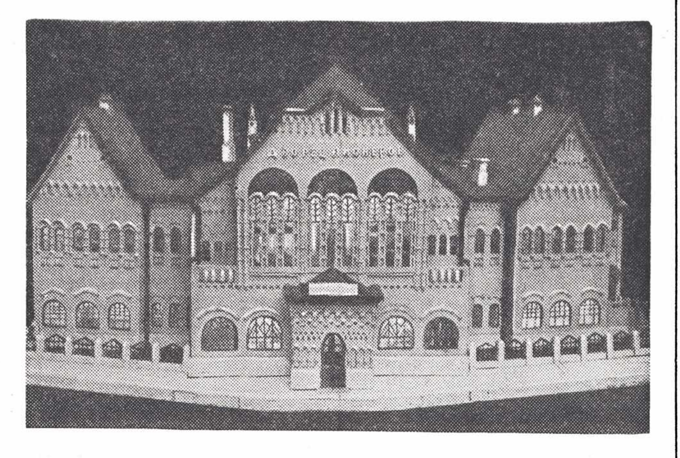
Да здравствует наш великий вождь и учитель, любимый отец и друг советской молодежи товарищ **Сталин!**

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

НА ВЫСТАВКЕ ПОДАРКОВ XI СЪЕЗДУ ВЛКСМ







На снимках: электровоз — подарок молодых железнодорожников Грузии (вверху). Действующая модель маяка — от комсомольцев Камчатки и Курильских островов (средний слева). Модель самолета — работа комсомольцев и молодежи авиации (средний справа). Макет Дворца пионеров в городе Горьком, изготовлен учениками 7-го класса Владимиром Светухиным и Юрой Лазаревым (внизу).

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ВЕСЕННИЕ КАНИКУЛЫ

Первого апреля закончились весенние школьные каникулы.

Весело провели свой отдых школьники столицы. Как бы приурочив свое начало к этому времени, весна приветствовала их первыми теплыми лучами солнца. Юные москвичи отметили ее приход празднованием традиционного «Дня птиц».

Во время каникул Московский зоопарк посетило около 40 тысяч школьников. Здесь ребята услышали увлекательные рассказы членов кружка биологов о вредных и полезных птицах Московской области. Ученые: лауреат Сталинской премии доктор биологических наук П. А. Мантейфель, доктор биологических наук профессор Г. П. Дементьев и другие — прочитали лекции о птицах. В Зоопарке был устроен конкурс на лучшую скворешню. Победителей премировали.

В Московском планетарии школьники прослушали цикл лекций о строении вселенной, о жизни и творчестве великих русских ученых М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, Н. П. Яблочкова. Школьники и сами принимали участие в лекционной работе, делали доклады. Доклады сопровождались демонстрацией интересных опытов. Состоялись встречи с писателями — авторами научно-популярных книг.

За время каникул школьники совершили около двухсот экскурсий по музеям Москвы, побывали в Горках-Ленинских, где экскурсоводы рассказывали им о последних годах жизни Владимира Ильича Ленина. В школах, домах пионеров и дворцах культуры заводов, шефствующих над школами, были устроены пушкинские чтения, в которых участвовали сами школьники и артисты московских театров.

В связи с «Неделей детской книги» были проведены читательские конференции. Особенно хорошо конференции прошли в Доме пионеров Бауманского района, где школьники сделали литературные разборы произведений лауреатов Сталинских премий, встретились с молодыми писателями и поэтами.

В кинотеатрах столицы для ребят демонстрировались фильмы «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия» и другие выдающиеся произведения советской кинематографии.

В эти дни Центральный детский театр показал премьеру пьесы С. Михалкова «Я хочу домой» в постановке О. Пыжовой и Б. Бибикова. Театры столицы — Художественный, Малый и другие — ежедневно показывали на утренниках свои лучшие постановки.

Хорошо отдохнув, школьники снова сели за парты, чтобы успешно завершить учебный год.

Ф. РОДИОНОВ

СПЛОШНЫЕ СОРТОВЫЕ ПОСЕВЫ

По государственному плану, колхозы страны должны в текущем году завершить переход к сплошным сортовым посевам зерновых культур. Хозяйствам, которые еще не обеспечили себя полностью собственными сортовыми семенами, правительство выделило для обмена 9527 тысяч центнеров сортовых и улучшенных семян яровых культур.

— Какое народнохозяйственное значение будет иметь выполнение правительственного задания? — спросил корреспондент «Огонька» начальника зернового управления Юга Министерства сельского хозяйства СССР тов. В. Клименко.

— Это можно наиболее наглядно проследить на примере Краснодарского края, — ответил тов. Клименко. — Колхозы Кубани раньше других восстановили посевы озимых хлебов сортовыми семенами и обеспечили себя сортовыми семенами яровых культур. Отжившие и малопродуктивные сорта — «краснодонка», «ставрополька» и другие — в основном заменены новым, многообещающим сортом мягкой озимой пшеницы «новоукраинка-83». Этот сорт вывел академик П. Лукьяненко. «Новоукраинка-83» дает урожай на 2—3 центнера с гектара больше, чем старые сорта.

Среди яровых пшениц в Краснодарском крае культивируются такие замечательные сорта, как «меланопус-69» и «гордеиформе-27». «Меланопус-69» устойчива против всевозможных грибковых заболеваний, не осыпается, обладает хорошими мукомольными качествами. Это один из лучших сортов для выработки макарон и вермишели. Урожайность новых видов яровой пшеницы выше обычной на 2—3 центнера с гектара. На всей посевной площади это дает дополнительно миллионы центнеров хлеба. Вот в чем основная ценность перехода на сплошные сортовые посевы.

ВЕЧЕРНИЙ УНИВЕРСИТЕТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ МГК ВКП(б)

Беседа с директором университета М. П. Овсянниковым

Более четырнадцати тысяч человек учатся в вечернем университете марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б) и в его восемнадцати филиалах. Здесь можно встретить крупных ученых, известных писателей, выдающихся артистов, художников, архитекторов, партийно-хозяйственный актив столицы.

В 1948 — 1949 учебном году на первый курс университета были приняты 8 тысяч человек. Среди них 30 заведующих кафедрами, 4 члена-корреспондента Академии наук СССР, более 60 профессоров и докторов наук, 245 доцентов и кандидатов наук. В филиале для работников искусств учатся художественные руководители московских театров Н. П. Охлопков, Н. В. Петров, лауреаты Сталинской премии С. Я. Лемешев, В. А. Давыдова, П. М. Норцов, композитор В. Мурадели.

В университете, как и в каждом учебном заведении, решающим условием плодотворной работы является подбор лекторского и преподавательского состава. Требования слушателей чрезвычайно высоки. Большинство из них имеет высшее и незаконченное высшее образование. Поэтому к чтению лекций и руководству семинарскими занятиями привлечены лучшие профессорско-преподавательские кадры Москвы: академик Б. Д. Греков, члены-корреспонденты Академии наук СССР А. М. Панкратова, К. В. Островитянов, профессора В. И. Лебедев, А. Ф. Яковлев, А. Н. Сидоров, заслуженный деятель науки В. Н. Бочкарев и другие.

Помимо общего курса, предусмотренного программой, в филиалах для работников искусств и кинематографии читаются лекции по эстетике.

В некоторых филиалах устраиваются специальные конференции. Так, для работников искусств в марте была проведена теоретическая конференция на тему «За советский патриотизм в искусстве». На конференции выступали слушатели с сообщениями по вопросам: «Высокая идейность — основа советской драматургии» — народный артист РСФСР Н. В. Петров, «Советский театр на новом этапе» — народный артист СССР Ю. А. Завадский.

Занятия в университете способствуют усилению политической активности слушателей. Несколько тысяч их ведет, по поручению своих партийных организаций, постоянную пропагандистскую работу. Университет пробуждает у слушателей желание повышать свою производственную и научную квалификацию.

— Советский художник,— говорит заслуженная артистка республики лауреат Сталинской премии Тамара Макарова,— гордится тем, что он является участником великой борьбы за счастье человечества, за коммунизм. Для него знания — основа творчества. Великая наука марксизма-ленинизма открывает глаза на все явления жизни, дает художнику ясные перспективы в труде, обогащает его искусство силой убеждения.

Вечерний университет марксизма-ленинизма при МГК ВКП(б) стал крупным учебным заведением Москвы, помогающим партийному активу и интеллигенции столицы успешно овладевать всепобеждающей теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

КРАСИВАЯ СТАРОСТЬ

Несколько дней назад в столичной газете появилось траурное объявление. Московский областной комитет Красного креста извещал о смерти активистки Общества Анны Ивановны Романовой, воспитавшей более тридцати сирот.

Похороны происходили в подмосковной деревне Лызлово, где всю свою жизнь прожила эта замечательная женщина с большим сердцем.

...Весеннее солнце озаряет печальные лица колхозников. Густая толпа, молчаливо застывшая у домика с зелеными ставнями, растет с каждой минутой. Идут люди из соседних сел, подкатывают автомобили с представителями разных организаций. Мало кто в Кунцевском районе не знал Анну Ивановну!

Но больше всего тут детей. Подростки, малыши, юноши и девушки. Их много. Все они пришли проститься с бабушкой Анной.

У гроба сменяется почетный караул. Его несут сыновья, дочери и внуки покойной, ее воспитанники, работающие теперь на московских заводах и фабриках.

Красивая старость была у этой женщины. Такие люди могут быть только в нашей прекрасной стране. Только у нас могут дать богатые всходы благородные человеческие чувства и помыслы. Мать шестерых детей, бабушка пятнадцати внуков и внучек, занятая большим личным и общественным хозяйством, Анна Ивановна с 1930 по 1946 год была председателем колхоза имени Н. К. Крупской; она находила силы для забот и о других детях. Тридцать три воспитанника прошли школу жизни в ее маленьком домике, дышавшем чистотой, покоем и уютом. Одного за другим брала она их в детских домах, ухаживала за ними, растила и выводила в люди. В дни войны советские офицеры и бойцы, прослышав о ее любви к детям, приводили к ней ребят, подобранных в прифронтовых лесах, найденных среди развалин смоленских и подмосковных сел.

Обширен список питомцев А. И. Романовой. У каждого своя маленькая, трогательная биография.

Рано познала горе Люба Фонова. Враг дотла разорил ее деревню. Фашисты замучили мать девочки, сожгли отчий дом. В ужасе ребенок убежал в лес. Грибы да ягоды были его единственной пищей. Недолго прожила бы беспризорная девочка, если бы ее не нашли советские воины и не передали в детский дом, откуда потом взяла ее к себе Анна Ивановна.

Пятилетний Илюша Якубов внезапно ослеп. Врачи возвратили ему зрение. Но радость прозревшего мальчика была омрачена большим несчастьем. Умерла его мать. Отца не было. Ребенок остался сиротой. Узнав об этом, Романова взяла мальчика к себе.

Сердечную доброту, материнское участие встречали в доме Романовой целые семьи. Анна Ивановна воспитала Галю, Тамару и Толю Подшапниковых, Нюру и Толю Дозоровых, Галю и Олю Котовых, Нину и Толю Коротковых, Матвея и Валерия Ашмариных.

Дети учились в школе, приобщались к труду. Старших девочек бабушка Анна учила шить, готовить, стирать. Мальчики проводили свободное от уроков время на огороде, в поле. Старшие ухаживали за маленькими, играли с ними, нянчили. И все под зорким и добрым взглядом Анны Ивановны — их второй матери.

Группа питомцев Анны Ивановны Романовой по дороге в школу. Слева направо: Нина Суслова, Дуся Буценина, Галя Малафеева, Женя Майорова и Женя Бабаев.

Фото Э. Гутгарца

Ребята подрастали. Анна Проченкова окончила семилетку. Ее устроили на фабрику «Красная Роза». Она стала ткачихой. Теперь она мастер, недавно у нее родился сын. Нюра Дозорова, окончив школу, поступила на Кунцевскую текстильную фабрику. Валерий Ашмарин работает на заводе, его брат Матвей стал художником. Сколько советских людей выращено и любовно взлелеяно Анной Ивановной Романовой!

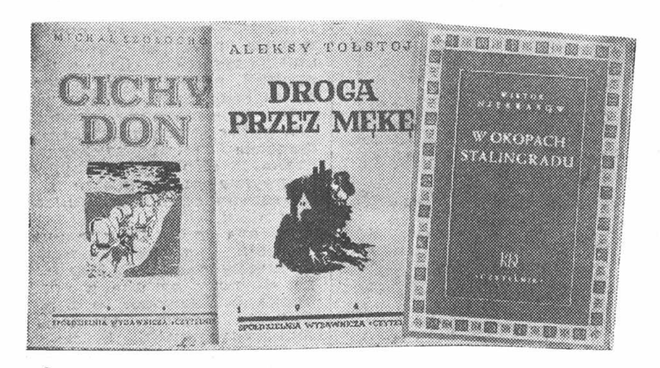
...И вот, выведенные ею на широкую жизненную дорогу, стоят они, скорбно вглядываясь в родные черты любимого человека.

Траурный митинг окончен. Похоронная процессия медленно движется по устланной хвоей дороге. Впереди идут дети. Их семнадцать. Это те, которых до своих последних дней воспитывала Романова. Трое мальчиков бережно несут награды, которые еще так недавно носила на груди Анна Ивановна: «Медаль материнства I степени», а также медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Хорошо и красиво прожила свою жизнь простая русская крестьянка.

С. БОГОРАД

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОЛЬШЕ



Советская литература пользуется огромным успехом среди читателей новой, демократической Польши. Польскими издательствами выпущены книги, рассказывающие о героической борьбе советского народа с фашистскими захватчиками: «Молодая гвардия» Фадеева, «Дни и ночи» Симонова, «В окопах Сталинграда» Некрасова, «Волоколамское шоссе» Бека, «Белая береза» Бубеннова и др.

Трудящиеся Польши, занятые созидательным трудом, читают переведенные на родной язык произведения советских писателей, отображающие жизнь и борьбу трудового народа, великие успехи Советского Союза: «Железный поток» Серафимовича, «Чапаев» Фурманова, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Хождение по мукам» Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Белеет парус одинокий» Катаева, «Танкер «Дербент» Крымова, «Первые радости» Федина и многие другие.

ВЫСТАВКА СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В БУХАРЕСТЕ

В Бухаресте, в Доме советско-румынской дружбы, открылась выставка советской архитектуры, организованная румынским обществом культурной связи с СССР. Выставка пользуется большим успехом.

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В АЛБАНИИ

В Народной республике Албании наблюдается исключительный интерес к изучению русского языка. Общество культурной связи Албании с СССР открыло 15 курсов (кружков) по изучению русского языка, на которых занимаются 360 человек. Опубликовано методическое пособие для желающих владеть основным языком великой страны социализма.

В столице республики — Тиране, — в Педагогическом институте, открыт факультет русского языка.

ПОЛЕЗАЩИТНЫЕ ПОЛОСЫ В ПРИИРТЫШСКОМ КОЛХОЗЕ

Интересна история лесонасаждений в артели имени Шевченко, Ново-Шульбинского района, Казахской ССР. Начало ее относится к 1935 году. Два лета подряд сильная засуха и знойные ветры заставляли желтеть и чахнуть буйно зеленевшие весной всходы. Казалось, ни старания людей, ни применение мощной механизации — ничто не в силах одолеть неистовство природы. Кое-кто из стариков стал поговаривать о переселении в другие районы.

В ту пору в колхоз приехал научный сотрудник Казахского института земледелия Иван Митрофанович Евсеенко. Он внимательно выслушал горестные речи колхозников и затем предложил им осуществить комплекс агротехнических мероприятий, разработанных Докучаевым, Костычевым и Вильямсом. Евсеенко рекомендовал шевченковцам немедленно приступить к освоению травопольных севооборотов и созданию полезащитных лесных полос.

Той же осенью в колхозе был заложен лесопитомник. Весной 1937 года артель высадила вдоль полей севооборота первые 3,7 гектара полезащитных полос. С тех пор из года в год, включая и военное время, умножались лесопосадки в колхозе имени Шевченко. В них сейчас соседствуют клены и тополи, желтая акация и карагачи, лох и сибирская яблоня. Лесные ограды протянулись уже на 50 километров, и если бы их соединить, то они заняли бы 43 гектара. Разрослся и дает плоды молодой фруктовый сад.

Организацию травопольных севооборотов возглавляет в колхозе агроном Моисей Демидович Шрамко. Насаждение лесных полос находится в руках старого энтузиаста-садовода Иллариона Сазоновича Сергиенко. На защищенных полосах шевченковцы собирают теперь зерновых в два и больше раза, чем на открытых. В прошлом году за все время роста и созревания хлебов в районе не было ни одного дождя, свирепствовали суховеи. Тем не менее колхоз имени Шевченко собрал на огражденных лесом полосах с гектара по 110 пудов пшеницы и по 130 пудов овса.

ВОДОХРАНИЛИЩЕ У СТАЛИНГРАДА

После войны на сталинградском металлургическом заводе «Красный Октябрь» возникла мысль создать свою собственную продовольственную базу. Чтобы обеспечить устойчивые и высокие урожаи, надо было выбрать такое место, где можно соорудить большое водохранилище. Участок был найден у безымянной речки, несущей весной в Дон обильные талые воды, а летом совсем почти пересыхающей. Заводу было предоставлено в этом районе 4 тысячи гектаров земли.

Летом 1947 года началось строительство плотины водохранилища. Сейчас она в основном закончена.

Искусственное озеро, сооружаемое в засушливой степи, позволит оросить тысячи гектаров земли, разбить сады и виноградники, создать прочную кормовую базу для продуктивного животноводства. На берегу водохранилища намечается строительство домов отдыха и пионерских лагерей.

В нынешнем году коллектив завода создает на полях своего хозяйства разветвленную оросительную систему.

За мир, за культуру!

Большой круглый зал бухарестского филармонического «Атенеул Ромын» переполнен. Здесь идут заседания конгресса деятелей культуры Румынской народной республики в защиту мира и культуры.

Из городов и сел Румынии съехались сюда делегаты. Их четыреста семьдесят пять. Кроме них присутствуют около четырехсот человек приглашенных. Из Англии, Австрии, Бельгии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Свободной Греции, Германии, Италии, Польши, Соединенных Штатов Америки прибыли для участия в конгрессе гости — представители прогрессивной интеллигенции этих стран. За столом президиума—виднейшие культурные деятели страны. Тут и премьер-министр Петру Гроза, и председатель Президиума Великого Народного Собрания академик Пархон, и маститый писатель Михаил Садовяну, и другие известные ученые, писатели, художники, педагоги.

Заместитель председателя Президиума Великого Народного Собрания академик Михаил Садовяну произносит вступительное слово на открытии конгресса.

С неослабевающим вниманием слушают делегаты доклады и выступления своих соотечественников и прибывших из-за границы гостей. И тишина напряженного внимания часто нарушается то взрывами аплодисментов и гулом одобрительных возгласов, то рокотом негодования, когда ораторы клеймят презренных, проклинаемых народами поджигателей войны, которые готовят преступные военные авантюры, грозящие вновь ввергнуть мир в кровопролитную войну.

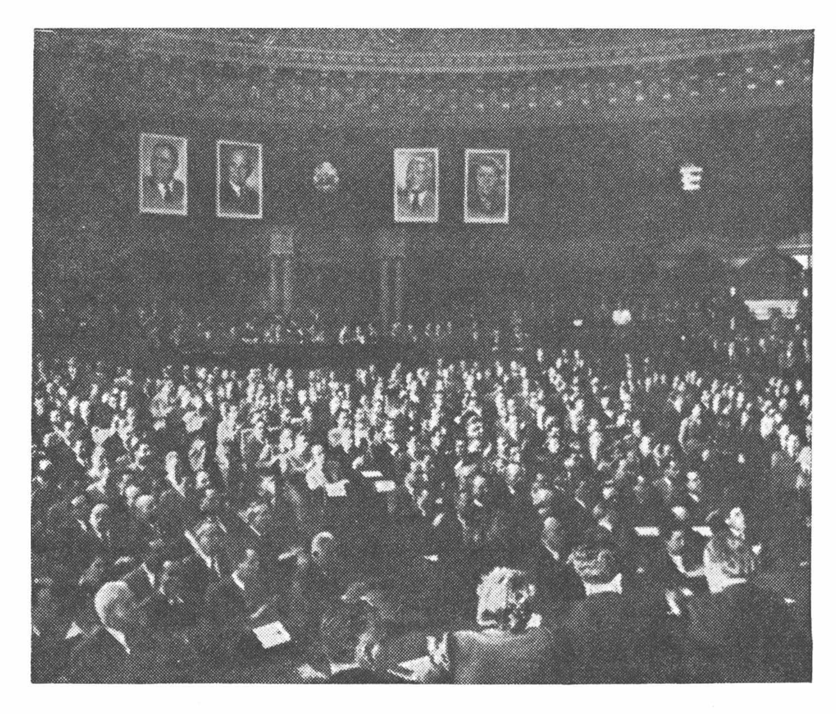
Один оратор сменяет на трибуне другого. На разных языках мира звучат речи. Но говорит ли мартиникский негр поэт Сезар или француз Виллар, американский прогрессивный писатель Майкл Голд или ректор университета, учитель или агроном из румынского села — их слова близки и понятны аудитории.

Люди разных национальностей, они взволнованы общим чувством благородной тревоги за будущее человечества, за будущее науки, литературы, искусства, культуры. Их объединяет общая готовность бороться и звать на борьбу против презренной шайки дельцов и авантюристов, замышляющих преступление новой мировой войны во имя удовлетворения своей хищнической жадности, своей злобы против стремления народов к свободе, независимости и прогрессу.

На каком бы языке ни говорили ораторы, у каждого из них «Атлантический пакт» вызывает сравнение с «антикоминтерновским» пактом фашистских разбойников. И когда ораторы разоблачают современных рабовладельцев, разглагольствующих о «свободах», о «защите ценностей мировой культуры», о «миролюбии», ветер гнева и негодования пробегает по залу. Собравшиеся здесь интеллигенты Румынии еще недавно вместе со всем румынским народом испытывали на себе всю невыносимую тяжесть «попечения» вчерашних предшественников этих «миролюбов» — местных и берлинских сатрапов Гитлера. Они на своем опыте знают, чего стоит демагогия против коммунизма, чем был на деле «новый порядок» берлинских палачей.

Единодушие в трезвой оценке причин и далеко идущих последствий политики заокеанских и европейских поджигателей войны — вот что объединяло тех, кто выступал на этом конгрессе, и тех, кто слушал эти выступления.

Горячий прием был оказан конгрессом советской делегации. Как лейтмотив, во всех выступлениях румынских делегатов и иностранных гостей звучало чувство глубокого уважения к Советскому Союзу, солидарности с последовательной борьбой за мир, которую ведет советское правительство, признание ведущей роли советской культуры в развитии современной культуры мира. Тем самым был еще раз утвержден тот неоспоримый факт, что растущие во всех странах силы народного сопротивления агрессивной политике империалистических поджигателей войны опираются на великую мощь и могучий моральный авторитет первого в мире государства трудящихся.



В зале заседания конгресса.

Надо было слышать бурю аплодисментов при упоминании о героической Советской Армии — освободительницы народов, восторженные овации в честь товарища Сталина, чтобы в полной мере представить себе всю глубину доверия прогрессивной интеллигенции к нашему советскому государству, к мудрости и исторической дальновидности его руководителей, к силе его морального авторитета.

Конгресс закончил свою работу 31 марта. Он единодушно принял манифест о борьбе за мир и культуру и сбращение к предстоящему парижскому Всемирному конгрессу сторонников мира. Создан постоянный комитет борьбы за мир и культуру. Под гром оваций принята была приветственная телеграмма И. В. Сталину.

Ал. СУРКОВ

Бухарест.

Президиум конгресса деятелей культуры.

МОЛДАВИЯ ГОТОВИТСЯ К ЮБИЛЕЮ А. С. ПУШКИНА

Как известно, Пушкин провел в бессарабской ссылке около трех лет (1820—1823). Вся Молдавская ССР деятельно готовится к предстоящему юбилею великого русского поэта. В республике начались пушкинские чтения и беседы.

Крестьяне села Долна с огромным интересом слушали лекцию на тему «Пушкин в Молдавии». В Долне было когда-то имение молдаванского боярина Ралли, которое Пушкин посетил в 1822 году. Долненские комсомольцы решили устроить в сохранившемся боярском доме клуб имени Пушкина.

Музей А. С. Пушкина в Кишиневе помещается в старом городе, в доме, принадлежавшем в начале прошлого века некоему Наумову. Здесь Пушкин прожил первые два месяца своей ссылки — с 21 сентября по конец ноября 1820 года. Низенькая беленая хата из двух комнат с кухней с тех пор не раз ремонтировалась, перестраивалась. Именно отсюда, из этих окон, глядел Пушкин на покрытые садами холмы вокруг города, и рука поэта заносила на бумагу строку: «Редеет облаков летучая гряда...»

К юбилейной дате музей расширяется. Он будет занимать еще и соседний дом. В «наумовском» домике останется экспозиция, связанная непосредственно с пребыванием Пушкина в Молдавии; остальной материал будет перенесен в новое помещение.

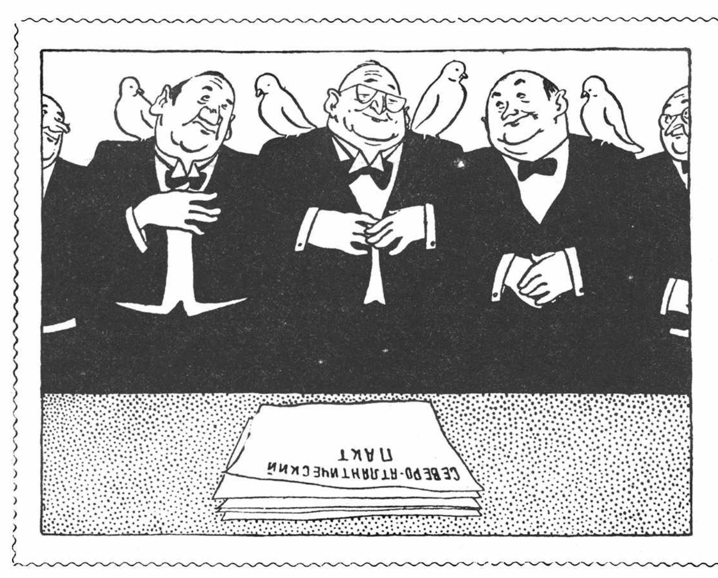
Государственное издательство Молдавии готовит к печати однотомник избранных сочинений Пушкина, переведенных на молдавский язык, под общей редакцией поэта Емелиана Букова.

С. ШЕРВИНСКИЙ

КОРОТКО

ДОМ ПУШКИНА ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ В ОДЕССЕ. В доме, где 126 лет назад жил и работал гениальный поэт, откроется музей его памяти. В залах музея посетители увидят материалы, освещающие творческий путь А. С. Пушкина, произведения, над которыми он работал в Одессе. Дом ученых выпускает специальный сборник статей к 150-летию со дня рождения поэта.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЛЕКТОРИЙ ОТКРЫЛСЯ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ. Первый концерт был посвящен творчеству великого русского композитора Римского-Корсакова. Интерес к лекторию большой. Пятьсот постоянных слушателей приобрели уже абонементы на весь цикл лекций.



— Мы никому не угрожаем, у нас самые мирные намерения...

←

→

...В чем и расписываемся!

Рисунки Г. Валька

В ДОЛИНЕ ВАХША

Секретарь партийной организации колхоза «Рохи Ленин» Давлят Абдуллаев рассказывает:

— Мой дед всю жизнь мечтал о переселении в долину Вахша. Он так и умер в Каратегине, среди гор. Эту мечту лелеял и мой отец. Ему посчастливилось перебраться сюда, но он умер от малярии, не успев осуществить своих планов. Только нам, людям советского поколения, удалось добиться того, о чем мечтали наши деды и отцы. Мы стали полновластными хозяевами Вахшской долины, мы преобразили ее неузнаваемо. Тысячи семей из горных районов переселились в долину бурной реки. Сейчас здесь более двухсот колхозов и около половины их — миллионеры.

Горцы закладывали в долине сады и виноградники, сеяли рис, пшеницу, ячмень, осваивали хлопководство. Поля разрастались. Но росту их мешал недостаток влаги. «Нет воды — нет жизни», — гласит таджикская народная пословица. Под палящими лучами южного солнца, без воды выгорят и сады и посевы. В годы первой сталинской пятилетки в долине Вахша начали создавать одну из самых больших в Советском Союзе ирригационных систем. Сейчас длина сети ее оросительных каналов достигает 1720 километров. Они орошают 42 тысячи гектаров плодородной земли. Прямые, как стрелы, каналы, линии электропередач, благоухающие плодовые сады, стада гиссарских овец, тщательно возделанные хлопковые поля — такова теперь Вахшская долина.

Богатые урожаи «белого золота» прославили ее на весь Советский Союз. Тут стали возделываться длинноволокнистые сорта хлопка, которые, по уверениям англо-американских «специалистов», не могут произрастать нигде, кроме Египта и Индии. Колхозы и совхозы Вахша стали давать хлопка больше, чем до революции весь Таджикистан. Около ста лучших мастеров высоких урожаев хлопка из колхозов Вахшской долины стали Героями Социалистического Труда.

Но советские люди не успокаиваются на достигнутом. Решения VII съезда большевиков Таджикистана предусматривают дальнейшее развитие сельского хозяйства Вахшской долины.

В ближайшие годы намечено удвоить урожайность и довести ее в среднем до 30 центнеров длинноволокнистого хлопка с каждого гектара.

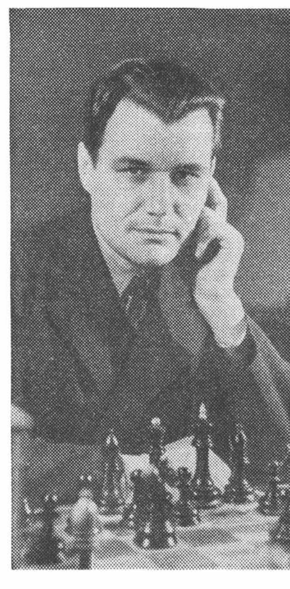
Семь тысяч гектаров займут посадки деревьев, которые позволят резко увеличить дренаж долины. Деревья, высаженные вдоль каналов, убьют сорные травы и камыши. Наконец будет решена и проблема сплошной электрификации Вахшской долины.

Этот чудесный парк выращен в бывшей пустыне. Он принадлежит Вахшской зональной станции сухих субтропиков. Здесь до 120 пород деревьев, в том числе гранат, инжир, хурма. Зональная станция успешно проводит опыты по выращиванию лимона.

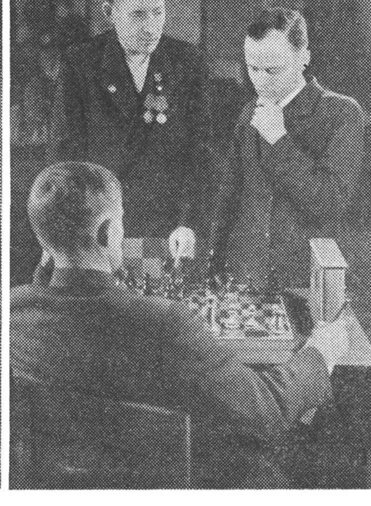
Дневник ОГОНЬКА

Таджикская ССР. Сталинабад.

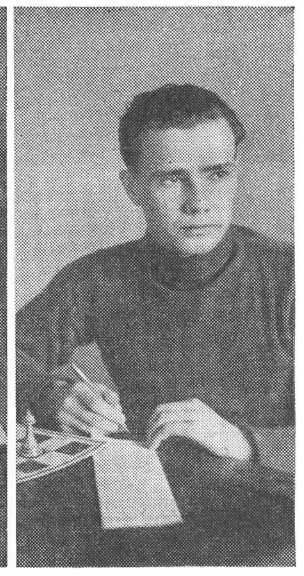
СОРЕВНОВАНИЕ СТА ТЫСЯЧ КОЛХОЗНЫХ ШАХМАТИСТОВ



Г. И. Журавлев (колхоз «Красный ударник», Калининской области).



Играет Н. Ф. Борисенков (стоит) с М. Юзихиным (сидит). Наблюдает за игрой участник чемпионата, Герой Социалистического Труда, бригадир тракторной бригады (Молотовская область) С. И. Гладких.



В. Г. Утяганов (колхоз имени Вильямса, Челябинской области).

Фото Э. Гутгарца

Открывая 15 марта первый Всероссийский шахматный чемпионат колхозников в Москве, председатель комитета по делам физкультуры и спорта при Совете министров РСФСР тов. С. Пушнов отметил, что участие в отборочных соревнованиях ста тысяч колхозников-шахматистов является ярким свидетельством расцвета социалистической культуры в колхозной деревне.

Выступивший затем один из участников финального соревнования, председатель колхоза имени Пугачева, Чкаловской области, тов. В. Романов, говоря о массовости шахматного движения в нашей стране, подчеркнул, что турнир показывает, как быстро стираются в стране социализма грани между городом и деревней.

Этими же мыслями были пронизаны выступления и других товарищей на торжественном открытии соревнования: участника чемпионата Героя Социалистического Труда С. Гладких, колхозницы артели «Борец» Героя Социалистического Труда А. Шишкиной, приветствовавшей собравшихся от имени передовиков сельского хозяйства Московской области и главного судьи турнира чемпиона мира гросмейстера М. Ботвинника.

За ходом чемпионата, продолжавшегося две недели, с неослабным вниманием следили сотни тысяч любителей шахматной игры. Участники состязания ежедневно получали десятки телеграмм с теплыми словами приветов и пожеланий от своих односельчан, а также знакомых и незнакомых друзей со всех районов страны.

Партии чемпионата проходили в острой, интересной борьбе. Колхозники-шахматисты, завоевавшие в отборочных соревнованиях почетное право бороться за звание сильнейшего колхозного шахматиста Российской Федерации, играли смело и изобретательно, показав незаурядные способности, знание современной теории, солидное знакомство с лучшими партиями великих русских мастеров и выдающихся советских гросмейстеров.

Основная борьба за первенство на протяжении всего турнира велась между В. Утягановым (Челябинская область), Н. Борисенковым (Подмосковье) и Г. Журавлевым (Калининская область). До последнего тура шансы на победу у них были примерно равными.

В последнем туре Борисенков выиграл решающую партию у Утяганова, но выиграл свою последнюю встречу имеющий одинаковое с ними количество очков и Журавлев. В результате первое и второе места поделили Борисенков и Журавлев, они играют матч между собой на звание чемпиона. На третьем месте Утяганов.

Всероссийский чемпионат колхозных шахматистов — крупное явление в культурной жизни нашей страны. Пожелаем, чтобы такие массовые колхозные турниры проводились ежегодно во всех союзных республиках.

ЛЕКЦИЯ

Рассказ

Виталий ВАСИЛЕВСКИЙ

Рисунки О. Верейского

Весною прошлого года в Синегорске, в Машиностроительном институте, токарь завода «Октябрь» Алексеев, тот самый Алексеев, который первым в стране добился скорости резания семисот метров в минуту, прочитал лекцию «Новые методы холодной обработки металла».

Это было первое выступление Алексеева перед незнакомыми слушателями. Когда он вел занятия стахановской школы Зареченской стороны, за партами сидели знакомые токари: со стариками дружил его отец Иван Петрович, проработавший на «Октябре» тридцать четыре года, а с молодыми сам Алексеев учился в фабзавуче, уходил на фронт, воевал в рядах дивизии, сформированной в его краях. В школе никто не называл его беседы лекциями, о них не объявляли по радио, не сообщали в синегорской газете.

Прочесть лекцию в институте предложил Алексееву доцент Суров. Он приехал на завод в собственном «москвиче», был в разговоре вежлив, солиден, заверил, что вопрос согласован с парткомом «Октября». Понравилось Алексееву, да и всем токарям, что руки доцента были вымазаны машинным маслом: Суров сам водил и ремонтировал свой крохотный автомобиль.

Алексееву было двадцать шесть лет, он пользовался уважением всех жителей Зареченской стороны. Отец его, Иван Петрович, славился производственными рекордами еще в эпоху первой пятилетки; он добровольцем ушел на войну, погиб в боях под Вязьмой. Зареченцы помнили, как сын Ивана Петровича Алексеева, тоже Иван, окончил с отличием фабзавуч, был вратарем футбольной команды завода «Октябрь», как он вернулся с войны при орденах и медалях, начал работать в цехе и в семь раз повысил производительность труда. Это надо понять!—семьсот метров в минуту!..

К этому рекорду зареченцы отнеслись, однако, спокойно: они привыкли, что не только в Синегорске, но и по всей Советской стране Зареченская сторона, как говорится, испокон веков славилась стахановцами. Лишь после того как в московских газетах начали писать об Алексееве, как на «Октябрь» зачастили фотографы и журналисты, зареченцы признали славу Алексеева, да и то с оговоркой, что это слава всего лишь сорок восьмого года, а кто прославится через год— это мы, мол, еще посмотрим!

Старухи, греясь на солнцепеке около одноэтажных, дедами еще поставленных домиков с зелеными и красными ставнями, судачили:

— Это какой Алексеев? Ирины Ивановны, что ли, сынок? Курчавенький?

— До войны, милая, был курчавеньким... Танк в бою подожгли, пламенем его опалило...

А мастер Свидельский Семен Семенович, у которого Алексеев учился в фабзавуче, как-то в клубе внушительно объяснил приятелям, нахохлив пышные усы и сделав большие глаза:

— Опытничает парень, рискует. Весь в отца!

Слава не испортила характер Алексеева. После рекорда у него прибавилось работы; пожалуй, только в этом он и заметил, что к нему пришла слава... Вначале он руководил стахановской школой на заводе, а затем по совету райкома партии школу перевели в Дом техники, и в ней начали заниматься токари со всех заводов Зареченской стороны. И сразу посыпались письма; из Горького и Риги, Астрахани и Омска писали Алексееву инженеры, токари, ремесленники, спрашивали, как удалось ему повысить скорость резания до семисот метров в минуту. Алексеев аккуратно отвечал на все письма, и на это уходило уйма времени.

Видимо, доцент Суров рассказал о лекции Алексеева кому-то из знакомых журналистов. На другое утро мастер Свидельский повстречал Ваню у трамвайной остановки, пожелал доброго здоровья и сообщил, что слышал по радио: на пятницу в Машиностроительном институте назначена лекция токаря Алексеева.

— Да ты теперь профессор, Ваня,— сказал Свидельский, утюжа тыльной частью ладони усы.— Ого, как далеко шагнул рабочий класс!

— Оставьте насмешки, Семен Семенович,— попросил Алексеев.

— Ну не сердись, я понимаю — наука! — Свидельский неопределенно пошевелил пальцами в воздухе.

Они пошли по набережной. Река прилежно трудилась: гнала вниз по течению барки с хлебом, плоты. На противоположном берегу широко раскинулся городской парк; уже распускалась листва, и Алексееву показалось, что клочковатый зеленый дым тянулся от реки, заволакивая темные стволы деревьев.

* * *

Машиностроительный институт на Зареченской стороне открыли пятнадцать лет назад. Ему отвели помещение загородного особняка богача Хлынова. После революции здесь был дом отдыха профсоюза металлистов. В те времена особняк был окружен лесом; его так и называли — Хлыновский лес. Едва в пору первых пятилеток начали строить вдоль реки заводы, в горсовете догадались, что лес теперь все равно не уберечь, и распорядились обнести особняк оградой. И точно, лишь за оградой уцелели липы и клены.

Алексеев бодро шел по темной аллее и представлял себе, как он, выйдя на кафедру, громко, уверенно начнет лекцию: «Товарищи, производительность труда в конечном счете решает судьбу послевоенной пятилетки». Вдруг на повороте разом открылся ярко освещенный шестиколонный фасад института, и Алексеев оробел; ему захотелось вернуться, из ближней аптеки позвонить по телефону доценту Сурову: заболел, мол... Все, чем он гордился, все, что о нем писали в газетах, показалось ему теперь случайным. Право же, мастер Свидельский куда больше его понимал в токарном деле, а если не успел первым в стране повысить скорость резания до семисот метров, то исключительно потому, что Семену Семеновичу некогда было этим заниматься: днем преподавал в ремесленном училище, вечером — в школе стахановцев.

Из темной аллеи Алексеев смотрел на институт, в котором еще до войны мечтал учиться, и думал, сумеет ли он толково объяснить студентам, в чем смысл его метода. Доцент Суров обещал поставить в аудитории токарный станок, чтобы Алексеев не только рассказывал, но и работал. Конечно, станок не был закреплен на специальном фундаменте, значит, работать на нем придется с пониженной скоростью, не на полную мощность. Это само по себе трудно и, пожалуй, неприятно.

Накануне мать осторожно спросила Алексеева:

— А тебе не рано лекции читать?

— Да почему же рано? — самонадеянно сказал Алексеев. — Сами позвали, я не напрашивался.

— Сознайся-ка, страшновато?

— Пожалуй, страшновато,— согласился сын. Подумав, он добавил:— На фронте страшнее было!

В вестибюле Алексеева поджидал доцент Суров.

Аудитория была ярко освещена, около огромной, во всю стену доски стоял токарный станок с индивидуальным мотором. Студенты при виде Алексеева одобрительно зашептались. Он всем понравился. Пятна ожогов на щеке, шее и руках не уродовали его, взгляд был быстрый, пытливый, движения точно рассчитанные, энергичные. В нем чувствовалась внутренняя напряженность, сосредоточенность, настойчивость.

Суров представил Алексеева студентам, повторил тему лекции. Пора было начинать. Алексеев положил руку на кафедру, огляделся, и внезапно волнение затуманило его глаза. Этому были две причины: на передней скамейке сидел рядом с Суровым профессор Клячкин, автор известного учебника «Холодная обработка металлов», а позади — друг Алексеева, токарь завода Сельмаш Вася Иволгин. Как он попал на лекцию? Кто его пригласил?

«Да ты, Вася, не добился ли семисот метров? — подозрительно подумал Алексеев.— Ясно — добился! Суров, видимо, и пригласил его на лекцию, содокладчиком что ли... То-то доцент встретил меня чересчур ласково».

Алексеев откашлялся, почему-то плотно потер щеку, переступил с ноги на ногу и вдруг пошел к станку. Опасения его оправдались: станок был слабо закреплен, вибрировал, «не вез», как говорят токари. Все-таки работать можно было примерно со скоростью триста— триста двадцать метров в минуту. И эта скорость была невиданной для студентов. Многие из них пришли в институт с синегорских заводов, были тоже токарями, а значит, работали до сих пор практически, изо дня в день со скоростью сто метров.

Работа сразу успокоила Алексеева. Так и на заводе часто бывало: забывались все горести, огорчения... Над станком поднялось дымовое облачко. Резец как бы плавил, а не резал сталь. Синяя дымящаяся стружка стекала с резца, как ручеек с камня, дробилась стружколомателем и крупными брызгами сыпалась на пол.

Досадно было Алексееву, что станок плохо закреплен, но на фронте в ремонтной мастерской танкового полка приходилось не раз работать на совершенно разболтанном станке, да еще как работать — под обстрелом! Через двадцать минут он осторожно, словно стеклянную, положил на кафедру коническую шестерню. Раздались рукоплескания, как в театре. Студенты знали, что такую шестерню обычно изготовляли за два часа сорок минут. В цехе, на станке со специальным креплением, Алексеев работал еще быстрее, и об этом тоже знали слушатели.

Теперь надо было рассказать, почему после войны Алексеев решил работать на повышенных скоростях. Говорить было тем легче, что журналисты со слов Алексеева не раз писали об этом в газетах.

— Товарищи,— громко, но невнятно, часто запинаясь, начал Алексеев,— сейчас вот что скажу... Вернулся я с фронта. Вижу с удивлением: за годы войны скорости на нашем заводе у токарей не повысились сколько-нибудь заметно. Лет десять назад, когда я в фабзавуче учился, отец говорил: «Медленно работаем, медленно, как при царе Горохе». А на фронте, в полевых условиях, когда надо было отремонтировать танк к утру, то есть, я хочу сказать,— к бою, мы работали со скоростью двести—триста метров в минуту. Конечно, обстановка была другая: фронт! Так изо дня в день работать на разболтанных станках нельзя. Порыв был, на страшном подъеме работали... С другой стороны, сейчас на заводе условия более благоприятные, чем в полевой мастерской. Значит, можно повысить скорость резания? Можно! Каким путем? За счет мускульного напряжения токаря? Нет, технологию надо было менять!

Неожиданно Алексеев взглянул на Клячкина. Профессор втянул голову в плечи и дремал. Он изрядно клевал носом. Алексеев так растерялся, что замолчал. Видимо, лекция совершенно не заинтересовала Клячкина... Многие токари, скажем, мастер Свидельский, не раз, видимо, работали со скоростью семьсот метров в минуту, только никому не говорили об этом, не придавали этому никакого значения. А если Вася Иволгин с Сельмаша тоже показал скорость семьсот метров, то Клячкину подавно не захотелось слушать Алексеева.

— Я занялся резцом,— проговорил Алексеев, с отчаянием и обидой глядя на профессора.— Новый резец! Вот я сейчас начерчу эскизик...

Он резко отвернулся к доске, чтобы только не видеть Клячкина. «Эскизик — фу, как слащаво»,— поморщился Алексеев. Ему захотелось бросить все и уйти из аудитории, но он продолжал упрямо чертить. В конце концов не ради профессора он пришел сюда. Клячкин — выдающийся специалист; конечно, ничего нового он не мог услышать от токаря Алексеева. А Васька? Посмотрим, как он будет стоять у доски, послушаем, как он заговорит...

— Разрешите-ка, батенька, помогу,— внезапно предложил Клячкин, увидев, что Алексеев окончательно запутался с чертежом. Дремать-то профессор дремал, но все слышал и все понял. Он проворно подошел к доске, грубовато взял из рук Алексеева мелок. Дремы в Клячкине как ни бывало; узенькие, в венчике темных глубоких морщинок глаза профессора смотрели зорко, насмешливо.

— Наш уважаемый лектор правильно отметил, что фронтовой ночью скорость резания можно повысить за счет внутреннего напряжения, энтузиазма или, если хотите, вдохновения. На заводе надо было ломать, бес-по-щад-но ломать старую технологию! И Алексеев сделал это. После долгих опытов он создал резец совершенно новой геометрии. Смотрите!

Профессор набросал беглыми, но твердыми, широкими штрихами эскиз резца Алексеева. Уважаемый лектор, он же автор резца, стоял рядом и улыбался. Что и говорить: улыбка была неуместной, Алексеев чувствовал это, но никак не мог совладеть с кривящимися губами.

Внешне Клячкин казался добродушным старичком. Его длиннополый пиджак был обычно засыпан пеплом, седая растрепанная борода торчала веником, собеседника — от директора до швейцара — он величал

«батенькой», на заседаниях бесцеремонно дремал. Характер профессора был бурный, напористый. Он постоянно разъезжал по заводам не только Синегорска, но и всего Советского Союза, дружил со стахановцами, приглашал их к себе; он мгновенно понимал то, о чем сами стахановцы только догадывались, помогал им советом, как бы мимоходом брошенным словцом, после которого собеседник разводил руками, растерянно мигал, словно глаза запорошило песком, и, наконец, восклицал, широко улыбаясь:

— Да ведь и я так думал, профессор!

Наконец-то Алексеев перестал кривить губы и теперь стоял у доски, как часовой на посту: «Поставили, мол, вот и буду стоять, пока не придет разводящий!» Суров сжалился, поманил пальцем, и Алексеев на цыпочках пробрался к первой скамейке. Смущенно он покосился на доцента, но тот не обращал на Алексеева никакого внимания, а слушал Клячкина, слушал внимательно, жадно, восхищаясь неотразимой логикой, блеском математического мышления профессора.

— Как работали, да и поныне работают токари? Сто метров в минуту, шесть километров в час — скорость крестьянской телеги,— говорил Клячкин, дробно стуча по доске мелком.— Страна давно пересела на трактор, на автомобиль, а токари все еще тряслись на телеге. А время наше — быстрое... Есть даже роман «Время, вперед!», этого... Ну, как...

— Катаева,— подсказал со скамейки Алексеев.

— Именно! Название характерное, знаменательное. И токарь Алексеев приказал своему станку — вперед! Он начал работать в семь раз быстрее. Вдумайтесь-ка, в семь раз!

В аудитории было так тихо, что Алексеев слышал свое дыхание. Он думал: как это странно, что Клячкин, побывав всего два — три раза в цехе, сейчас сжато, лаконично, но совершенно точно объяснял весь путь исканий Алексеева.

Распахнув пиджак, из-под которого показался обширный живот, машинально раскачиваясь вправо и влево, Клячкин говорил с каким-то свирепым ожесточением:

— На каждом шагу новые препятствия. Уже при скорости пятьсот метров вороха перепутанных стружек вылетали из-под резца Алексеева с такой сумасшедшей скоростью, что он не успевал отводить их крючком. Где выход, где? — настойчиво переспросил профессор с такой страстью, что у Алексеева холодок пополз по спине. И в самом деле, он долго не мог найти выхода, отчаивался, давал зарок бросить опытничать.

— В какой-нибудь Америке изобретатель никогда не придет на помощь другому изобретателю,— продолжал Клячкин, рассеянно пачкая мелом лацканы пиджака.— Какое! — он радоваться будет его неудаче... У нас все иное. На заводе имени Красной Армии мастер Баскин, Михаил Васильевич, ну, слышали — знаменитость! — устроил универсальный стружколоматель, вот он,— профессор указал на станок.— Я ему немедленно советую: «Батенька, бегите скорее к Алексееву, покажите ваш стружколоматель, ведь он в тупик зашел». Ну, разумеется, Баскин поспешил на «Октябрь», в цех, и вот результат — семьсот метров Алексеева...

Алексеев откинулся на спинку скамьи. От неожиданности ему было трудно дышать. Придвинувшись к окну, он принялся вертеть в плетеные жгутики бахрому портьеры. Когда Алексеев волновался, то завивал в жгуты бахрому скатерти или портьеры. Мать знала эту привычку и при кратковременных семейных распрях решительно снимала, прятала скатерть в буфет. Сейчас никто не мешал Алексееву портить институтскую портьеру.

Он вспомнил, как в цех пришел Баскин, такой же грузный, приземистый, как мастер Свидельский, с такими же пышными висячими усами, показал и сам прикрепил к его резцу стружколоматель. И Алексеев уверенно, спокойно повысил скорость до семисот метров.

Никогда Алексеев не скрывал от журналистов, что мастер Баскин помог ему. Да и как это можно было скрыть, если все зареченцы знали о стружколомателе. Однако никто и сам Алексеев не предполагал, что Баскина на «Октябрь» послал профессор, что издалека Клячкин следил за опытами Алексеева.

И чувство благодарности охватило Алексеева, чувство радости, что он не был одиноким в своих поисках, и он понял, почему Суров и студенты с таким восхищением смотрели на неряшливо одетого, замазанного мелом старика, бурно рассказывающего теперь о том, как был отрегулирован станок Алексеева.

Вдруг профессор испуганно зашарил по карманам, вытащил старинные серебряные часы луковицей и признался, что он совсем запамятовал: в девять вечера у него заседание. В дверях он остановился, поблагодарил немедленно вскочившего Алексеева за интересное сообщение.

— Еще скажу, батенька,— добавил Клячкин.— Семьсот метров — тоже не бог весть какая скорость.— Ехидный был старичок, любил говорить людям неприятности.— На первых порах узнать об этом радостно, я для одиннадцатого издания своего учебника главу новую напишу: «Метод Алексеева»,— а сейчас пора идти вперед. Восемьсот, девятьсот, тысяча,— растопыренные пальцы Клячкина взлетели вверх.— Тысяча метров!

Он вышел.

Через минуту по коридору промчалась уборщица, размахивая забытым портфелем.

Студенты окружили Алексеева и наперебой спрашивали, какой химический состав стали резца, каким способом охлаждается резец и деталь, на каком фундаменте закреплен станок.

В вестибюле, одеваясь, Алексеев тихо спросил Сурова:

— Как сюда попал Васька... Вася Иволгин? С Сельмаша?

— Студент,— ответил Суров.— Студент заочного факультета. Чрезвычайно способный юноша.

* * *

Дома Алексеев нашел записку матери: «Ушла в кино, сосиски и молоко в шкафу на кухне»,— одиноко поужинал и медленно прошел в свой крохотный кабинет. До войны это был чулан. Вернувшись с фронта, Алексеев узнал, что угловая трехоконная комната — отцовская комната — была занята вдовой капитана орденоносца Калугина. Алексеев решил было сразу пойти в жилотдел, но мать возразила негромко, но строго:

— Дети, Ваня. Это надо понять: вдова с тремя детьми. Куда она с ними денется?

— Пусть жилотдел даст.

— Так ведь жилотдел когда еще даст,— Ирина Ивановна говорила «дасть».— Сироты! Проживем и в одной комнате.

— А если я женюсь? — нерешительно предположил сын.

— И женись, женись, я в общежитие перееду.

Ирина Ивановна работала мастером на текстильной фабрике.

Сын решил не спорить, выбросил из чулана хлам, пробил окно в бревенчатой стене, и сразу голубоватый свет реки хлынул в комнатку. Мать поставила там двухспальную кровать, но оказалось, что кровать

заняла ровно полкабинета, еле-еле можно бочком протиснуться к столу. Алексеев убрал кровать и сделал откидную полку, как в железнодорожном вагоне. Ирине Ивановне эта полка понравилась.

— У нас в общежитии на втором этаже теснота. Пока отстроят новый дом, надо бы девчатам такие полки сделать. Ты, Ваня, приготовь мне эскиз.

— Ладно,— сказал Алексеев,— приготовлю.

Сейчас Алексеев включил настольную лампу под зеленым абажуром. Ему надо было о многом подумать — о Ваське Иволгине, о предложении Сурова с осени начать заниматься в институте на заочном факультете. Иволгин на лекции вел себя странно, то есть на первый взгляд странно: не задал Алексееву ни одного вопроса, а о чем-то упорно думал и чертил в тетрадке какие-то узоры или эскизы. А семисот метров-то у Васьки пока еще нет. Но когда профессор упомянул о тысяче метров, Иволгин резко вскинул голову, смуглое, с круто выдающимися скулами лицо его напряглось, и он еле заметно улыбнулся. Похоже было, что он догадался о чем-то важном...

Суров довез Алексеева до дома в своем «москвиче» и в дороге все говорил о вибрации станка; как бы случайно, видимо, подражая Клячкину, намекнул, что станок при новом повышении скоростей снова начнет вибрировать,— значит, надо подумать о специальном дополнительном креплении.

— Я ночью подумаю,— охотно согласился Алексеев.

— Ночью?

— Я ночью люблю работать.

— А почему? — заинтересовался доцент.

— Да так как-то... Никто не придет, не потревожит. И тихо. Прогудит пароход на реке, встрепенешься — и снова к чертежу.

— Да, хорошо,— мечтательно вздохнул Суров.

На набережной послышался басовитый голос матери,— видимо, возвращалась с приятельницами из кино.

— Так я директору и отрезала: если не закончишь к августу ремонт яслей, пропесочу на парткоме!

Ирина Ивановна открыла своим ключом дверь, долго хлопотала на кухне, мыла посуду, подтерла пол.

«А вставать в шесть,— подумал Алексеев.— Сколько раз говорил, что надо нанять домработницу!»

Ирина Ивановна ценила заботу сына, но его предложение отвергла... Прибрав на кухне, мать умылась и постучала к сыну. Была она высокая, ширококостная, совершенно седая, а лицо у нее было удивительно моложавым, и когда она, принарядившись, шла в кино или клуб, то никто не мог ей дать пятидесяти лет.

— Заходи, мама,— приветливо сказал Алексеев, откинул полку: второй стул в его чуланчике не помещался.

— Ну, как лекция, профессор? — спросила Ирина Ивановна.— Хвалили?

— Не сказал бы,— вяло протянул Алексеев.

— Теперь нашего брата — стахановца — часто так хвалят: «Ах, товарищ, вы открыли новые пути, вы совершили переворот в технике!» Мне в министерстве все говорили: «Ирина Ивановна, ваша стахановская смена единственная, ваша смена первая в стране!» Вот и беда, я ответила, что единственная, пора ей быть десятой или сороковой...

Нрав у Ирины Ивановны был шумный; легенды ходили по текстильным фабрикам о ее спорах с директором, начальником главка.

— Нет, мама, профессор Клячкин не захвалит, прямо сказал: семьсот метров — не предел, тысячу пора бы дать — вот задача!

— Чья задача? Твоя?

— Ну, так он не сказал,— смутился Алексеев.— А получается, что моя. Кто из токарей мог бы дать тысячу? — спросил он сам себя.

— В кино сейчас говорили, Вася Иволгин с Сельмаша опытничает. Храбрый парень,— уважительно сказала Ирина Ивановна.— Отца его знала: острого ума был старик.

— Мне ли Ваську не знать,— настороженно сказал Алексеев.— В фабзавуче у Свидельского учились, с фронта в одном поезде ехали... Сегодня на лекцию прибежал, глаза так и горят!.. Да нет, не перегонит! — добавил он.

Было это сказано без внутренней уверенности: Вася был умным, настойчивым и в институте, наверное, хорошо учился. А чему улыбнулся Иволгин после лекции?

— Ну, смотри, — сказала Ирина Ивановна. — Жаль, отца нет, вместе бы опытничали.

Пожелав сыну спокойной ночи, Ирина Ивановна прошла в соседнюю комнату, потушила свет, но не легла, а сидела у окна, смотрела на темную, почти неразличимую во мраке, лишь глухим шорохом и плеском напоминавшую о себе реку.

* * *

Постовой милиционер Ибрагимов обошел вверенный ему участок. Никаких происшествий обнаружено не было. Он вышел на набережную. В окне первого этажа углового дома горела лампа под зеленым абажуром. Занавеска была не плотно задернута, и Ибрагимов увидел склонившегося над чертежом Алексеева, коротко подстриженные светлые волосы, расстегнутый ворот рубахи, циркуль в руке.

Ибрагимов подтянул голенища сапог, покурил на крылечке. Через час он опять вернулся на набережную — в комнате Алексеева еще был свет. Ибрагимову было приятно смотреть на огонек — так машинисту поезда отрадно заметить на горизонте ночного неба зеленый семафор.

А когда потух свет, уже начиналось утро. Осторожно прогудел пароход где-то в низовье реки и разбудил птиц в прибрежном парке, трамвайных вагоновожатых и кондукторов, дворников, шоферов автобусов и хлебных фургонов,— словом, всех людей, которым надо в пять утра начинать работу.

«ПРАВДА ОБ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТАХ»

Л. КРАЕВ

Под таким заголовком вышла недавно в издании «Литературной газеты» книга, написанная бывшим помощником начальника Бюро информации посольства США в Москве Аннабеллой Бюкар.

Бесхитростный, правдивый рассказ Аннабеллы Бюкар, безусловно, заслуживает внимания и интереса советских читателей. Факты, сообщаемые ею в книге, срывают маску с американских дипломатов, показывают их подлинное лицо, напоминают о необходимости еще более энергично бороться за мир, против поджигателей новой войны.

Коренная американка, Аннабелла Бюкар оставила свою работу в американском посольстве и решила навсегда остаться в Советском Союзе. «Я приняла свое решение,—пишет она в предисловии к своей книге,— убедившись, что правящие ныне в США круги ведут мою родину и вместе с ней весь мир к ужасной катастрофе». О том, как возникло у нее это убеждение, как крепло ее желание «принять участие в общей борьбе за мир и благоденствие народов», и рассказывает Аннабелла Бюкар на страницах своей мужественной книги.

Кратко говоря о своей жизни, Аннабелла Бюкар пишет, что она «одна из ста сорока миллионов «обыкновенных» американских граждан, имеющих во многих отношениях одинаковое прошлое и аналогичные переживания в настоящем».

Хотя и с трудом, но ей удалось получить высшее образование. По окончании университета ей была предложена работа в разведке военно-воздушного флота США, а затем в основной американской разведывательной организации — Управлении стратегических служб (УСС). Идя на работу в разведку, Аннабелла Бюкар исходила из стремления «принести какую-то ощутимую пользу в борьбе против врага всего человечества — гитлеризма». Однако уже вскоре она поняла наивность своих суждений об американской разведке. Она убедилась, что «УСС уже с самого начала своей деятельности придавало первостепенное значение развертыванию разведывательной работы против СССР».

«На основании моих многочисленных наблюдений,— пишет Бюкар,— я имею возможность точно утверждать, что руководители американской разведки использовали союзнические отношения, сложившиеся между СССР и США во время войны, в целях засылки кадровых разведчиков на территорию Советского Союза для ведения разведывательной работы против этой страны-союзника. Эти разведчики посылались в СССР под самыми различными прикрытиями — в качестве советников, 2-х и 3-х секретарей, атташе, а то и просто клерков посольства...»

Бюкар приводит убедительные факты подрывной деятельности американской разведки и делает вывод, что «разведывательная организация, которая, казалось бы, была создана для благородной цели — борьбы с фашизмом, превратилась под руководством реакционного начальника УСС генерала Донована и его друзей с Уолл-стрита в гнездо реакции, готовящее кадры для разведывательной и иной подрывной работы против Советского Союза».

В главе «Руководящая антисоветская клика государственного департамента» Аннабелла Бюкар показывает неприглядную деятельность небольшой группы кадровых сотрудников дипломатической службы США, ставших «монополистами в области советско-американских отношений». На основе личных наблюдений Бюкар все более убеждалась, что члены этой клики «принадлежат к крайнему антисоветскому крылу дипломатической службы США и стремятся спровоцировать войну против Советского Союза». Эта кучка карьеристов и реакционеров, как характеризует их автор книги, служит дельцам с Уолл-стрита, так как «враждебные действия, направленные против Советского Союза, отвечают интересам финансовых тузов Соединенных Штатов Америки».

Аннабелла Бюкар называет членов антисоветской клики по именам. Это Лой Гендерсон — интриган и карьерист, «начавший свою карьеру в государственном департаменте в качестве специалиста по антисоветским делам и махинациям»; Джордж Кеннан, для которого путь к «познанию» России, как метко подмечает Бюкар, лежал не через Москву, а через Берлин, где он «изучал русский язык в Восточноевропейском институте — знаменитой школе агентов немецкой разведки...»; Чарлз Болен, Элбридж Дюрброу, Чарлз Тейер, Эдуард Пейдж, Фредерик Рейнхардт и др.— целая галлерея лиц, стремящихся всячески испортить советско-американские отношения, проходит перед читателем по страницам книги Аннабеллы Бюкар.

Когда между СССР и США были установлены дипломатические отношения, не кто иной, как Лой Гендерсон, фактически создавал посольство в Москве, добиваясь назначения на должности для своих учеников и единомышленников. При этом он «пользовался любой возможностью для ведения антисоветской работы. Он и его дипломатические офицеры пытались вербовать агентов среди советского населения для выполнения шпионских заданий».

Этот «специалист по русским делам» предсказывал, что гитлеровская Германия одержит победу над Советским Союзом в течение нескольких недель. Говоря об антисоветской злобе, до мозга костей пропитавшей Гендерсона, Аннабелла Бюкар с едкой иронией замечает, что если бы его «послали в качестве американского представителя на Южный полюс, можно не сомневаться в том, что через год он открыл бы «красную опасность» среди пингвинов».

Выученик Гендерсона, Джордж Кеннан, начав «изучать» Россию в Берлине, по прибытии в 1934 году в Москву установил самые тесные связи с дипломатами и армейскими офицерами из германского посольства. «Именно они,— пишет Бюкар,— рассказывали ему о России, и он смотрел на страну, ко-

торую ему предстояло изучить, глазами гитлеровцев».

В своих телеграммах государственному департаменту Кеннан последовательно, день за днем, старался доказать, что американо-советская дружба являлась ошибкой, что США должны отказаться от обязательств, взятых на себя в Тегеране, Ялте, Потсдаме и т. д. Таково подлинное лицо одного из советников американского посольства в Москве, который всеми силами стремился не укрепить, а подорвать американо-советские отношения. Не случайно, видимо, именно ему поручалось чтение в государственном департаменте лекций об условиях работы в Советском Союзе и о советской внешней политике,— лекций, которые обязаны были посещать лица, отправляющиеся для работы в СССР. Эти лекции, пишет Аннабелла Бюкар, «от начала до конца были насыщены злобными антисоветскими выпадами. Из всех реакционных лекторов он (Кеннан.— **Л. К.**) был, пожалуй, наиболее реакционным».

Подробно рассказывает Бюкар о деятельности Джона Дэвиза, который в бытность его в Москве ведал информационной службой посольства и контролировал работу прессотдела. «Дэвиз,— указывает Аннабелла Бюкар,—имел также задание от руководства американского посольства поддерживать тесный контакт с американскими корреспондентами в Москве для разведывательных целей, а также для возможных провокаций». Дэвиз подготавливал специальные лживые доклады о Советском Союзе и рекомендовал корреспондентам использовать их в качестве материалов для своих статей. Сочиненная в дебрях американского посольства лживая информация о Советской стране преподносилась американскому читателю как «правда о России, собранная корреспондентами на месте».

* * *

«В первые же дни работы в посольстве,— пишет Бюкар,— я убедилась в том, что не только руководящие работники (в том числе сам посол, советник, секретари), т. е. люди, в какой-то степени определяющие политику государственного департамента США в русском вопросе, но даже некоторые рядовые работники различных отделов посольства были настроены резко антисоветски... Я увидела, что посольство является государственным департаментом в миниатюре». Мало-мальски объективно относящиеся к Советской стране люди не допускаются на работу в американское посольство или же немедленно изгоняются из него. Враждебное отношение к Советскому Союзу сознательно культивируется в стенах американского посольства его руководством. Бюкар пишет, что назначение послом в Москву профессионального офицера разведки Смита преследовало цель «дать «карьерным дипломатам» соответствующее направление и квалифицированное руководство в их антисоветской разведывательной работе».

Советник посольства Дюрброу, первый секретарь Рейнхардт и другие работники посольства собирали и отправляли госдепартаменту всевозможные клеветнические сведения о Советском Союзе. Внутри самого посольства ими была установлена целая система взаимного шпионажа, изоляции рядовых работников посольства от контакта с советскими людьми.

Аннабелла Бюкар приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что сотрудники американского посольства постоянно занимаются и ведением прямой разведывательной работы. С этой целью используются, например, все деловые поездки по территории Советского Союза. Бюкар приводит в качестве примера поездку атташе американского посольства Луизы Люкке во Владивосток. Под предлогом сопровождения дипломатической почты Люкке, бывший майор военно-морской разведки США, должна была вести разведку в пути следования.

«Перед ней,— пишет Аннабелла Бюкар,— ставилась задача — завязывание знакомств в пути следования, выявление военных объектов по Транссибирской магистрали и сбор клеветнической информации о материальном положении населения Сибири и Дальнего Востока, которая могла бы быть использована для антисоветской пропаганды в США».

С аналогичной целью совершил поездку по Уралу, Средней Азии и Кавказу третий секретарь посольства, Фриирс, который «тщательно подсчитывал и записывал названия всех аэродромов, встречающихся по пути следования, считал количество самолетов, находящихся на этих аэродромах, пытался установить дислокацию и состав воинских частей, располагавшихся по пути следования, и другие подобные вопросы, имеющие чисто военное значение, занимался военным шпионажем в прямом смысле этого слова».

Факты, приведенные в книге Бюкар, разоблачают также разведывательную деятельность сотрудников военно-морского атташата США Рулларда и Дрейера, американского корреспондента Магидова, высланного в прошлом году из пределов Советского Союза. Эти факты срывают маски с работников американского посольства, показывают их в подлинной и малопривлекательной роли клеветников и агентов американской разведки.

Заслуживающие интереса факты сообщает Аннабелла Бюкар об информационно-пропагандистской службе США, о той грязной пропагандистской кухне, где стряпаются материалы для радиопередач «Голоса Америки» и для журнала «Америка», издающегося на русском языке.

В качестве дикторов, консультантов и «экспертов по России» «Голос Америки» привлекает самых отъявленных провокаторов и проходимцев из белогвардейских притонов.

«Программа информационной службы,— пишет Бюкар,— является частью официальной политики правительства США по отношению к СССР, орудием его борьбы против Советского Союза и его народа и направляется теми же людьми из государственного департамента и других организаций, которые контролируют весь комплекс официальных американских отношений с Россией».

Радиопередачи «Голос Америки» умышленно составляются так, чтобы внушить советским слушателям, что только при капитализме возможен «рай на земле» и что олицетворением этого «рая» является Америка.

«Голос Америки»,— пишет Бюкар,— передает, например, интервью с американским рабочим, который рассказывает, что у него есть новый дом из 5 комнат. При этом он не говорит о том, что этот дом заложен на 90% стоимости, что этот залог нужно будет выплачивать в течение 30 лет, что если за это время рабочий потеряет работу, то он лишится дома и всего, что в нем есть, и будет выброшен на улицу. Он не рассказывает также о миллионах американских рабочих, выплачивающих за квартиру от 30 до 40% их годового дохода и во многих случаях живущих в трущобах... Столь же искаженную картину американской действительности преподносит читателям журнал «Америка».

Аннабелла Бюкар пишет о том, что такого рода пропаганда не имеет никакого успеха у советских людей, которые не хотят слушать лживый «Голос Америки», как не хотят читать сусальный журнал «Америка». «Этот журнал не может обмануть советских читателей,— пишет Бюкар,— так же, как не может и нравиться им. Русские не любят, когда их нагло обманывают». Не случайно Бюкар приводит факты о том, что сотрудники посольства разбрасывали этот журнал по мусорным ящикам Москвы в надежде, что чистильщики улиц подберут их и будут показывать своим знакомым, «забывали» экземпляры журнала в метро, трамваях и автобусах, оставляли на скамейках парков, в станционных буфетах во время поездок по стране. Эти факты свидетельствуют о непопулярности журнала у советских читателей, о провале американской пропаганды в Советском Союзе.

* * *

В главе «Спекулянты из американского посольства» Аннабелла Бюкар дополняет облик американских дипломатов, показывая их моральные качества. Пресловутая американская демократия воспитывает в людях преклонение перед «золотым тельцом» — долларом. «Любого человека в США считают дураком,— пишет Бюкар, — если он может продать что-нибудь в два раза дороже, чем заплатил сам, но не делает этого». Эти же нравы сотрудники американского посольства пытались перенести в Советский Союз.

Бюкар приводит многочисленные факты, показывающие, что «почти каждый сотрудник американского посольства в Москве в той или иной степени занимается спекуляцией...» Советник посольства Дюрброу, например, спекулировал скупленной на «черном рынке» в Варшаве советской валютой».

«В грязных спекулятивных делах,— пишет Бюкар,— отнюдь не безгрешен и сам посол Смит. Он совершал неблаговидные и далеко не соответствующие высокому положению посла США в СССР поступки». По его поручению хозяйственник посольства Бендер сбывал на рынке костюмы, автоматические ручки и сигареты. По его же поручению другой сотрудник посольства, Загородный, спекулировал золотыми монетами и часами.

Аннабелла Бюкар пишет, что все это «показывает, как мало эти люди заботятся о том, чтобы быть достойными представителями народа США; как лица, имеющие высшие дипломатические ранги, охвачены спекулятивной лихорадкой в почти неизлечимой степени».

«Таково моральное лицо официальных представителей Соединенных Штатов в Советском Союзе»,— заключает автор книги.

* * *

Аннабелла Бюкар заканчивает книгу рассказом о своих впечатлениях о Советском Союзе. Вопреки всем тем антисоветским небылицам, которыми пичкали ее в госдепартаменте перед поездкой в СССР, Аннабелла Бюкар уже вскоре после прибытия в Москву убедилась в дружелюбном и гостеприимном отношении к себе со стороны советских людей. Она имела полную возможность знакомиться с жизнью советского народа. Она увидела и то, что «многие американцы наглейшим образом злоупотребляют советским гостеприимством, используя свою свободу путешествовать вне Москвы в целях шпионажа».

Аннабелла Бюкар увидела, что советские люди «искренне желают длительного мира и дружественных отношений с США», что «обыкновенный советский гражданин несравненно больше знает о Соединенных Штатах и меньше заблуждается в вопросах американской жизни, чем средний американец знает о советской жизни». «Я убедилась,— пишет Бюкар,— что в Советском Союзе пресса не проводит никакой кампании, рассчитанной на разжигание ненависти к американскому народу, в то время как в США (об этом хорошо известно) вся мощь прессы и радио направлены против советского народа».

Путем личных наблюдений Аннабелла Бюкар делает честный и объективный вывод, что советские люди «являются самыми преданными в мире патриотами своей страны», что «Советский Союз является единственным государством в мире, в котором полное расовое равенство не только обеспечивается законами, но и проводится в жизнь», что «только в Советском Союзе женщины имеют те же права, что и мужчины, не только по законам, но и на практике».

Много увидела Аннабелла Бюкар в Советском Союзе такого, чего нет и не может быть в хищническом капиталистическом мире. Она увидела это потому, что смотрела на жизнь советского народа глазами честного человека, потому что не захотела в угоду «антисоветской клике государственного департамента» клеветать на нашу страну, как это делали ее сослуживцы из американского посольства.

Она увидела, с каким творческим порывом отдаются советские люди мирному созидательному труду, с какой энергией залечивают они военные раны. И, как честный человек, она решила рассказать миру о той тайной, грязной работе, которую ведут поджигатели войны против Советского Союза, чтобы задержать дальнейший рост и процветание могучей, миролюбивой советской державы.

Она рассказала в своей книге правду об американских дипломатах, внося тем самым посильный вклад в дело укрепления мира. Факты, о которых она честно и мужественно поведала читателям, помогут им в борьбе против поджигателей новой войны, под какими бы масками те ни скрывались. В этом и заключается ценность книги, написанной Аннабеллой Бюкар.

Герой Социалистического Труда лауреат Сталинской премии депутат Верховного Совета СССР Прасковья Никитична Ангелина.

Фото Г. Вайля (ТАСС)

БУДНИ ОДЕССЫ

Фото Г. ЗЕЛЬМА

Пять лет назад — 10 апреля 1944 года — Советская Армия освободила Одессу от немецко-фашистских захватчиков. Третьим из десяти сокрушительных сталинских ударов немецкие войска были сброшены в Черное море. В страшных развалинах предстал город-герой перед своими освободителями. Оккупанты разрушили 2290 зданий.

За пять лет Одесса преобразилась. Десятки тысяч жителей, строителей активно участвовали в ее восстановлении. Они расчищали и застраивали красивейшие ее улицы — Дерибасовскую, Пушкинскую, имени Л. Н. Толстого и другие. Они возвратили городу свет и воду, трамвай, бани, газ.

Фотоаппарат корреспондента «Огонька» запечатлел различные уголки возрожденного города. Каждый из снимков рассказывает о кипучих буднях сегодняшней Одессы.

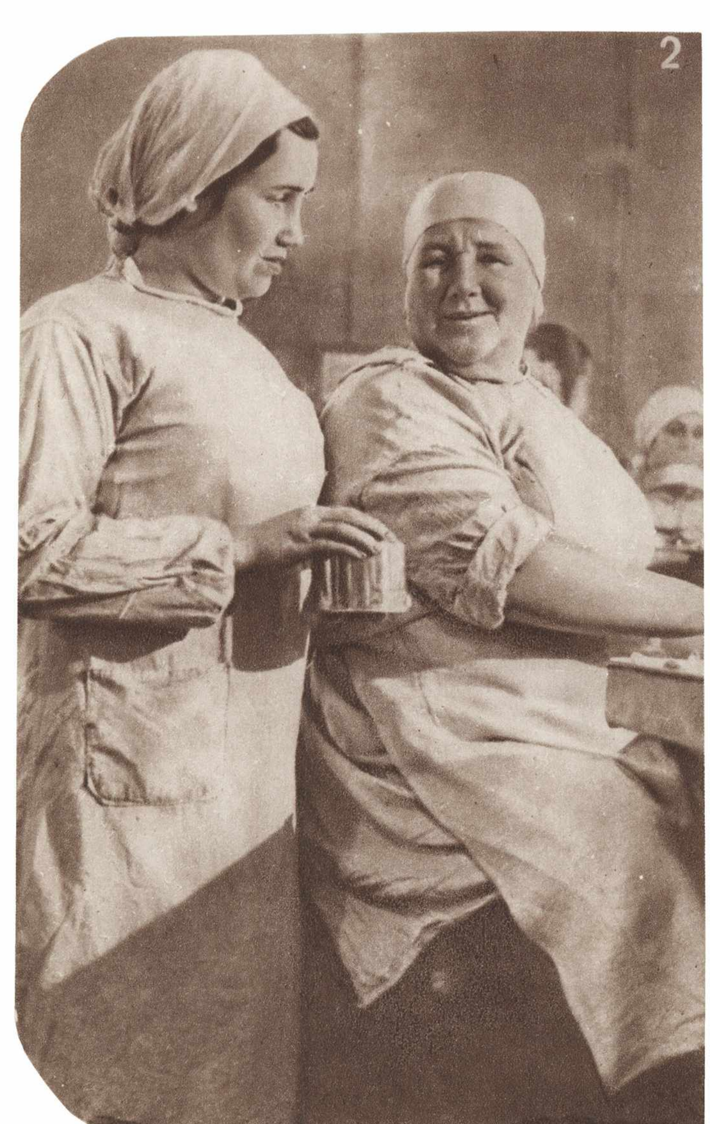
1

Вот порт. Он хорошо виден с Приморского бульвара. Вдаль уходит живописная панорама гавани с лесом подъемных кранов, мачт, пароходных труб.

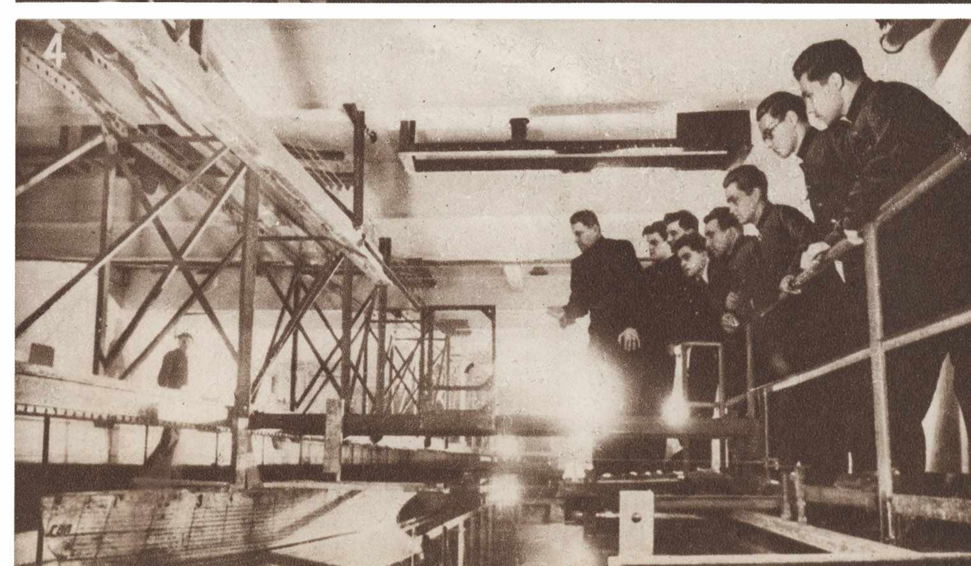
2

Пять лет назад консервный завод имени Ворошилова представлял собой сплошные руины. Сейчас он не только восстановлен, но намного увеличил выпуск продукции в сравнении с довоенным временем. В прошлом году заводской коллектив отказался от государственной дотации и дал стране более двух миллионов рублей накоплений. На снимке мы видим начальника рыбоконсервного цеха тов. Столбецкую и старейшую работницу-укладчицу тов. Вернигора.

1


2

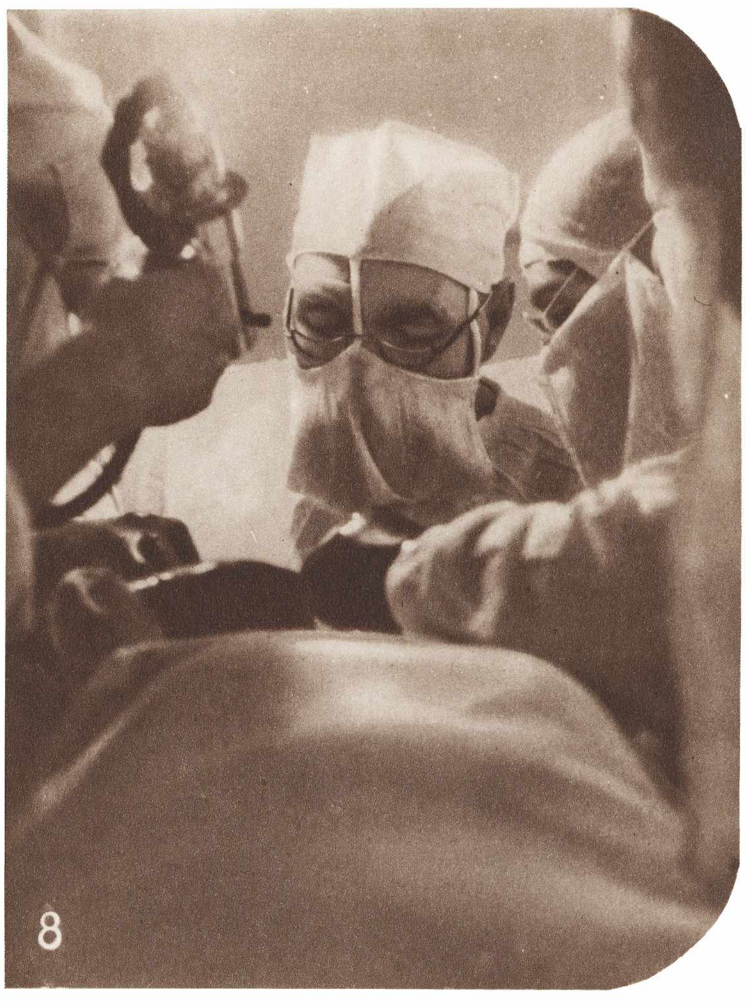
3


4

5

6

7



8

3

В недавно открытом Музее обороны можно прочесть героическую летопись Одессы военного времени. Тут и макет катакомб, в которых жили партизаны, и обрывки писем на клочках полотна, написанных заточенными в фашистских застенках коммунистами, и подпольные радиопередатчики, и портреты героев обороны города. В одном из залов мы встретили группу молодых матросов. Их внимание привлекла скульптура: раненый моряк зубами стягивает повязку на своей простреленной руке. В этом изваянии воплощены черты защитников Одессы, их сила, мужество, твердость духа.

4

Учебные занятия в Институте инженеров морского флота. Занятия проводит профессор Поспелов.

5

Город-герой растет и хорошеет с каждым днем, обогащается зеленью. В садах, скверах, парках уже посажено около 170 тысяч деревьев и 235 тысяч кустарников. На снимке виден озелененный двор санатория ВЦСПС № 5. Сотни людей лечатся и отдыхают в светлых, просторных корпусах здравницы.

6

Предприятия послевоенной Одессы не только возрождались, но одновременно и расширялись, совершенствовали свою работу. Этот снимок сделан на станкостроительном заводе: знатный скоростник тов. Неживенко обучает молодых токарей.

7

Кипит жизнь и в обновленных зданиях научных учреждений, вузов, школ, библиотек. И всюду, куда мы только ни заходили, мы видели советских людей, занятых плодотворным, деятельным трудом. Вот городская научная библиотека имени Горького, ее огромный читальный зал, заполненный посетителями.

8

Академик Филатов делает операцию в Украинском экспериментальном институте офтальмологии.

* * *

Одесса возвращает себе былую красоту. Особенно отчетливо видны черты новой Одессы в генеральном плане ее восстановления и реконструкции. Когда этот план будет осуществлен, Одесса станет прекрасным городом-садом.

Герой Социалистического Труда депутат Верховного Совета СССР Михаил Ильич Логвиненко — начальник шахты № 3 Кочегарка («Артемуголь»).

Фото А. Гостева.

ЗЕРНО ЗАДОРА

Рассказ

Павел КРАВЧЕНКО

Рисунки А. Кокорина

Девушка сидела на большом камне, у боковой стены деревянного дома. Обломком оленьего рога она быстро чертила на снегу квадратики и плакала. Слезинки скатывались на россомаший мех, выбившийся из-под камлейки, и замерзали. А на снегу появлялись все новые квадратики и черточки.

Лыжник вылетел из-за угла внезапно, глянул через плечо на девушку. Лыжи накренились, врезались в снег, описали полукружие и остановились против нее. Снежная пыль, взметнувшаяся из-под лыж, быстро опустилась. Две палки воткнулись в снег около самых квадратиков. Лыжник шумно вздохнул и сказал:

— Девушка в красном сидит у избы-читальни. А почему она плачет?

Тинвааль неспеша поднялась с места, отряхнула с колен налетевшую снежную пыль, отвернула лицо и гордо пошла в сторону.

Лыжник нагнулся и стал отстегивать лыжи, продолжая с улыбкой глядеть ей вслед. Потом он взял брошенный обломок рога и тщательно стал выбивать наледь из складок меховых сапог.

Маленькому Апико, конечно, попрежнему необходимо было все знать первому. Он выкатился из-за дома, круглый, весь в мехах, очень похожий на бурого медвежонка, взглянул на лыжи и громким криком немедленно оповестил селение о прибытии гостя.

Покончив таким образом с официальной частью встречи, Апико подошел к прибывшему и важно протянул ему руку.

— Какие новости, товарищ секретарь?—спросил он, стараясь не глядеть на оттопыривающиеся карманы лыжника.

— Новости, товарищ Апико, важные,— доверительно произнес секретарь.— В окрестностях Калиграна добыт один белый медведь...

Апико перестал поглядывать на карманы и устремил заинтересованный взор на обвешанные сосульками светлые усы гостя.

— ...который,— еще таинственнее продолжал секретарь,— поручается для первичной и окончательной обработки... знаешь, кому?

— Кому?—глаза у мальчика расширились.

— Будущему инженеру Апико. Получай.

Из кармана был извлечен бумажный кулек, перешедший в руки будущего инженера, обе рукавицы которого мгновенно упали на снег, а пальцы извлекли из кулька большой пряник, изображавший собою умкы — белого медведя с двумя засушенными черносмородинками вместо глаз.

К дому подбежал широко улыбающийся Куннук:

— Иван Захарович! Приехали наконец. Почему не на нарте?

— На лыжах, видишь, полезнее для здоровья. А кроме того на нартах к охотничьим участкам не подъедешь: всех ваших песцов собаки распугали бы.

— А вы и на участках были? В той стороне песца мало. А вообще уже тридцать штук поймали.

— Уже, говоришь? Семилетку закончил, а русский язык успел забыть. Это не уже, а еще только тридцать песцов. Вот в Рыгрене поймали семьдесят и не говорят, что уже. Ну, ладно, ладно, не оправдывайся, об этом речь впереди. Пойдем в сельсовет. Подожди, лыжи захвачу. Нет, не надо, я сам... А скажи: кто эта девушка в красном, что на собрании наших портних критиковала? Тинвааль? А почему она сегодня плачет? Не знаешь? И напрасно не знаешь... Как не усмотришь за всеми? Тебя же комсомольским секретарем выбрали!.. Здравствуй, товарищ Комчо! О, и Рахтуге здесь! Все борешься? Тебе, брат, теперь только с бурыми медведями бороться, а не с людьми. Гора, а не человек! Здравствуй, Чини!

Пока они шли к сельсовету, к ним подходили все новые люди, здоровались, улыбались, жали руку секретарю и присоединялись к шествию. Счетовод Пику быстро засеменил к дому за большим «гостевым» чайником. Апико уже забежал в одиннадцатую ярангу, чтобы показать женщинам подаренного медведя, у которого он, правда, уже отъел одну ногу.

Тинвааль не участвовала в общем оживлении. Она сходила на море за льдом, дома починила торбаза, приготовила чай и обед, а к вечеру уселась обделывать шкурки.

Было уже довольно поздно, а Тинвааль все еще яростно водила скребком по шкурке, распластанной на доске.

— Можно? — спросили у входа.

Тинвааль глубоко вздохнула, отодвинула от себя шкурки, положила руки на колени и ответила:

— Можно.

В полог вошел Иван Захарович:

— Девушка уже больше не плачет? Почему она днем ушла, когда с ней заговорил гость?

— А гость думает, что если он первый секретарь райкома партии, так ему можно заговаривать с незнакомыми?

— Нет. Этого гость не думает. Он знает, что иногда с незнакомыми на улице заговаривать не следует. Особенно, когда незнакомые плачут. Он виноват, очень виноват. Его зовут Иван Захарович. А девушку зовут Тинвааль,— он об этом случайно узнал. Так что теперь они уже знакомы и разговаривать, наверно, можно. Тем более что он привез девушке из районного центра письмо от одного курсанта школы культпросветработников. Курсанта зовут Ренвыль, и учится он образцово.

— Плохо он и не может учиться,— вырвалось у Тинвааль.

— Я тоже так думаю,— серьезно ответил секретарь.— А теперь, Тинвааль, может быть, ты отложишь письмо в сторону и расскажешь, в чем был виноват снег у избы-читальни и почему его надо было так быстро резать оленьим рогом?

Девушка подняла на него глаза, слегка улыбнулась и потом стала опять серьезной. Если бы секретарь не зашел к ней, она завтра сама бы пришла к нему. Да, она расскажет, в чем дело. Дело в том, что комсомольцы в Калигране никуда не годятся. Ее мнение: комсомольскую организацию селения надо распустить.

И пусть ее не перебивают и не улыбаются, потому что смешного ничего нет. Ренвыль уехал на курсы девятнадцать дней назад. Плохо, когда людей забирают на курсы не во-время. И она говорит об этом совсем не потому, что Ренвыль — ее жених, а потому что во всем Калигране один Ренвыль — настоящий комсомолец. Он умный и правильный человек... А глаза она вытирает просто из-за копоти. Слишком много копоти здесь... Охотники пришли с участков и сообщили: песцов в этом году мало, почти совсем нет следов. Значит, лучше охотиться на нерпу. Так говорили на собрании. Ренвыль сказал: это неправда. Песцовая шкурка, сказал он, для страны дороже, чем нерпичья. Он еще очень хорошо сказал, что не человек ждет удачи, а удача делается человеком. Он сказал, что раз песцов мало, то надо раскидать в тундре гораздо больше старого моржевого и китового мяса, чтобы к нему пришли новые песцы. И, во-вторых, на охоте надо быть чаще, тогда песцовых шкурок будет много. Но над ним стали смеяться Амгын и Тутриль. Они сказали, что Ренвыль вообще любит без толку ходить и бить свои ноги. Ренвыль покраснел и ответил: хорошо, он сам будет в свободное от работы время охотиться вместе со всеми и в два раза перевыполнит средний план охотника... Все очень долго говорили и в конце сказали: ладно, разбросаем еще мяса. Ренвыль начал охотиться, но его послали на курсы. Теперь Амгын и Тутриль смеются. Они говорят, Ренвыль хорошо работает только языком, а когда пришлось выполнять обязательства,— он сразу уехал на курсы. Даже председатель колхоза Рэнко считает, напрасно выбросили столько корма в тундру,— песца все равно в этом году мало. И все стали редко ходить на охоту. Участок Ренвыля отдали старому Пеляуге. Он неделю не ходил проверять капканы, только вчера пошел, говорит: все капканы пустые. А на самом деле в один капкан у него попался песец, но волк песца съел, оставил один хвост. Старому Пеляуге лень проверять капканы, а новые он вовсе ставить не хочет... И сегодня утром Амгын сказал, приедет твой Ренвыль — будем над ним смеяться.

Девушка оборвала свою речь, порывистым жестом сняла висевший над огнем чайник и налила две чашки. Они разлили чай по блюдечкам и пили в молчании. Девушка смотрела в блюдце, гость разглядывал пробор в ее черных волосах... Пока Тинвааль наливала по второй чашке, секретарь постукивал пальцем по своему колену. Потом он внимательно взглянул ей в глаза.

— Ты здорова, Тинвааль? — спросил он.

Тинвааль перестала мешать ложечкой в чашке и молча смотрела на гостя.

— Сердце, легкие здоровы или нет? Ну, вот комиссия в прошлом месяце приезжала. Что сказал врач?

— Сказал, хорошие легкие и сердце.

— А верно, говорили мне, что в прошлом году на лыжном кроссе первый приз получила Тинвааль?

Девушка нагнулась над чашкой, ответила с досадой:

— Получила.

Секретарь осторожно потянул чаи прямо из чашки, не наливая в блюдце.

— Окружная газета пишет,— задумчиво сказал он,— будто в Чаунском районе комсомолка Энмина начала охотиться за песцом и добыла уже шесть штук...

Тинвааль поставила блюдце, обняла руками свою шею и снова стала во все глаза смотреть на гостя. Лицо ее начало медленно розоветь. Она вдруг схватила секретаря за руку и радостно вскрикнула:

— И можно будет получить участок Ренвыля?

— Ну вот, видишь, ты чай из моей чашки разлила. Думаю, можно. А окончательный ответ тебе даст правление.

* * *

Снова — уже в пятый раз — поздно ночью Тинвааль возвращается с обхода капканов. Метет сухая поземка. Снег набивается за воротник, к самой шее, мороз искусал лицо. На пронзительно холодном небе — иголки звезд. Слева, за горой, разворачиваются, приплясывают и опять сворачиваются широкие ремни северного сияния. Такая огромная, пустая и холодная тундра. И до селения идти еще долго, а ноги устали. Охотничьи лыжи шоркают по твердому снегу, как по песку. Ни одного песца — пятые сутки ни одного песца во всех сорока капканах!

Зато позавчера песца принес с охоты Тутриль. У самой яранги Тинвааль он важно и долго выбивал эту единственную добытую им шкурку, выбивал и курил, и снова выбивал. Он, правда, дождался своего. Тинвааль, не стерпев, вышла из яранги и сказала ему, что так долго выбивать шкурку нельзя, потому что песец старый и облезлый — все волосы выпадут, и нехорошо, если много вялых песцовых волос скопится у яранги Тинвааль. Она спросила у Тутриля: может быть, лучше, если он отойдет и будет работать у своей яранги? Над Тутрилем охотники посмеялись, над ней смеяться пока не смеют: она умеет хорошо отвечать на насмешки. Но старый и ехидный Гатле — бывший шаман, которого давно уже никто не боится и не слушает,— он всегда встречает ее у своей крайней яранги, теребит свои пять волосков на подбородке и участливо спрашивает: «Как охота?..»

Что же, что же делать дальше? Иван Захарович уехал в другие колхозы... Вот она идет, первая девушка-охотница Калиграна, не добывшая ни одного песца...

Тинвааль идет все быстрее и быстрее. Она берет зубами мех, лезущий из-под камлейки в лицо. Она бежит широко и размашисто и все рвет зубами россомаший мех.

Когда Тинвааль прибегает домой, она уже знает, что делать: завтра купить еще двадцать капканов и расставить их на участке. Тогда будет шестьдесят. Песцовые следы в тундре все-таки есть.

...Горячий и душистый чай. Тинвааль пьет его большими глотками, обжигая горло. После мороза чай, как вино, растекается по жилам, размягчает мускулы, согревает замерзшее тело; от третьей чашки кружится голова и неодолимо хочется спать. А на сердце все-таки неспокойно.

В полог просовывается голова Куннука:

— Еще не спишь, Тинвааль? Сейчас окончилось комсомольское собрание. Твое отсутствие признали уважительным.

— Наверно, устали на заседании?—Тинвааль раздраженно смахивает хлебные крошки, рывком отодвигает баночку с сахаром.— Чай пить тебя не зову, все выпила сама.

Куннук улыбается и весь влезает в полог:

— Я дома попью. Слушай. На Синей речке подо льдом сейчас много рыбы. Решили, через два часа всем до единого комсомольцам выезжать на ловлю.

— Еще какие-нибудь новости есть?—цедит Тинвааль.

Куннук дрожит от хохота. На его лице со сплюснутым носом выражается полное удовлетворение. Вместо глаз остаются тоненькие щелочки.

— У тебя всегда можно поговорить с удовольствием,— выдавливает, наконец, он.

Тинвааль поднимается с места. Ее длинные глаза становятся, кажется, еще длиннее. Твердые щеки несколько бледнеют.

— Тоже смеешься? Ты сейчас похож сразу на двух человек: на Тутриля и на Гатле,— говорит она со злобой.— Комсомолец. Ступай к ним!

Куннук от страшного хохота откидывается назад. Тинвааль рывком двигается к нему, он выскакивает из полога, но через минуту опять просовывает голову:

— Так не поедешь рыбу ловить?

Тинвааль медленно поворачивается к нему, и голова Куннука исчезает — уже теперь окончательно.

* * *

Рано утром Тинвааль разбудила продавца Ломи. Она заставила его пойти с ней в магазин и отпустить двадцать капканов.

— Сегодня я не могу дожидаться девяти часов, когда ты откроешь лавку,— сказала она.— Мне некогда.

Лавку замело снегом по самую трубу. Маленький Апико вставал одним из первых в селении. На своей нарточке он уже съезжал по склону заноса. Увидев Тинвааль, он подбежал к дверям и аккуратно стал укладывать капканы на нарточку.

— Ломи, дай мне еще пару конфет,— попросила Тинвааль.

— Я сам повезу к тебе капканы,— сказал Апико, когда они вышли наружу.

Ломи запирал лавку. Тинвааль протянула мальчику конфеты.

Апико заложил руки за спину.

— Не возьму,— сказал он,— у меня тайна. Конфеты дашь, когда тайны больше не будет.

Бригадир Комчо был стар. Ходить на пушной промысел он больше не мог: плохо слушались ноги. Зато летом, когда охота шла в море на вельботах, бригада Комчо добывала больше моржей, чем все остальные. Не одна Тинвааль — все в Калигране уважали и немного побаивались высокого неразговорчивого старика. И сейчас Тинвааль оробела, когда увидела его в своей яранге.

— Куда собралась?—спросил Комчо.

— В тундру капканы ставить.

— Вот эти?—Комчо провел по капкану темным исцарапанным пальцем.— Сегодня не пойдешь в тундру,— сказал он девушке.— Возьми два капкана с цепями. Иди за мной.

Они молча прошли за селение, поднялись на сопку, потом спустились, свернули налево и остановились у маленького пригорка, где из-под снега торчало несколько потрескавшихся камней. Старик потер пальцами морщины на лбу.

— Покажи, как будешь ставить капканы,— сказал он.

Тинвааль отошла в сторону, старательно установила капкан, потом замела следы своих ног.

— Где бросишь приманку?

Тинвааль показала.

— Песец знает промысел лучше тебя,— сказал старик.— Он не пойдет в твой капкан. Ты забыла выварить капканы в котле с пахучими травами. Капкан пахнет человеком. И установила тоже совсем не так. Смотри...

Пушной промысел — тонкое и сложное искусство. Песец всегда перехитрит неопытного охотника. Учует опасность — не тронет приманку. Или съест ее, но в капкан не попадет. Если человек хочет поймать песца, он должен уметь думать. Старик задавал девушке одну задачу за другой.

— Думай,— говорил он.

Тинвааль думала, но отгадывала коварные замыслы песца не каждый раз. Тогда старик опускался на корточки и, кряхтя, показывал:

— Вот так он не уйдет...

Солнце взошло не надолго, проплыло над дальней неровной линией гор и опять опустилось. Темнеть начало еще не скоро. И только когда совсем стемнело, Комчо решил, что учение закончено. Они пошли в селение.

Девушка раскраснелась. Она все проводила руками по лбу, хотя поправлять волосы не нужно было: и без того они были хорошо уложены. Она вдруг взглянула в лицо старику.

— Почему ты стал учить женщину, Комчо?—спросила она.

Из-за скалы показался край луны. Старик нагнулся, подхватил кусочек снега и кинул его себе в рот. Они начали подниматься на сопку.

— Даже старые люди знают очень мало,— сказал, наконец, Комчо.— Но каждый знает такое, что неизвестно другим... Я был в Калигране лучшим охотником. Но и я знал очень мало. Шесть лет назад, когда моржей у берега почти не было, я не знал, что богатый промысел будет у далекой песчаной косы Рылгын. Да и кто это мог знать? Мы знали одно: моржей нет,— значит, будет голод. Степанов, секретарь райкома, приехал с севера, а коса Рылгын на юге. Он сказал: «Поедем к косе, там будут моржи». Я спросил его: «Разве ты знаешь больше старых охотников?» Но он заставил нас поехать и сам выехал вместе. Мы убили у косы сто пятьдесят моржей. Оказывается, Степанов просил летчиков, чтобы они посмотрели, где моржи... Потом шхуна привезла длинные палки с желтыми наконечниками. Мы не знали, зачем нужны эти палки. Степанов сказал: это метательные пушки. Вместе с маленьким черным человеком он показал нам, как нужно обращаться с пушкой. Он опять знал больше нас, и мы в то же лето добили восемь китов. Из них три убил я. Такой добычи раньше у нас не бывало...

Комчо медленно стер иней со своих бровей. Помолчав, он заговорил опять:

— Было еще много другого. Если рассказать все, чего не знал я и что знал Степанов, получился бы очень долгий рассказ. Я не знал

раньше, зачем нам нужны газеты, книги, кино, больницы. Зачем курсы бригадиров. Чему меня могут научить на курсах, когда меня море научило быть лучшим бригадиром? Но теперь я уже верил Степанову и поехал на курсы. И снова узнал много такого, чего не знал раньше.

Комчо снова помолчал. Девушка, не отрываясь, глядела на него. Он медленно заложил руки за спину.

— Я теперь привык верить Степанову,— сказал он.— Позавчера он, уезжая, попросил, чтобы я тебя выучил работать на промысле. Почему тебя, а не другого, я не знаю. Наверно, так нужно... А теперь мы пришли домой, и в моей яранге должен быть готов чай.

* * *

Через день у самого дальнего края своего участка Тинвааль останавливала собак, привязывала нарту к кустику или камню, шла в сторону и, выбирая удобное место, ставила капкан. Несколько капканов ей удалось поставить прямо на песцовых следах. Потом она поехала по старым капканам и многие из них переставила по-новому.

Поднявшись на холмик, собаки вдруг понеслись. Девушка увидела впереди на снегу большое темное пятно. Остолом — палкой с железным наконечником — она резко затормозила нарту, перевернула ее на бок и пошла вперед.

Рыба. Много свежей мороженой рыбы было разбросано на бугорке рядом с ее капканом. У рыбы — следы полозьев и собачьих лап. Следы уходили в глубь ее участка. Тинвааль посмотрела по сторонам и побежала обратно к нарте.

Рыба. Зачем рыба? Кто-то хозяйничает на ее участке. Ладно! Она крикнула на собак и направила их по следу полозьев. Через полчаса она увидела еще кучу разбросанной рыбы, потом еще...

Уже стемнело, когда, спускаясь с сопки, она заметила в километре справа нарту. На нарте возилась маленькая фигурка.

Апико сбросил последнюю рыбу с нарты и, обернувшись, увидел, что он открыт. Он радостно взвизгнул и погнал собак к селению. Но Тинвааль умела лучше управлять собаками и скоро догнала его.

— Тормози! — крикнула она, поровнявшись. Апико затормозил.

Увидев разъяренное лицо Тинвааль, он сразу стал строгим.

— Комсомольское по-ру-чение,— снисходительно разъяснил он.— Тайна.

И он вытащил из-под кухлянки лист бумаги. На листе были нарисованы карандашом круги, крючочки и линии. Кое-где стояли крестики.

— Карта. Твой участок,— сказал Апико.— Река,— он показал на неровную линию.— Горы,— палец Апико ткнулся в кружочки.— Рыба,— показал он на крестики.—Надо было бросить в местах, куда должны подойти песцы. Комсомольцы всем собранием составляли карту. Сказали: пусть едет Апико, он был на участке с Ренвылем, он знает участок. Они сказали: послать любого комсомольца с рыбой,— наверно, Тинвааль побьет. Надо послать Апико.

— «Река»,— сказала Тинвааль.— «Рыба».

Она крикнула на собак, нарта помчалась в селение. Апико пристроил своих собак ей в кильватер.

В ярангу Куннука Тинвааль пришла только после того, как покормила собак и переоделась.

— Выйдем на двор,— сказала она. Куннук покорно поднялся с места.

— Рыбы на твоем участке много теперь,— сказал Куннук, глядя в сторону.— Песцы к рыбе обязательно придут.

Тинвааль взяла его за плечи и повернула к себе:

— Завтра же поедешь и соберешь всю рыбу. Вези ее на участок Тутриля и Амгына. Я сама справлюсь. Услышал?

— Услышал,— ответил Куннук.— Теперь меня слушай: Иван Захарович, когда уезжал, сказал: первую девушку-охотницу надо поддержать.

— Я еще не падаю, чтобы поддерживать.

— Ты напрасно не была все эти дни в правлении и в избе-читальне. В правлении мы повесили доску показателей, в читальне — стенгазету и боевые листки. Там про всех написано очень интересно. На Амгына карикатура — он не поймал ни одного песца. Сейчас на охоту стали ходить чаще. Завтра открываем стахановскую школу: Комчо будет учить, как надо ставить капканы.

— Составляйте карикатуру и на меня. Я тоже не поймала.

— На тебя не будем. Иван Захарович сказал: «Песца все-таки, правда, будет меньше, чем в прошлом году; надо, чтоб все очень хотели добыть больше». Он сказал: «Доска показателей, стенгазета, стахановская школа — этого мало. Если такая боевая девушка,— так сказал Иван Захарович,— добудет больше песцов, чем мужчины,— это будет зерном задора. Охотникам станет стыдно, они не захотят отстать. Все селение поймает больше песцов». И Куннук внушительно приставил палец к носу: — Все селение. Тогда не жалко рыбы. Еще наловим, подбросим на некоторые другие участки. А ты первая. Вот. Обратно рыбу с твоего участка не повезу, к ней уже, наверно, песцы ходят. Услышала?

— Услышала,— сказала Тинвааль.— Она протянула руку к поясу Куннука, вытащила нож, попробовала лезвие на палец и опять вложила ему в ножны.

— Нож у тебя тупой,— сказала она и, помолчав, добавила: — Я советовала Ивану Захаровичу комсомольскую организацию распустить. Теперь думаю, может быть, не нужно распускать, если ее секретарь Куннук умеет говорить на морозе такие длинные и мудреные речи. Не поняла я, что такое зерно задора. Ты как-нибудь мне об этом летом яснее расскажешь, а сейчас холодно — ты замерз. Иди домой.

Она повернулась и пошла к себе, но здесь через плечо обернулась к Куннуку, который продолжал стоять, улыбаясь во весь свой большой рот:

— Ты говоришь, мужчины не захотят отстать? Я думаю, отстанут. И ты тоже отстанешь, хоть и добыл уже трех песцов!

Куннук еще шире усмехнулся, у него даже глаза совсем закрылись от широкой улыбки.

* * *

Ну и ночи же лунные бывают зимой на Чукотке! Спускаешься на нарте с сопки — видишь: огромный живой, колеблющийся мир опрокинут под тобой, над тобой — повсюду, такой необъятный — голова кружится. Небо накрест перечерчено светлыми столбами от луны, и там, где кончаются столбы,— загораются новые луны. Звезд много, очень много, большие и маленькие, хитро подмигивают и даже будто шевелятся. Горы раскинулись во все стороны: хотят обнять небо и не могут обнять. Справа, где начинается замерзшее море,— туман будто фокусник раскидал над морем свои лоскуты и шарфы. Пар вырывается из всех двенадцати собачьих пастей, пар поднимается над собаками, дрожит в лунном свете, и в пару ходят и путаются мягкие тени. И снег, прибитый и отполированный ветром, блестит впереди, слева и справа.

А если ветерок перебирает пушистый мех на целых шести песцовых шкурках, которые лежат сзади девушки на нарте, то почему и не спеть девушке песню о любимом, о молодой жизни, озорстве, борьбе и такой сумасшедше-красивой ночи?

Впрочем, зачем петь, когда можно пробежаться, чтоб мороз не щипал за нос? Быстрый бег — это тоже песня...

Тинвааль легко соскакивает с нарты.

— Ай-ярай-ярай-рай! — кричит она на собак, и собаки несутся быстрее; снежная пыль взвивается из-под нарт.

— Уу-уу-хха-ха! — кричит она снова, еле успевая перебирать ногами рядом с нартой.

— Кьяу, кьяу! — подражает она птичьему крику, и собаки летят стремглав, все окутывается снежной пылью.

Еле переводя дух, Тинвааль на бегу вскакивает на нарту, а собаки продолжают мчаться через легкие заструги и холмики. Девушка, отрывисто дыша, разговаривает с морозом.

— Вот,— и она снова вдыхает воздух.— Видишь, мороз. Ты и перестал щипаться,— говорит она. — Где уж тебе с человеком справиться!— и добавляет убежденно: — А тем более с комсомолкой!

Нет, правда, все вышло гораздо лучше, чем казалось вначале.

Что было вначале? Девушка решила попробовать поохотиться и думала, может быть, выйдет. Но девушка была не одна. Ей помогли старик Комчо, друзья-комсомольцы. И еще сильно помогли якутские и красноярские охотники. Якутские и красноярские охотники, пожалуй, и помогли больше всех.

Все дело оказалось в книжечке. Как-то вечером, когда она обрабатывала в чоттагене уже третью песцовую шкурку, добытую на участке Ренвыля, к ней пришел счетовод Пику. Он только что приехал из райцентра. Он смешной, Пику. Захватил свой нос в кулак и стал дергать его во все стороны. Ему руки некуда девать. Потом полез под кухлянку и, пока доставал посылку, перебирал ногами, будто сплясать хотел. И, наконец, когда передал ей посылку, то достал блокнот и сказал: «Распишись. Ты получила посылку от секретаря райкома». И погладил себя по голове обеими руками. Расписываться, конечно, не надо было. Пику — не почтальон, и посылка — неофициальная. Просто Пику любит, чтоб все было солидно.

В посылке лежали две книжечки и маленькая записка: «Тинвааль! Прочти эти брошюрки. Их наконец удалось достать. Это опыт работы якутских и красноярских пушных охотников-стахановцев. Пока они лучше нас с тобой знают промысел и добывают гораздо больше песцов. Поучись у них. Придет время, может быть, мы тоже издадим брошюрку — пускай у нас учатся. Как думаешь? Степанов». А ниже стояла приписка: «Прочти побыстрее и передай другим охотникам».

Она прочла быстро. В ту же ночь. Да, там было много нового. Даже голова разболелась. Можно изготовить пахучую приманку. К ней обязательно придет много песцов. Или воткнуть на пригорке палку, к которой подвесить убитую птицу. Любопытный песец увидит издалека и обязательно придет, чтобы попасться в капкан, поставленный под палкой. И еще было много нового.

О, нет, она не пожалела ни времени, ни труда. Она сделала почти все, что советовали далекие друзья. Бралась за дело она всегда дотошнее других. Ночью готовила новые приманки, весь день работала на участке. Она немного осунулась,— отдохнет, когда приедет Ренвыль.

Амгын и Тутриль попробовали отделаться смехом: «книги пускай ребятишки читают». Они кончили смеяться, когда уже через неделю оказалось, что на участке Тинвааль (она никак не может добиться, чтобы продолжали говорить по-старому: участок Ренвыля) добыто песцов больше, чем на любом из остальных участков.

Тинвааль и сама кое-что придумала. Подходя к капкану, она издалека начинала понемногу строгать мороженую рыбу и бросать в сторону от своего следа. Получалась извилистая дорожка. По этой дорожке песцы приходили к капкану. На некоторых местах она ставила не по одному, а сразу по четыре и по пять капканов. Сейчас их у нее восемьдесят. А песцов добыто пятьдесят четыре. Вместе с теми, что лежат на нарте, будет шестьдесят. Столько в Калигране не добывали и в лучшие годы. Ренвыль пишет: не скучаешь? Нет, любимый. Не скучаю. Скучает старый и злой Гатле. Он не спрашивает больше, как охота. Увидит, Тинвааль идет — и сразу шмыг в ярангу... Ну, вот и Калигран.

* * *

Комсомольцы вынесли лишние столы из избы-читальни, и все-таки желающие не вместились. Тогда плечистый Рахтуге пробасил добродушно:

— Ничего, скоро клуб, наверно, будем строить. А пока можно на улице. Пурги нет. Солнце.

Юлий Словацкий

1809 — 1849

В эти дни свободный польский народ отмечает столетие со дня смерти своего любимого поэта Юлия Словацкого, имя которого стоит в истории польской литературы рядом с именем великого Мицкевича.

Детские и юношеские годы Словацкого прошли сперва в Кременце на Украине, а потом в Вильно. Он начал писать рано, и в первых его стихотворениях нашли отзвук песни и думы Украины, к которой он и позднее не раз возвращался своей поэтической памятью. Когда после окончания университета поэт поселился в Варшаве и поступил там на службу, взор его, по его собственному признанию, уносился к родному Кременцу, к старому замку, чтобы «наполнить венец этих иззубренных стен привидениями, духами, рыцарями...»

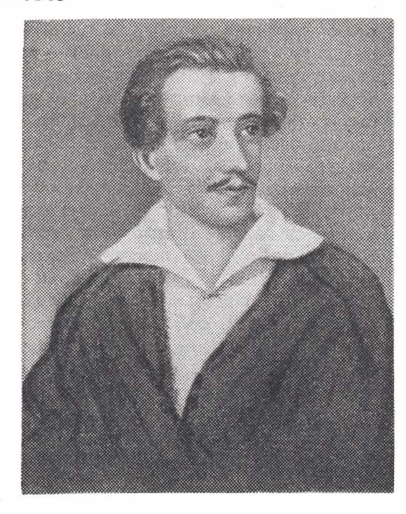
Но действительность ворвалась в жизнь Словацкого. Восстание 1830 года захватило его как поэта и гражданина. Он создал цикл стихотворений, проникнутых высоким патриотическим чувством. В своем «Гимне» он призывал:

«К оружью! К оружью, народ!
Как Феникс из пепла, воскресни,
Из тьмы угнетенья вперед,
Восставший народ! Пусть песня,
Как в праздник, гремит и поет!»

Призывом к борьбе прозвучало его стихотворение «Кулик», в котором найдено яркое поэтическое выражение для настроений восставшего народа:

«Каждый с оружьем, каждый веселый,
Идет на войну, как будто с войны...»

Еще до крушения восстания Словацкий покинул Варшаву, и скоро очутился среди польской эмиграции в Париже. Здесь он выпустил три тома своих произведений. Словацкий ждал поэтического признания, но не получил его. О его поэме «Ян Белецкий» Мицкевич сказал, что это — «храм прекрасной архитектуры, в котором нет божества». Позднее Словацкий понял глубокий смысл этого упрека, когда в одной из своих статей писал, что сам виноват в том, что поэзия его не нашла отклика у народа, ибо она была «без души». От молодого поэта ждали произведений, которые пробуждали бы патриотические чувства, укрепляли бы национальное самосознание, а он думал завоевать сердца тем, что открыл «сокровенные тайники своей души». Словацкий был так подавлен своей неудачей, что покинул Париж и уехал в Швейцарию.



Отныне начинается новый этап в его творчестве. Следующие годы (1832 — 1842), проведенные Словацким в Швейцарии, в путешествии по Востоку, затем в Италии и снова в Париже, ознаменовались лучшими его произведениями—драмами «Кордиан», «Балладина», «Лилля Венеда», поэмами «Ангелли», «В Швейцарии», «Отец зачумленных», «Путешествие на Восток», «Беньовский» и др. Теперь судьба родины, судьба польского народа становится в центре его творческого внимания. Он стремится извлечь уроки из неудачи восстания 1830 года, и мысль о поражении тревожит его, когда он пишет и «Кордиана», и «Лиллю Венеду», и «Ангелли». Правда, взор его затуманен предрассудками и заблуждениями. Он воспевает в «Кордиане» жертвенный порыв героя-одиночки и видит трагедию народа в бессилии этого героя осуществить свой жертвенный подвиг. Он верит, что лишь высшая, неземная сила может утвердить добро на земле («Балладина»). Он видит силу народа в чудодейственной арфе, воплощающей моральное превосходство над угнетателями и поработителями, и верит, что кротость может победить зло и насилие («Лилля Венеда»). Но поэт находит луч правды, когда на знамени своего героя в поэме «Ангелли» пишет три огненные буквы: «Lud» — «Народ».

Вацлав Воровский, говоря о польских романтиках, выделил из их среды Словацкого как «бурнопламенного демократа». Действительно, Словацкий во многих своих произведениях решительно заявил себя противником шляхетской аристократии и стал на сторону демократической части польской эмиграции. В той же поэме «Ангелли» он вывел князя Чарторийского, представителя аристократии, под именем графа Скира, что значит по-латыни раковая опухоль, назвав таким образом аристократию язвой на теле польского народа. Графу Скиру он противопоставил солдата Скартабеллу, «который хотел землю разделить и объявить волю крестьянам и равенство шляхты с евреями и цыганами». Восславляя этого героя из народа, Словацкий посылал проклятия аристократам и предвещал им гибель. Свое отношение к аристократам Словацкий ярко выразил в небольшом стихотворении, обращенном к магнатам:

«О горе вам! Дух, кровью обагренный,
Встает для новой жизни пробужденный,
Все озаряя молнии сверканьем,
И мир к великим он зовет деяньям.
Что ж вы? «Ура» кричите исступленно,
Гробы отцов подъявши как знамена...
Что ж вы? За вас другие пусть воюют,
А вам пусть немцы зад свинцом шпигуют...»

В течение долгих лет Словацкого соединяла личная дружба с поэтом-аристократом Сигизмундом Красинским. Красинский был одним из немногих, которые при жизни Словацкого превозносили его поэтический талант и признавали его достойным соперником Мицкевича. Однако, когда Красинский опубликовал свой «Псалом любви», в котором заявлял, что «без шляхты нет народа», и призывал «не соблазнять народ на резню своих господ», Словацкий выступил с резкой отповедью. «Без духа простого народа,— отвечал Словацкий,— бессильна человеческая грудь». Нет иной силы, кроме силы народной. Делать народное дело — значит «твердо и прямо стоять посреди своего народа». Нечего ждать, чтобы магнаты ангелами стали у крестьянских хат, нечего рассчитывать на шляхту, заявлял Словацкий и заканчивал свою отповедь гневным предупреждением: «Если ты и твои единомышленники камнем станете, чтобы остановить звездный и огненный вихрь, который несет народ, чтобы свергнуть вас,— мы святые, мы молоды в зорях и молниях встанем поперек твоей хароновой ладьи, полной трупов».

В своей замечательной поэме «Беньовский» Словацкий высказал сокровенную надежду, что народ пойдет за ним. Он писал: «Когда он захочет любить, я дам ему лебединые голоса, чтобы он воспел свою любовь; когда он захочет проклинать, через меня он будет посылать проклятия; когда он захочет гореть, я разожгу его пламень». И он заверял народ: «Мое знамя никогда не предаст его, днем, как солнце, ночью, как факел, будет озарять ему путь».

Словацкий остался верен своему слову. Меньше чем за год до своей смерти он оставил Париж и поехал в Познань, чтобы объединить польские силы для борьбы за возрождение своей родины.

Словацкий с юных лет был знаком с русской литературой; из «Истории государства Российского» Карамзина он черпал материалы для своей ранней исторической драмы «Миндове» и в частности оттуда взял имя Рогнеды для одной из своих героинь. В поэме «Беньовский» мы находим строфы, посвященные русской литературе: Словацкий пишет о «прекрасном, усеянном бриллиантами языке Пушкина», упоминает о Лермонтове, который «полжизни проводит на Кавказе», ибо царь исполнен вражды к нему.

С глубоким сочувствием относился Словацкий к передовым людям России. В частности, в самой реалистической из своих драм — «Фантазий»,—Словацкий выводит в качестве положительного героя русского майора, участника восстания декабристов, и с искренним уважением вспоминает имена Рылеева, Бестужева, Пестеля, Муравьева-Апостола.

В буржуазно-помещичьей Польше всячески извращали облик Словацкого. Символисты и декаденты, объявившие его своим предтечей и учителем, превозносили не те его произведения, в которых нашли свое выражение его высокие чувства патриота и демократа, а те, которые проникнуты эгоцентризмом и рафинированным эстетизмом, отходом от реальной действительности. Словацкий писал об этом периоде своего творчества: «Я сам не могу объяснить себе ни одно из своих теперешних произведений, ибо не знаю, откуда они приходят и куда они идут».

В новой, свободной, демократической Польше произведения Словацкого перечитываются заново. Словацкий предстанет в своем подлинном величии и как непревзойденный мастер польской поэтической речи и прежде всего как верный сын своего народа, горячо любивший свою родину и свой народ, счастье которого было целью его жизни.

М. ЖИВОВ

Один стол и две лавки вынесли на улицу. Но на лавках почти никто не захотел сидеть. Некоторые охотники стояли, прислонившись к стенке дома. Другие присели на корточки недалеко от стола. Председатель колхоза Рэнко, тонкий и по-охотничьему лениво-молодцеватый, скрестил ноги и непринужденно облокотился на стол, покуривая трубку.

Тинвааль сидела на камне и трепала за уши собаку — лучшего вожака — Янотеина. Янотеин от блаженства закрыл глаза. Вокруг Тинвааль разместились девушки в разноцветных ярких камлейках. Пока Рэнко делал доклад о том, как идет пушной промысел, Тинвааль вспомнила: на этом же камне она сидела и плакала, обижаясь за Ренвыля. Вспомнив о слезах, она улыбнулась.

Но улыбаться не следует, когда идет серьезный доклад. Это сразу стало ясно, потому что сидевший на корточках Амгын тут же перебил председателя, докладывавшего о ходе промысла.

— Все село,— сказал он,— возило рыбу на участок Тинвааль, чтобы туда пришли песцы и чтобы женщина могла смеяться над охотниками.

— Возило не все село,— поправил его Куннук,— а один маленький Апико. Ловили рыбу, правда, все комсомольцы.

— Но это было ночью,— добавил Рахтуге.— Когда Амгын спал.

И все заговорили вместе.

Тогда Тинвааль отпустила уши Янотеина.

— Теперь скажу я,— она вздохнула и поправила волосы.— Раньше женщине неприлично было говорить, когда не молчат мужчины. Амгын хочет, чтобы я не улыбалась. Но мне весело, и я хочу разговаривать. В боевом листке наш счетовод Пику нарисовал картинку, как охотник Пелятагин поймался в собственный капкан. Многие из охотников сидят в капканах и не хотят из них выйти. Сейчас нельзя работать так, как раньше. Некоторые у нас хорошо работают ногами. Тыркин каждый день обходит пятьдесят километров и добыл совсем мало песцов.

Все обернулись к Тыркину. Тинвааль продолжала:

— У Тыркина проворные ноги, но теперь надо уметь работать головой. Пять капканов он поставил в лощине. Их занесло на метр снегом, и теперь охотник сам не может их найти. Песцу некогда рыть снег, чтобы просунуть лапу в капкан Тыркина. Песец идет туда, где он чует запах мяса. Но ему трудно учуять запах наших приманок: холодно, и запах мерзнет. Все читали книжечки из райкома. Но пахучую приманку приготовили только Рахтуге, Куннук да еще пять комсомольцев. Остальные сказали: «И без фокусов поймаем». Но Рахтуге, Куннук и те, кто умеет работать головой, поймали по нескольку десятков песцов, остальные — по нескольку штук... Вы молчите, мужчины? Вам стыдно?

— Кхе-кхе-кхе,— послышался скрипучий смешок; Гатле сидел на корточках сзади всех рядом со своей старухой и мундштуком трубки больно толкал ее в бок: — У женщины, наверно, дома в котле остыло мясо, но она говорит и говорит.

К Гатле никто не обернулся. Тинвааль поднялась с камня, щеки ее вдруг покраснели. Она сказала:

— Чукчи — гордый и мужественный народ. Советские люди. Чукча смеется и один на один вступает в схватку с белым медведем. Он бьет кита в голову, он умнее кита и не боится, что кит ударом плавника потопит вельбот. Чукче не страшны пурги и морозы. Но у нас есть Тутриль. Он попросил себе самый ближний участок и расставил на нем одиннадцать капканов. Только одиннадцать. Ему лень работать не только головой, но и ногами. Он поймал много: целых двух песцов. Один капкан он поставил так близко к селению, что в него попалась хорошая ездовая собака. Всего получилось: два песца и одна собака. Твоя собака, Пику.

Пику шумно вздохнул и дернул себя сразу за оба уха, не отрывая глаз от лица Тинвааль. Она продолжала:

— Впереди еще три месяца охоты. Обещание Ренвыля уже перевыполнено. Но на его участке стоят восемьдесят капканов. Песцов там ловится много: ведь все село заботилось о рыбе для меня! Вместе со всеми капканами я передаю участок Амгыну. Он поймал только шесть песцов и может не выполнить план. На новом месте Амгын свой план выполнит. А я возьму его участок, и теперь сама наловлю рыбы, чтобы приманить туда песцов. Думаю, выполню на новом месте еще один полный план.

Амгын побагровел, привстал с корточек и снова сел.

— Я не согласен меняться,— чужим голосом сказал он.

Все помолчали.

— Думаю, можно закрывать собрание,— сказал Куннук.— Как, Рэнко?

— Я тоже так думаю,— сказал Рэнко, набивая трубку.

УЧЕНЫЙ, ПАТРИОТ, БОЛЬШЕВИК

К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АКАДЕМИКА И. М. ГУБКИНА

Георгий БЛОК

Иван Михайлович Губкин.

В первом десятилетии XX века слава нежданно-негаданно заглянула в Майкоп. Тихий, дотоле ничем не примечательный район внезапно обрел громкую известность.

Всю мировую печать облетело имя одного удачливого старателя. Пробуренная им скважина выбрасывала ежедневно целое состояние. Бедняк стал миллионером. На поверку, правда, оказалось, что за его спиной укрылось акционерное общество, но на Северный Кавказ, в Майкоп, уже хлынул беспокойный поток искателей приключений, охотников за призрачным счастьем. Майкопская нефть — это звучало как обещание богатства.

«Черная» нефтяная лихорадка трясла биржевых воротил, обладателей тугой мошны. Прожорливые компании, где заправлял иностранный капитал, спешили прибрать к рукам побольше участков. Они предвкушали неслыханные барыши.

Сонные долины, холмы, луга преобразились. Подобно грибам после летнего дождя, росли нефтяные вышки.

И вдруг стряслась беда. Природа, казалось, закапризничала. Одна скважина исправно фонтанировала, а ее многочисленные соседки оставались сухими; из них нельзя было выжать ни капли маслянистой жидкости. Некоторые скважины, точно на смех, давали одну только воду или в лучшем случае горючие газы.

Промышленники всполошились: без науки, видимо, не обойтись. Однако своей, отечественной, пренебрегли и за солидные деньги выписали именитых специалистов из-за границы. Эти, дескать, надежнее, они помогут.

Приезжие вели себя заносчиво. Но даже беглое знакомство с промыслами поубавило у них спеси, заставило призадуматься. Все оказалось отнюдь не так просто, как предполагалось.

Газ и нефтяные пески налицо,— значит, нефть должна быть. Закладывали скважину по этим «вернейшим признакам», но нефти не было и в помине. Природа отказывалась повиноваться.

Иностранцы равнодушно пожимали плечами. Ничего не поделаешь, уверяли они, нефть в Майкопе — случайное явление: ее или очень мало или совсем нет. Промыслы надо прикрыть.

Тут наперекор мрачным предсказаниям внезапно начинал бить мощный нефтяной фонтан. Но вскоре обнаруживалось, что радость преждевременна, и надежды сменялись разочарованием.

Гастролеры-«спасители» походили на слепых щенков. Они спорили друг с другом, искали лазеек, кляли неуловимую нефть, но «прозреть» и скосно разобраться в загадке Майкопа, в сложности и своеобразии его геологического строения так и не смогли.

Молчаливым свидетелем бессилия горе-исследователей, полного краха их попыток распутать майкопский «узел» был студент петербургского Горного института Иван Михайлович Губкин. Он ехал на летнюю практику, а попал на комическое представление. Приглашенные за большие деньги иноземные светила покидали один за другим Майкоп. Для спасения своей репутации они заявляли, что поиски «безнадежны», а месторождения «бесперспективны».

Почему же все-таки, недоумевал Губкин, некоторые скважины вопреки прогнозам, вопреки тому, что говорилось в учебниках, продолжают давать нефть, и в изрядном количестве? Нет, тут что-то не так, размышлял он. Трудную задачу не решить с кондачка, как хотели сбежавшие консультанты. Надо взяться за дело по-настоящему, с душой, тогда и результаты будут другие.

И Губкин показал, что значит работать с душой. Он подолгу жил на промыслах, вдоль и поперек облазил окрестности, собирал, сравнивал, тщательно изучал образцы породы.

Несокрушимое губкинское упорство восторжествовало. Он разгадал майкопский «ребус», а заодно выяснил, в чем ошибка его незадачливых предшественников. Они цеплялись за старые представления и прозевали «черное золото». «Бурили, искали не там, где нужно, и выходило, что нефти в Майкопе мало или совсем нет»,— писал Губкин.

Не преувеличивая, можно сказать, что майкопские промыслы обязаны ему своим подлинным рождением. Он предложил новый, остроумный метод составления структурной карты подземного рельефа. Она объясняла, почему «дурят» скважины, указывала, где их надо закладывать.

Губкин установил, в чем отличие майкопской залежи от всех известных в то время месторождений.

Миллионы лет назад майкопский район прорезала глубокая извилистая балка, вымытая бурными весенними и ливневыми потоками. Затем ее покрыло наступающее море. Многие тысячелетия балку заносило песком. Туда из материнских пород просочилась нефть. Песок, точно губка, впитывал ее, а глина, подобно пробке, закупорила природное хранилище.

В этом, по выражению ученого, «рукаве размыва» спрятаны гигантские запасы «черного золота». Ему удалось определить и направление, в котором располагалась «рукавообразная залежь».

В 1912 году, уже став горным инженером, Губкин опубликовал работу—«Майкопский нефтеносный район». Подытожив свои наблюдения, он исчерпывающе объяснил загадочное поведение скважин и выдвинул оригинальную теорию «рукавообразных залежей».

Труд Губкина произвел ошеломляющее впечатление. Иноземные авторитеты, а вместе с ними низкопоклонники перед закостенелой западной премудростью забеспокоились. Они ополчились на смельчака, который выступил против обветшавших взглядов, сбросил путы, мешавшие движению вперед.

Лагерь противников старался во что бы то ни стало опорочить теорию Губкина, ошельмовать плодотворную идею. Молодой ученый отразил злобные нападки. Он, по собственному признанию, «с гневом и яростью восстал против рутинеров».

Губкин одержал победу в споре с зарубежными учеными и их петербургскими подпевалами. Он доказал правильность своей теории: все скважины, заложенные по его указанию, дали нефть.

Надо отметить, что только спустя пятнадцать лет американские геологи доросли до понимания этой его работы. В Соединенных Штатах они обнаружили залежи, подобные майкопским. Путь, показанный русским ученым, стал столбовой дорогой мировой геологии.

Так вошел в науку хозяином Иван Михайлович Губкин, человек великого упорства, настойчивым трудом пробившийся к вершинам знания.

Несгибаемая воля в достижении цели роднит его с отцом русской науки М. В. Ломоносовым. Подобно ему, Губкин — выходец из простого народа, сын крестьянина-бедняка. Его неудержимо, как когда-то юного помора, тянуло к учению. И подобно Ломоносову, он покинул отчий дом, родное село, чтобы получить образование.

Смышленого паренька приняли в муромское уездное училище. Жил он впроголодь; то ютился в избенке, которая служила баней, то — в полуподвале у сторожа, но наук не оставил.

Летние каникулы лучший ученик уездного училища проводил в деревне, работал как заправский крестьянин: пахал, косил, налаживал соху, отбивал косы, чем «утешал своих родителей».

Училище Губкин окончил с отличием и без денег отправился в город Киржач, Владимирской губернии. Выдержав приемные испытания, он поступил в учительскую семинарию.

В девятнадцать лет Губкин — учитель сельской школы. Годы учительства стали своеобразными «губкинскими университетами». Он жадно читал, а книги приходилось доставать с трудом.

В ту пору сделалась ясной его еще далекая цель. В мечтах он видел «уже не просто образование, а именно геологическое образование».

В Петербург Губкин приехал с несколькими рублями в кармане, сбереженными жесткой экономией. Двери Горного института были для него закрыты: туда принимали тех, кто предъявлял аттестат зрелости.

Молодому человеку посчастливилось: он попал в Учительский институт. В поисках куска хлеба Иван Михайлович брался за любую работу: собирал материалы по истории охоты, заполнял архивные карточки в департаменте земледелия, давал уроки, преподавал в приюте.

Откуда черпал он силы, чтобы преодолеть все трудности на пути к заветной цели, все невзгоды, выпавшие ему на долю? На это он отвечал:

— Меня неумолимо гнало стремление к науке.

Осенью 1903 года — Губкину тогда исполнилось 32 года — он выдержал конкурс и стал студентом Горного института.

Сын крестьянина-бедняка в высшем учебном заведении! Свыше четверти века потратил Губкин, чтобы получить диплом инженера-геолога, и его волосы посеребрила седина, когда он достиг желанного.

Майкоп сделал имя Губкина известным среди нефтяников. Уже в первом самостоятельном исследовании о нефти этого района проявились характерные черты русского ученого-новатора: страстное желание выведать тайны природы, вовлечь в народное хозяйство новые запасы полезных ископаемых.

В то время даже хваленые специалисты не были в состоянии вразумительно ответить на такие вопросы: каков возраст, строение и происхождение нефтяных залежей? Иван

Михайлович возмущался, когда почтенные знаменитости разводили руками и назойливо, как припев затасканного романса, повторяли:

— Ничего не поделаешь, батенька! Сами знаете: на Западе еще не додумались, а куда уж нам...

Никто не мог ему разъяснить, почему, собственно говоря, русские горные инженеры должны сидеть и дожидаться «рецептов» от европейского или американского «дядюшки».

Мужественный геолог не желал идти на поводу у иноземной науки, и низкопоклонники из геологического комитета решили его «проучить». Губкина послали изучать Таманский полуостров, геологическое строение которого считалось достаточно известным. Ведь там уже побывали академики Г. Абих и Н. Андрусов. Их почитатели ехидно посмеивались: вот будет ему урок, он там ничего не найдет.

Однако жестокий урок получили сторонники старых взглядов. Изыскания Ивана Михайловича привели к неожиданным последствиям. Ему удалось обнаружить несколько нефтеносных горизонтов, которых «не доглядели» его предшественники.

Столь же блестящими оказались результаты его поездок по Апшеронскому полуострову. Он исследовал Кабристанские пастбища, Прикуринскую низменность и Нафталанский район.

Богатейшие в мире бакинские земли издавна привлекали внимание ученых и считались хорошо изученными. Однако Губкин в первые же месяцы сказал свое новое, веское слово. Он выяснил, в каких условиях залегает продуктивная толща, что ей сопутствует, какие породы ее окружают, каков их возраст.

Его теории с боями утверждались в науке, но не находили практического применения в царской России.

Великий Октябрь застал Губкина в Соединенных Штатах, где он был в служебной командировке. Вдохновенно, с непоколебимой верой в будущее он приветствовал социалистическую революцию:

— Взгляните в сторону революционной России,— говорил Губкин на съезде американских геологов,— и вы увидите на горизонте зарю восходящего солнца, свободы и счастья. Над Россией взошло солнце новой жизни, солнце нового мира. Труженики отныне сами будут управлять своей судьбой, своим трудом и жизнью.

Весть о том, что рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, вызвала взрыв звериной ненависти среди американской буржуазии. Продажные писаки по указке своих хозяев заполняли страницы газет потоками бессовестной лжи.

Иван Михайлович не мог молчать. Он выступал на митингах, рассказывал правду о молодой Советской республике, разоблачал гнусные измышления клеветников.

С неодолимой силой его влекло на Родину. Он спешил домой, чтобы отдать свой талант ученого, богатый опыт, знания и энергию возрожденной Отчизне.

И вот Иван Михайлович в Москве. Нефтяные районы и Донецкий бассейн были тогда под пятой иностранных захватчиков и белогвардейских банд. А Советской стране нужно было топливо.

Губкин изучает сланцы. Он едет по Волге на поиски сланцевых месторождений.

В октябре 1919 года Губкина вызвали на доклад к Владимиру Ильичу Ленину. Вместо папок с бумагами ученый принес бутылочки бензина и керосина из сланцев.

«Владимир Ильич,— писал Губкин,— попросил показать, где находятся сланцевые месторождения. Мы подошли к карте и простояли у нее два с половиной часа — беседа велась и о нефти, и о сланцах, и о сапропелях».

По декрету В. И. Ленина Губкин создает «Главконефть». Штаб советских разведчиков недр разместился в гостинице «Метрополь». Несмотря на то, что Губкину исполнилось 50 лет, он работал еще энергичнее, чем в годы молодости. Ему доверили восстановление азербайджанской нефтяной промышленности, где раньше хозяйничали иностранные хищники. Он отдает все силы возрождению топливной базы страны.

Его деятельность этого периода отражена в ряде документов. Особенно интересен доклад Губкина «О положении дел в нефтеносных районах республики», подготовленный по поручению В. И. Ленина и испещренный драгоценными пометками и замечаниями великого основателя советского государства. Достаточно познакомиться с этим документом, чтобы понять, какие чувства и думы владели русским геологом-патриотом.

Со страниц доклада встает образ ученого-гражданина, преданного партии Ленина — Сталина, воодушевленного стремлением отдать всего себя бескорыстному служению Родине.

Март 1921 года — самый памятный месяц в жизни Губкина. Он вступает в ряды коммунистической партии.

Иван Михайлович в своей автобиографии с глубоким волнением писал: «Я счастлив, что партия оказала мне великую честь и приняла меня в свой состав».

Звание члена великой и славной большевистской партии он почитал превыше всего. Он говорил, что дорожит этим званием «больше своей жизни, которую готов отдать по первому требованию партии за великое дело освобождения труда от ига капитала и за прекрасное будущее человечества в коммунистическом обществе, куда путь нам указали и по которому ведут нас наши великие учители Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин».

Ученый-борец, он с радостью видел, как росла и мужала наша Родина, перестраиваемая по плану великого Сталина. Возрастала мощь народного хозяйства; промышленность и транспорт с каждым годом требовали все больше и больше жидкого «черного золота».

В 1927 году Губкин срочно выехал в Баку, откуда ему сообщали, что обширные нефтеносные площади района якобы исчерпаны до дна. Эту вредную теорийку, несомненно, рожденную где-то за границей, послушно подхватили местные низкопоклонники и пытались выдать за истину.

Иван Михайлович в короткий срок разбил наголову горе-теоретиков. И когда разведчики недр начали свои поиски там, где советовал Губкин, они обнаружили несколько нефтеносных горизонтов в нижнем, непочатом слое продуктивной толщи. Губкин похоронил реакционную теорийку «затухания».

Настойчиво расширять границы познаний, выведать сокровенные тайны природы — такую задачу всегда ставил перед собой Губкин.

Характерным примером великолепного дарования новатора могут служить исследования Губкиным грязевых вулканов в Азербайджане.

Грязевые вулканы встречаются в разных пунктах земного шара: на Кавказе, в Индии, на Малайских островах, в Румынии. Нельзя сказать, что это явление природы обойдено в мировой научной литературе молчанием. Число трудов, посвященных этой теме, перевалило за пятьсот. Однако гипотезы иностранных ученых не терпели соприкосновения с действительностью: они рушились, подобно карточным домикам.

Еще недавно территории, изобилующие грязевыми вулканами, объявлялись бесполезными и даже опасными. Их, как зачумленных, избегали. Казалось, что с ними навсегда покончено. Так, по крайней мере, провозглашали зарубежные авторитеты. Им почтительно вторили раболепные низкопоклонники.

Революционер в науке, Губкин опроверг эти взгляды. Он всесторонне изучил проблему грязевого вулканизма и выдвинул оригинальную, стройную и обоснованную теорию. Впервые в истории науки выяснив причины возникновения и механизм действия грязевых вулканов, он указал, что между ними и нефтяными месторождениями существует неразрывная связь.

Эта идея вызвала бурю негодования за границей. На теорию Губкина с яростью обрушились многие геологи на Западе. Им подпевали те, кому не дороги честь и достоинство русской науки.

— Проверим мои выводы на практике,— предложил Губкин.

Пресмыкающиеся перед заграницей специалисты пытались противодействовать. Но старые времена безвозвратно миновали. И опыт в широком масштабе состоялся.

В 1932 году началась разведка бурением знаменитого грязевого вулкана Лок-Батан. Американские нефтяные «короли» и их челядь злобно следили за этим опытом ученого-большевика. «Здесь-то,— предрекали они,— никогда ему не удастся достигнуть цели».

И снова осрамились «заокеанские пророки». Они не хотели верить, но факты — упрямая вещь. И когда один за другим стали бить нефтяные фонтаны, причем одна скважина давала до 20 тысяч тонн нефти в сутки, пришлось признать правоту Губкина.

Столь же производительными оказались вулкан Шонгар и другие. Они сдавались в промышленную эксплоатацию. Созданная Иваном Михайловичем теория грязевого вулканизма получила практическое подтверждение.

Неутомимый исследователь постоянно искал все новые и новые нефтяные площади. Признаки нефти на обширной территории между Волгой и Уралом были обнаружены еще в XVIII веке. Однако владельцы нефтяных промыслов, например, миллионер Нобель и другие, опасаясь конкуренции, с помощью взяток «замораживали» промышленную разведку новых площадей.

Академику Губкину принадлежит заслуга подлинного открытия нефтяных месторождений «Второго Баку». Он направил в Предуралье несколько экспедиций. И вот вскоре скважины, заложенные в Ишимбаеве, дали мощные фонтаны нефти.

«Как же случилось,— писал ученый-патриот,— что нефть нашли в местах, на которые был поставлен крест?» — и отвечал, что этот успех был следствием иного, советского, отношения к фактам, иного их понимания.

Трудно передать радость Губкина, когда он узнал, что товарищ Сталин интересуется разведкой нефти на Урале и на Севере. Запомнился день, когда Серго Орджоникидзе пригласил его к товарищу Сталину.

— Меня поразила простота,— рассказывал патриот-ученый,— с которой встретил нас товарищ Сталин. Перед началом беседы он принес карту и развернул ее перед нами на длинном столе. Показывая на топографические особенности этой карты, Иосиф Виссарионович обратил наше внимание на ряд возвышенностей. По его мнению, они заслуживают того, чтобы быть разведанными на нефть. Я поразился, как товарищ Сталин так правильно ставит прогноз,— будто геология его специальность.

Беседа заняла почти два с половиной часа.

Ученый-большевик в классическом труде «Волго-Уральская нефтеносная область» смело очертил контуры минеральной жемчужины нашей страны. Они оказались грандиозными.

В своей монографии о «Втором Баку» И. М. Губкин предсказывал, что в древних, девонских отложениях должна быть нефть. Этот прогноз подтвердился после его смерти. Пять лет назад советские геологи обнаружили в девоне высококачественную нефть.

В годы сталинских пятилеток Губкин открыл много других месторождений «черного золота». После его исследований вернулись в строй старые нефтеносные районы, которые считались истощенными.

Иван Михайлович — первый в Советской стране профессор кафедры геологии нефтяных месторождений Московской горной академии. Слушать его блестящие по форме и глубоко содержательные лекции часто собирались студенты всех факультетов.

По инициативе ученого-большевика были созданы Исследовательский нефтяной институт, преобразованный впоследствии в Институт горючих ископаемых Академии наук СССР, и Московский нефтяной институт, носящий ныне имя И. М. Губкина.

Двести научных трудов — таков итог его 30-летней кипучей деятельности. Среди них следует выделить выдающиеся произведения: «Геология нефти» и «Учение о нефти», которые стали настольным руководством геологов-нефтяников.

Академик Губкин бывал во многих уголках нашей страны, но больше был привязан к Азербайджану. И сыны Кавказа платили ему трогательной любовью и неизменной дружбой. Они избрали его своим депутатом в Верховный Совет Союза ССР.

Имя Ивана Михайловича Губкина — ученого-новатора, патриота-большевика — хранится в благодарной памяти советского народа.

Поль Робсон

И. ЛАПИЦКИЙ

Впервые я увидел его на двадцатитысячном митинге прогрессивных американцев в Нью-Йорке. Перед нами стоял огромный, широкоплечий, атлетического телосложения негр, улыбавшийся публике, которая встретила его бурной овацией. Это был знаменитый артист и певец Поль Робсон. «Наш Поль», — раздавалось отовсюду...

Робсон произнес краткую речь, призывавшую к беспощадной борьбе против всех проявлений фашизма, против империалистической политики американских монополий. Он разоблачал поджигателей войны и звал к дружбе с Советским Союзом. Его страстные слова встретили горячее одобрение аудитории.

Потом Робсон стал петь. Своим глубоким, мягким, бархатным басом он пел народные песни — негритянские, американские, советские, испанские. В заключение он с большим подъемом исполнил на русском и английском языках «От края и до края». Зал ответил громом аплодисментов.

Через несколько дней мы встретились с Робсоном у одного прогрессивного американского журналиста. Узнав, что мы из Москвы, он забросал нас вопросами о Советском Союзе, о жизни нашей столицы. Робсон восторгался успехами послевоенного восстановления в СССР, расспрашивал о культурном строительстве, о советском искусстве, за развитием которого он следит с пристальным вниманием.

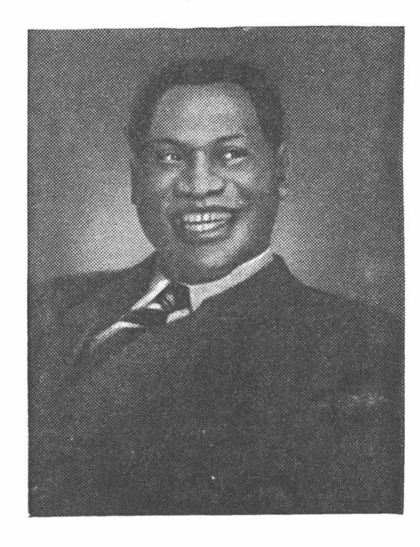
Еще до этой встречи мы знали из газет, что в январе 1947 года Поль Робсон объявил об отказе на два года от концертной и театральной деятельности с тем, чтобы целиком посвятить себя политической борьбе в рядах американского прогрессивного движения. Это решение он принял в городе Сен Луисе, где вместе с пикетчиками конгресса борьбы за гражданские права он шагал по улице с большим плакатом в руках, протестуя против дискриминации негров.

Три месяца спустя на заседании Совета по африканским делам — прогрессивной организации, председателем которой он является,— Поль Робсон рассказывал, как власти запретили ему выступать в городе Пеориа, в штате Иллинойс. К приезду Робсона местные мракобесы создали в городе атмосферу, напоминавшую подготовку к линчеванию.

— Мне удалось выбраться из Пеории,— рассказывал Робсон,— только потому, что мой отъезд держался в строгом секрете... Если это могло случиться в Пеории, то подобное может произойти и в других городах, и не только с Полем Робсоном, но и с любым американцем, который верит в демократию и об этой вере не боится говорить. Вот в чем проблема...

Робсон далее заметил:

— Необходимо разоблачать силы реакции, стоящие за кулисами «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» и за тем походом, который конгресс США организовал против коммунистов и против всего рабочего движения. Пока эти силы продолжают свою грязную работу, никто из нас не может считать себя в безопасности... Мы не можем ограничиться обороной. Мы должны перейти в наступление. Да, вас будут называть «подрывными агентами Москвы», как называли Генри Уоллеса, если вы встанете на путь непреклонной борьбы за правое дело. Но если единственным выбором является либо поддерживать доктрину Люса — Трумэна, предусматривающую установление мирового господства американских монополий, либо получить «красный» ярлык, то я лично приветствую такой ярлык. Я буду считать для себя счастьем идти вместе с народами всего мира, стремящимися создать нечто новое и достойное в человеческом обществе...



Так говорил на заседании Совета по африканским делам Поль Робсон — один из крупнейших современных певцов и актеров.

— Я служу народу,— сказал нам Робсон.— Я всегда буду служить народу, как художник, имеющий политические убеждения,— а ни один художник не может не иметь политических убеждений. Он может думать, что не имеет их, но, независимо от того, известно ли ему это или нет, он служит либо народу либо тем, кто попирает права народа...

Поль Робсон — человек широких и разносторонних знаний. Сын раба, в свое время бежавшего из рабства, а впоследствии ставшего священником методистской церкви, Поль Робсон упорным трудом благодаря своим способностям пробил себе путь к знаниям.

В молодости Робсон считался великолепным спортсменом. Он был прекрасным футболистом, занимался также боксом и другими видами спорта. Ловкие бизнесмены одно время готовили ему карьеру профессионального боксера. Но Робсон решительно отклонял назойливые предложения коммерсантов, надеявшихся обогатиться с его помощью.

Еще задолго до получения диплома юриста юноша серьезно задумывался над своим будущим. И чем больше он об этом думал, тем больше убеждался, что в Америке для негра-юриста двери повсюду будут закрыты. Это вскоре подтвердилось. Пришлось считаться с необходимостью менять профессию. Друзья стали убеждать его испытать силы на театральном поприще.

Первое же выступление Поля Робсона, состоявшееся в 1924 году в небольшом театре в Гарлеме, негритянском районе Нью-Йорка, обратило на себя внимание. О Робсоне заговорили, как о восходящей театральной звезде. К этому времени выявилась и его редкая вокальная одаренность. Наряду с игрой в драматических театрах Робсон стал давать концерты, исполняя главным образом негритянские народные песни. Вскоре он стал любимцем демократической публики. Он выступал в переполненных концертных залах Нью-Йорка, Филадельфии, Лондона, Парижа, Праги, Бухареста, Варшавы, Вены.

Несколько лет Робсон жил в Англии. Своего сына Поули он также решил воспитывать за пределами Соединенных Штатов.

В разгар своей славы Робсон возвратился в Америку. Это были годы экономического кризиса. Он увидел в еще более обнаженном виде все язвы прогнившей капиталистической системы, обрекающей десятки миллионов людей на безработицу, нищету и голод. Он снова столкнулся с расовой травлей миллионов своих соотечественников.

В 1934 году, находясь снова в Европе, Робсон решил при первой возможности последовать совету настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона и других своих друзей и лично ознакомиться с Советским Союзом, о котором он так много слышал. Первое посещение страны социализма произвело на Поля Робсона неизгладимое впечатление.

О своей поездке в Советский Союз Робсон рассказывал в следующих словах: «Единственное, что я могу сказать,— это то, что с первого момента моего появления в этой стране я понял, что нашел то, к чему стремился всю свою жизнь...»

— Советский Союз,— говорил Робсон на одном из заседаний Совета по африканским делам,— показал, как за одно поколение можно покончить с колониальной системой, и нет ничего удивительного, что империалисты вопят: «Остановите Россию!»

Уже много лет спустя, летом 1948 года, выступая в юридической комиссии американского сената против реакционнейшего законопроекта Мундта, Робсон в ответ на вопросы о своей поездке в СССР заявил:

— В Советском Союзе я впервые мог ходить по земле, испытывать чувство человеческого достоинства.

Робсон смело и решительно заявил в сенатской комиссии, что он не намерен отказываться от своих взглядов и готов вместе с другими прогрессивными деятелями пойти в тюрьму. Эти слова вызвали ярость реакционной печати. На следующий день после его выступления вашингтонская «Таймс геральд» вышла с передовой статьей, озаглавленной: «Почему он здесь находится?» В статье, выдержанной в злобно-истерических тонах, автор напоминал Полю Робсону о том, что его отец был рабом, и угрожающе предупреждал: «Либо он будет себя хорошо вести в течение всего своего пребывания в нашем городе, либо ему не поздоровится... Он держит курс прямо в тюремную камеру».

Так писала шестого июня прошлого года о великом артисте одна из крупнейших газет столицы Соединенных Штатов, правящие круги которых так часто расхваливают американскую «демократию».

Свою артистическую деятельность Робсон на протяжении многих лет сочетает с большой общественной работой в рядах прогрессивного движения Америки. Он не только председатель Совета по африканским делам и один из председателей Национального комитета прогрессивной партии. В любом серьезном выступлении прогрессивных элементов, там, где ведется народная борьба против реакции и фашизма, за демократию и прогресс,— там всегда звучит голос Поля Робсона.

Робсон — замечательный лингвист. Часы, свободные от своей профессиональной и общественной деятельности, он посвящает изучению языков. Он владеет многими европейскими языками, знает ряд африканских диалектов, китайский и другие восточные языки. Теперь он собирается овладеть грузинским и другими языками народов Советского Союза. Но особенно дорожит Поль Робсон своим знанием русского языка и с увлечением читает русские книги.

На русском языке Робсон исполняет многие произведения Чайковского, Балакирева, Мусоргского, популярные советские песни. Особенно он любит Мусоргского. Робсон временами работает над подготовкой роли Бориса Годунова. Это он называет своей «большой мечтой»...

В середине февраля этого года Поль Робсон прибыл в Лондон, где впервые после длительного перерыва возобновил свою концертную деятельность. В его репертуар входят различные народные песни—негритянские, американские, русские, современные советские песни, а также песни участников движения Сопротивления различных стран.

В первом своем интервью по прибытии в Лондон Робсон заявил корреспондентам газет:

— Я являюсь представителем той группы американской общественности, которая считает, что можно строить жизнь на основе мира во всем мире.

Отвечая на вопрос о том, как он оценивает происходящий сейчас процесс над лидерами компартии США, Робсон заявил:

— Если этих людей осудят, то ни один человек, придерживающийся мнений, неугодных Уоллстриту, не будет в безопасности. По существу, затронут основной вопрос о гражданских правах американцев.

Интересно отметить, что когда Робсон собирался выехать в Европу, реакционная печать (в частности, небезызвестный херстовский радиообозреватель Уолтер Уинчел), опасаясь, что Робсон может рассказать правду о современной Америке, требовала запретить великому артисту эту поездку.

Свое отношение к Советскому Союзу Робсон охарактеризовал в простых и ясных словах.

— Я,— сказал он,— являюсь горячим и безоговорочным поклонником Советского Союза.

В царстве Желтого Дьявола

Десятилетия отделяют памфлеты и очерки М. Горького об Америке от его ответа на анкету американского журнала, но они равно согреты его большой и светлой любовью к людям труда и пронизаны горячей, непримиримой ненавистью к миру капитализма.

Горький писал свои очерки, когда великий Ленин призвал русскую литературу служить трудящимся, которые составляют «цвет страны, ее силу, ее будущность». Он отвечал на анкету американского журнала в годы, когда русские рабочие и крестьяне первыми в мире проложили путь к построению социализма.

Одним и тем же годом помечены горьковский «Ответ» и его статья к десятилетию советской власти. «Всю мою жизнь,— писал в ней Горький, — я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

Именно с этих позиций и выступал писатель, изобличая зверство и хищничество американских миллиардеров, вскрывая человеконенавистническое существо капитализма в самой типичной, самой законченной его американской формации.

Великий советский писатель-гуманист Горький с негодованием отбросил в своем «Ответе» лукавый и ложный вопрос о том, ненавидит ли наша страна Америку. «Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме, — писал он, — заключено нечто по-американски уродливо преувеличенное, раздутое». Не Америку, а царящие в ней правопорядки бизнесменов, не американцев, а хищных магнатов капитала ненавидел Горький. И наша страна никогда не говорила о своей ненависти к Америке; нам всегда были близки и дороги ее люди труда, ее передовые, прогрессивные люди культуры, равно как чужды и враждебны нам те, кто превратил жизнь американских простых людей в удушливый и злой ад. Горький отвечал, что так называемая «цивилизация» США не вызывает у него симпатии. Он прямо говорил, что «это — самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации».

Не народ Америки, не ее передовые деятели культуры, прогрессивная американская интеллигенция повинны в том, что Америка стала скопищем самых уродливых, самых реакционных идей и планов нашего времени, а ее истинные хозяева — миллиардеры и миллионеры, дельцы с Уолл-стрита.

«Капиталисты всех стран,— утверждал Горький, — одинаково противное и бесчеловечное племя». Но американские капиталисты намного хуже, вреднее тем, что они «более глупо жадны к деньгам». Горький писал даже, что слово «бизнесмен» он переводит как «маниак». В этой болезненно-маниакальной, жестокой и преступной тяге к обогащению и состоит самое существо, самая душа американского капитализма, ныне стремящегося к мировому господству.

Американский капитализм несет опустошительную угрозу человечеству,— вот о чем говорил Горький в своем ответе на анкету американского журнала. «Вы подумайте, — писал он, — как все это глупо и постыдно: наша прекрасная планета, которую мы с таким трудом научились украшать и обогащать, — почти вся наша земля в жадных руках ничтожного племени людей, которые, кроме денег, ничего не умеют делать. Великолепную творческую силу — кровь и мозг ученых, техников, поэтов, рабочих, создающих культуру, нашу «вторую природу»,— эти туповатые люди превращают в желтенькие кружочки металла и в бумажные полоски чеков».

Включенные в книгу памфлеты «Город Желтого Дьявола», «Царство скуки», «Mob», очерки «Один из королей республики», «Жрец морали», «Хозяева жизни» были написаны в период первой русской революции. Буревестник революции, ее поэт и глашатай, Горький страстно и пламенно защищал в этих произведениях право людей труда, деятелей культуры на достойную человека жизнь и потому со всем гневом писателя-революционера обрушивался на капитализм, уродующий и ломающий жизнь.

В своем «Обращении к Англии», в «Воззвании к французским рабочим» А. М. Горький показал тогда, что англо-французские капиталисты являются убийцами русской революции. Предоставив заем царскому самодержавию, капиталисты Франции и Англии помогли затопить в крови великое дело освобождения, начатое русским народом. В статьях же и очерках об Америке Горький изобразил тот мир и ту жизнь, во имя которых капитализм рука об руку с царизмом давил народную революцию в России.

Горький в эти годы написал повесть «Мать», так высоко оцененную В. И. Лениным. Со всей силой великого художника он нарисовал в ней образы передовых русских рабочих, которые свершали эту, впоследствии раздавленную на деньги английских и французских капиталистов, революцию. И в этой же бессмертной своей повести Горький сказал, что Россия явится страною самой яркой демократии на земле.

Россия! В ней, в ее народе увидел тогда писатель носителя самой передовой и самой великой идеи жизнестроения. Тем значительнее в этой связи статьи Горького об Америке, написанные в те же годы.

Мы с гордостью читаем теперь ответ Горького на анкету американского журнала, где великий писатель говорит, что «истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу, а не паразитам, живущим за счет чужого труда». Мы с гордостью читаем этот ответ Горького потому, что видим в нем отражение нашей жизни, нашего общественного строя, нашего государства, созданного гением Ленина, Сталина.

Царством Желтого Дьявола назвал Горький Америку банкиров и бизнесменов. Он показал кровоточащие язвы нищеты ее трудовых людей и всевластие пресыщенных, обожравшихся ее хозяев. За шумом и внешним блеском ее он увидел удушающий стандарт жизни, увидел людей, превращенных в рóботов.

Прославленная статуя Свободы—символ Америки—уже давно покрылась зеленой окисью. Бесчисленные поезда ползут, как черви, в темных и сырых колодцах улиц. Сжатые многоэтажными небоскребами, зловонно чадят мусорные ямы, в которых снуют бездомные дети, оборванные, голодные люди... Таков этот мир фальшивого американского благополучия.

Ни одной стороны американской жизни не оставил Горький неосвещенной в этих своих памфлетах и очерках. Он заглянул в сокровенные ее уголки, побывал в домах и самых отдаленных кварталах, рассказал об Америке и ее людях с горячей любовью к жизни, человеку и с горечью за то, что эта жизнь и люди превращены только в средство обогащения немногих и хищных дельцов.

В очерке "Один из королей республики" Горький мастерски нарисовал портрет такого короля, хозяина республики, одержимого манией господства и стяжательства. Всё: людей, политику, литературу, искусство, философию, религию—он подчинил только одному—созданию и накоплению денег. «Никто не имеет столько денег, как мы,—говорит он.—Поэтому к нам скоро приедет весь мир...»

Выколачивая изо всего и нагромождая деньги, уоллстритовские дельцы стремятся только к одному—подмять под себя весь мир. Превратив Америку в камеру чудовищных и злобных замыслов, они сделали ее невольничьим рынком для трудящихся. «Пусть те, которые желают работать для американцев,— работают, но совсем не следует давать им права американских граждан», — говорит этот бизнесмен.

Горький показал в своих очерках и памфлетах, что Америка нашего века—это далеко не та страна, которую создавали лучшие ее люди. «Разве такую жизнь хотел я создать?»—спрашивает один из героев и предостерегающе взывает:— Остановитесь! Это не жизнь, это безумие». Все, что есть здорового, жизнедеятельного в современной Америке, задыхается в железных ее стенах. Но это здоровое и жизнедеятельное найдет дорогу к истинной свободе.

Гослитиздат правильно поступил, переиздав к 81-й годовщине со дня рождения Горького его памфлеты и очерки об Америке. Эта правдивая, яркая книга принесет нашему читателю большую пользу, показав ему подлинное лицо Америки бизнесменов, алчных, рвущихся к мировому господству, и Америки нищих, опустошенных капитализмом людей.

Вас. КУРИЛЕНКОВ

М. Горький «В Америке». Государственное издательство художественной литературы. 82 стр. М. 1949.

Слово друга и наставника

В издании «Молодой гвардии» вышел сборник статей, писем и очерков М. Горького, посвященных молодежи. Сборник включает высказывания великого писателя о нашей советской молодежи, о молодежи капиталистических стран и воспоминания Горького о своих юношеских годах.

Гениальный художник, пламенный борец за счастье трудящихся, за торжество коммунизма, Горький безмерно любил молодежь. Он был ее близким другом, мудрым, внимательным, отзывчивым и в то же время взыскательным наставником. Он радовался тому, что с пути развития советской молодежи «сброшено, выметено все, что уродует ее в государствах классовой, иерархической системы»: подневольный труд, подавляющий миллионы талантов и дарований, жадность, зависть и страсть к наживе, проповеди терпения и кротости, внушаемые церковью, школой, семьей.

В приветствии X съезду ВЛКСМ Алексей Максимович писал, что многолетняя работа партии большевиков предоставила «миллионам пионеров и комсомольцев широчайшую возможность быть людьми, каких еще не было на земле...»

«...Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и продрассудков прошлого.

Живите дружно, товарищи, любите вашу вторую мать, могучую социалистическую нашу Родину».

Так воспитывал и наставлял великий Горький советскую молодежь, которую считал самым драгоценным, самым ревнующим из всего, что создается в нашей прекрасной, огромной и счастливой стране.

Еще в 1917 году в письме Ромэн Роллану Горький писал, что наша цель внушить молодежи любовь и веру в жизнь, научить героизму. Отдавая этому большую долю своего дарования, писатель искренне радовался успехам, которые делает советская молодежь. «Каждый раз, — а это каждый день! — сообщал он П. Керженцеву, — получив письмо от какого-нибудь молодого человека, начинающего что-то понимать, чувствуешь ожог, хочется к человеку этому бегом бежать. Какие интересные люди и как все у них кипит и горит! Славно».

Горький был близок к комсомолу, высоко ценил его энергию, инициативу. В статье «Поколение героев» он писал:

«Что возбуждает в нашей молодежи энергию, которая, проявляясь все более часто и ярко, вызывает изумление и восхищение даже у врагов? Ее возбуждает сознание высокой цели, поставленной перед нами гением Ленина, цели, по пути которой так решительно и успешно ведет нас Иосиф Сталин с товарищами».

Эта энергия, пророчески утверждал Горький, будет расти все более могуче и обильно, по мере того как будут перегорать, исчезать пережитки капитализма в сознании людей.

— Прекрасным, героическим трудом вы удивляете мир,— говорил он комсомольцам в речи на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ. — Перед вами открыт истинный, чистейший источник неоспоримой мировой правды.

Этот источник — учение Маркса — Ленина — Сталина.

Для молодежи нашей завоевано Отечество. Она, молодежь, полный хозяин огромной, богатейшей страны, щедро, почти ежедневно открывающей перед нею все новые и новые сокровища. Это должно научить молодежь открывать и развивать в себе самой сокровища своих талантов и способностей.

Прививая нашему юношеству любовь к своей Родине, к партии, любовь к труду и другие высокие моральные качества, Горький учил его революционной ненависти к врагам трудящихся, к миру эксплоататоров и индивидуалистов-мещан.

Много писем и статей писателя посвящено детям, пионерам, школьникам. Он живо откликался на все явления в среде детей, знал их душевный мир. У него были тысячи юных корреспондентов, открывавших перед ним все сокровенное.

В письмах к А. Макаренко, в ряде своих статей Горький высказывает ценнейшие педагогические мысли о воспитании детей. «...Любить детей, — говорил он, — это и курица умеет. А вот уметь воспитывать их — это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни».

Писатель требовал, чтобы отцы и матери освобождали детей от дурного влияния семейных дрязг, не делали их участниками своих плохих настроений и умели отвечать на вопросы ребенка. Он неустанно заботился о воспитании детей, об издании детской литературы. По его предложению был организован Детиздат.

Горький призывал молодежь изучать прошлое, чтобы лучше ценить настоящее. По его инициативе начато было издание серии книг «История молодого человека XIX века». Эти книги должны были показать молодым нашим людям, что переживали их предшественники и в каком болоте утопали они; показать, как даже и талантливые люди, защищая неприкосновенность частного хозяйства своей души, бесплодно жили, бессмысленно погибали.

С огромным интересом читаются в сборнике очерки Горького и особенно его переписка с юными читателями — рабфаковцами, литкружковцами, пионерами. В этих письмах, дружеских и откровенных, много мудрых советов: как жить, что читать, как учиться, как относиться к товарищам.

Горьковский сборник о молодежи — это книга высокой нравственности, глубокой идейности и страстного, беззаветного патриотизма.

В. КОРОТЕЕВ

М. Горький «О молодежи». Издательство ЦК ВЛКСМ. «Молодая гвардия». 246 стр. 1949.

Новые работы советских драматургов

А. В. Софронов читает свою пьесу «Карьера Бекетова»...

Руководствуясь историческими решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, пользуясь методом социалистического реализма, советские драматурги стремятся создать новые высокоидейные и высокохудожественные произведения.

Наш народ ждет дальнейшего подъема всего советского искусства, ждет новых патриотических пьес и спектаклей, которые будут помогать партии в борьбе за построение коммунистического общества.

Наш корреспондент И. Вершинина обратилась к ряду ведущих советских драматургов с вопросом об их новых работах и творческих планах.

Фото Э. Гутгарца

1

В большом зале собралась почти вся труппа Малого театра. Артисты пришли сюда, чтобы прослушать новую пьесу Анатолия Владимировича Софронова — «Карьера Бекетова». Читка нового произведения автора, предыдущая пьеса которого с большим успехом идет в этом театре, естественно, ожидалась с особым интересом.

Софронов начал читать пьесу.

Это пьеса о советских людях, носителях новой, высокой морали, о людях, у которых личное гармонически сочетается с общественным. Любовно, с большой верой в человека изображает автор характеры советских людей и с негодованием, хлестко бичует мерзавца, грязного карьериста Бекетова. Бекетов — это концентрация подлости, это образ, который вызывает активную ненависть зрителей, желание бороться с любыми проявлениями бекетовщины в жизни.

Бекетов разоблачается автором, но не это — главное в пьесе. В центре — жизнь наших людей. Бекетовщина не принесла им ущерба, не оставила горького осадка. Наш советский мир хорош, говорит автор. Таких, как Бекетов, единицы.

В своей новой пьесе Софронов говорит о необходимости критики и самокритики — движущих сил в развитии нашего общества. Только там, где критика не поощряется,— там могут расцветать такие уродливые явления, как карьеризм, подхалимство.

По окончании читки состоялось обсуждение. Актеры благодарили автора за хорошую пьесу, за создание глубоких образов советских людей, целеустремленных, с высокими моральными качествами.

В обсуждении приняли участие не только актеры театра, но и присутствовавшие драматурги и критики. Выступившая в заключение старейшая актриса Малого театра народная артистка СССР А. А. Яблочкина сказала, обращаясь к автору:

— Мы благодарим вас за то, что вы смело выводите за ушко да на солнышко всех тех, кто своими грязными делишками пытается мешать нашей стране в ее победном шествии. Разоблачение таких людей расчищает путь к коммунизму.

«Карьеру Бекетова» ставит заслуженный деятель искусств режиссер Е. Страдомская. В главных ролях заняты: И. Ильинский, М. Жаров, Е. Шатрова, И. Любезнов, Н. Анненков, молодые актеры К. Роек и Н. Афанасьев и другие.

...артистам Академического Малого театра.

2

Недавно Константин Михайлович Симонов закончил новую пьесу — «Чужая тень». Пьеса эта будет идти в Москве, в Художественном театре, и в Ленинграде, в Большом драматическом театре.

К. Симонов рассказал нам об этой своей работе:

— Пьеса посвящена советской научной интеллигенции, вопросам научного приоритета, борьбе против низкопоклонства перед иностранщиной среди некоторой части наших работников науки.

Мне предстоит работа над спектаклем вместе с коллективами исполнителей в МХАТ и Большом драматическом театре в Ленинграде. В Ленинграде постановку пьесы осуществляет молодой режиссер З. Аграненко. Это моя вторая встреча с ним — в том же театре Аграненко ставил «Русский вопрос». В МХАТ режиссеры спектакля — художественный руководитель театра М. Кедров и заслуженный артист РСФСР А. Карев.

Вот краткое содержание пьесы Симонова «Чужая тень».

Советские микробиологи профессор Трубников — директор Бактериологического института,— его сестра Ольга Александровна, профессор Иванов и другие посвятили многие годы борьбе с микробами, поискам средств против чумы. Предстоял решающий опыт — проверка действия прививки на человека. Понимая всю значимость этого опыта, молодой ученый Рыжов (секретарь партийной организации) решает испытать прививку на себе, отвергая всех других претендентов, в том числе и Трубникова, который не должен в такое ответственное время оставлять свой пост.

Над Трубниковым довлеет «чужая тень» — космополитизм. Большой ученый, он оказался «политическим недорослем». Этим пытается воспользоваться американская разведка, неотступно следящая за работой института и стремящаяся овладеть открытием советских ученых, чтобы использовать его для подготовки бактериологической войны.

Происки американских шпионов заканчиваются провалом. Советские люди, окружавшие Трубникова, предотвращают возможность предательства. Трубников осознает, что наука в наши дни стала ареной жестокой политической борьбы, что «гуманизм для ученого — это драться! Быть солдатом нашей армии в борьбе за будущее всех людей, всей науки,

К. М. Симонов в своем рабочем кабинете.

А. А. Суров (справа) в лаборатории профессора С. С. Перова.

всей культуры против мрака, который надвигается на нас из той половины мира!»

Драматург с большой страстностью показал в пьесе столкновение двух мировоззрений — реакционной идеологии империализма и прогрессивной, подлинно гуманистической идеологии советских людей.

3

Мы вошли в большую светлую комнату, заполненную аппаратами, колбами, пробирками. Это лаборатория действительного члена Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина профессора Сергея Степановича Перова. Здесь мы встретились с Анатолием Алексеевичем Суровым. Профессор знакомил писателя с постановкой научной работы в Институте животноводства, с подробностями научных исследований.

Академик Перов занимается изучением белка. Работа лаборатории белка, как и всего института, построена на принципах мичуринской науки, разоблачающей в теории и на практике морганистов-менделистов. Академик привел конкретные эпизоды борьбы с вейсманистами, ряд фактов, характеризующих разгром их в сельскохозяйственной науке.

Писатель Суров работает сейчас над комедией «На нет и суда нет», действие которой происходит в одном из научно-исследовательских институтов. В основе конфликта произведения — столкновение принципов передовой, мичуринской науки с реакционной, морганистской. В пьесе показывается непримиримое отношение советских людей к таким отрицательным явлениям, как безответственность, перестраховка, беспринципность, которые облегчают попытки реакционеров протащить идеализм в научную деятельность института.

— Мне хочется,— говорит А. Суров,— написать серьезную комедию с сильными, интересными характерами, показать, как смываются родимые пятна, унаследованные от старых времен, посмеяться над тем, с чем мы прощаемся, идя к коммунизму.

Одновременно с комедией Суров пишет героическую драму «Москва 1941 года», показывающую самые трудные дни обороны Москвы, последние недели подготовки решающего удара и разгрома немцев под Москвой. Это народная драма о москвичах, о сталинских полководцах, о сталинской стратегии и тактике.

— В обоих произведениях,— продолжает А. Суров,— мне хочется написать роли для Тарасовой, Ливанова, Боголюбова, Прудкина, Орлова, для того актерского коллектива МХАТ, с которыми я творчески сдружился в процессе работы над спектаклем «Зеленая улица».

В трудное для меня время, когда космополиты опорочивали мою пьесу «Зеленая улица», пытались сорвать постановку ее в МХАТ, Художественный театр поверил в пьесу, в то, что она нужна народу. И мне хотелось бы лучшее из того, что удастся написать, видеть на сцене любимого Художественного театра.

4

Бориса Сергеевича Ромашова мы застали за читкой сценария кинорежиссера Ф. Эрмлера, сделанного им по пьесе «Великая сила». В ближайшее время на кинофабрике «Ленфильма» должна начаться съемка этой картины. События последнего времени дают большой материал для широкого и углубленного продолжения темы пьесы.

Статьи в газетах «Правда» и «Культура и жизнь» об одной антипатриотической группе театральных критиков-космополитов, встреченные с таким удовлетворением советской общественностью, требуют пристального внимания к борьбе на идеологическом фронте.

Теме советского патриотизма, борьбы с враждебными буржуазными влияниями, которая была автором освещена в «Великой силе», посвящено и новое произведение Ромашова.

Борис Сергеевич рассказал нам:

— В пьесе «Сын века» (название пока условное), над которой я сейчас работаю для Малого театра, мне хочется показать образ молодого советского человека, выросшего и возмужавшего в наше социалистическое время и являющегося носителем идей Ленина — Сталина. Это представитель того героического поколения молодежи, которое с честью выдержало испытания Великой Отечественной войны и принимает деятельное участие в борьбе за построение коммунизма.

В пьесе, которую я пишу, будут показаны в сатирическо-комедийном плане отрицательные явления, мешающие прогрессивному развитию нашего советского общества, те остатки капитализма в сознании людей, с которыми должна вестись непримиримая борьба.

Трудно до окончания пьесы говорить о той обстановке, где происходит действие, о тех образах, которые разрабатываются. Мне кажется, что зрителям интереснее будет познакомиться с ними в театре.

Б. С. Ромашов у себя дома за читкой сценария.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Первое представление нового советского балета «Медный всадник» состоялось в Ленинграде, в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Спектакль этот как бы возвещает начало пушкинских торжеств. Закономерно, что первый юбилейный спектакль показан именно в Ленинграде и даже в такой близости от прославленной исторической площади Декабристов (в пушкинское время — Сенатской), которую зрители видят воспроизведенной на огромной сцене Театра имени Кирова.

Музыка балета написана народным артистом СССР Р. Глиэром, сценарий — П. Аболимовым. Поставил балет лауреат Сталинской премии Р. Захаров, оформил художник М. Бобышов; лауреаты Сталинской премии Н. Дудинская и К. Сергеев танцуют Парашу и Евгения.

Занавес пролога напоминает, что все эти выдающиеся советские мастера посвятили свой вдохновенный труд памяти поэта, о котором другой русский поэт — Тютчев — сказал:

«Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет».

На занавесе Пушкин запечатлен в том виде, в каком мы знаем его по памятнику в городе Пушкине — лицеистом, замечтавшимся на железной садовой скамье.

Поднимается занавес — и на сцене Сенатская площадь, Адмиралтейство, Сенат, медный всадник — памятник Петру I. Перед нами старый Петербург двадцатых годов минувшего века. Народное гулянье с горками, каруселями, шарманщиками, бродячим цирком, показывающим на площади танцы Коломбины и Арлекина (лауреат Сталинской премии Ф. Балабина и В. Брегвадзе). Фланируют столичные гуляки. Играют дети. Светские франты снисходительно взирают на развлечения простонародья.

Еще не появился на сцене Евгений, и мы вспоминаем слова Белинского, что настоящий герой пушкинской поэмы «Медный всадник» — сам Петербург. Тем сложнее представляется задача, стоявшая перед авторами этого большого балета. Они создали балет, который сберег идею поэта и оставил великий город «настоящим героем» спектакля и тем не менее не утратил своего танцовального характера.

Но вот появляется Евгений, К. Сергеев, и в спектакле почти сразу обнаруживаются лучшие черты советского балета — сочетание техники танца с лепкой психологически верного образа. Глядя на Евгения-Сергеева, мы чувствуем,

«Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег...»

Евгений ждет Парашу у медного всадника. Правда, Пушкин не знакомит нас с Парашей. Между тем в балете образ Параши занимает рядом с Евгением центральное место. И все же создатели балета не упрекнут в недозволенной вольности. Мотивы пушкинской поэмы не искажаются тем, что Евгений и Параша встречаются на народном гулянье на Сенатской площади и что Евгений, указывая Параше на медного всадника, начинает рассказ о Петре Первом и о том, как создавался город.

Последующие картины переносят действие в эпоху Петра. Картина «На берегу пустынных волн» сменяется сценой начала стройки на берегах Невы и, наконец, появлением иностранцев. Причаливают корабли чужеземцев. Сходят пораженные голландские моряки. Послы Англии, Франции, Голландии почтительно окружают Петра и с изумлением глядят, как

«. . . . . . . юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...»

Последняя картина петровского времени — знаменитая «ассамблея», в центре которой мастерски исполненная лауреатом Сталинской премии А. Шелест партия Царицы бала. И снова перед нами уже вечереющая Сенатская площадь. Народ разошелся. Лишь Евгений и Параша стоят, вглядываясь в медного всадника.

Едва ли не лучшая танцовальная часть спектакля — картина в гавани у домика Параши: игры, гаданье и танцы девушек, лирические сцены Евгения и Параши, шутки девушек, поздравления ими влюбленных...

Н. Дудинская, танцующая Парашу,— одна из талантливейших представительниц советского балета. Техника ее блестяща и вызывает восхищение зрителей. Но Дудинская не только безупречно «технична», ее танец не только пленительно воздушен, легок и пластичен, но и глубоко психологически выразителен. Параша Дудинской девически трогательна, стыдлива и вместе с тем вся светится счастьем первой любви.

После ухода Евгения, взволнованная и радостная, увлеченная своим чувством, она не сразу замечает, что надвигается буря. Ветер с моря гнет долу деревья. Темнеет небо. Перепуганная мать спешно уводит Парашу в дом. И далее, полная драматизма сцена в доме у Евгения:

« . . . . И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло,
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...»

Евгений долго борется с порывами ветра, пытаясь закрыть распахнувшееся окно. В этой превосходной сцене борьбы с ветром как нельзя выразительнее передано и ощущение надвигающейся на великий город катастрофы и смятение чувств маленького, бедного человека. Не в том ли новизна черт советского балета, проявленная и в «Медном всаднике», что виртуозная техника танца в нем неотделима от того, что Станиславский называл искусством выражения на сцене «жизни человеческого духа»?

Сцена наводнения — подлинный шедевр советского постановочного искусства. Впечатление прибывающей воды сначала передается в движениях толпы, стоящей на набережной и любующейся «брызгами, горами и пеной разъяренных вод». Но вот Нева, «как зверь остервенясь, на город кинулась». Музыка Глиэра, лирико-драматическая в партиях Параши и Евгения, достигает здесь все нарастающего, подлинно трагедийного звучания.

«Осада! приступ! злые волны,
Как воры лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой...»

Пожалуй, еще никогда не удавалось передать на сцене подобной иллюзии пляшущих волн. Громадные, с человеческий рост, водяные валы раскатываются по Сенатской площади, воссозданной на сцене театра. Они заливают скалу медного всадника. Ныряя в волнах, плывут лодки, подбирая тонущих. По волнам несутся опрокинутые кареты, будки, сорванные ветром кровли домов...

«Но вот, насытясь разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем...»

...Евгений у места, где стоял дом Параши, снесенный буйством реки.

Погибло все. И снова на сцене Параша с подругами. Но это не «бесплотный призрак» из старинных балетов. Появление Параши после ее гибели воспринимается как волнующее воспоминание потрясенного Евгения. Образ Параши еще предстанет перед ним и после сцены сумасшествия, когда, сопровождаемый насмешками злых детей, он будет бродить по Петербургу. Параша еще раз явится ему в его безумных видениях — в хороводе танцующих волн.

И снова Сенатская площадь и медный всадник. Евгений грозит Петру. Ему чудится, что конь под всадником дрогнул. Безумец бежит прочь. Медный всадник преследует его. И опять трагическая тема в оркестре.

«Как будто грома грохотанье—
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой».

И наконец Евгений падает бездыханным на мостовую...

Финал решен в духе пантомимы. На высоком постаменте — скульптурное изображение Пушкина. Его окружают наши советские современники. Самые молодые из них — пионеры — возлагают венки, славя поэта. Это к ним через голову века, глядя в грядущее, некогда обращался величайший поэт народа с приветственными словами:

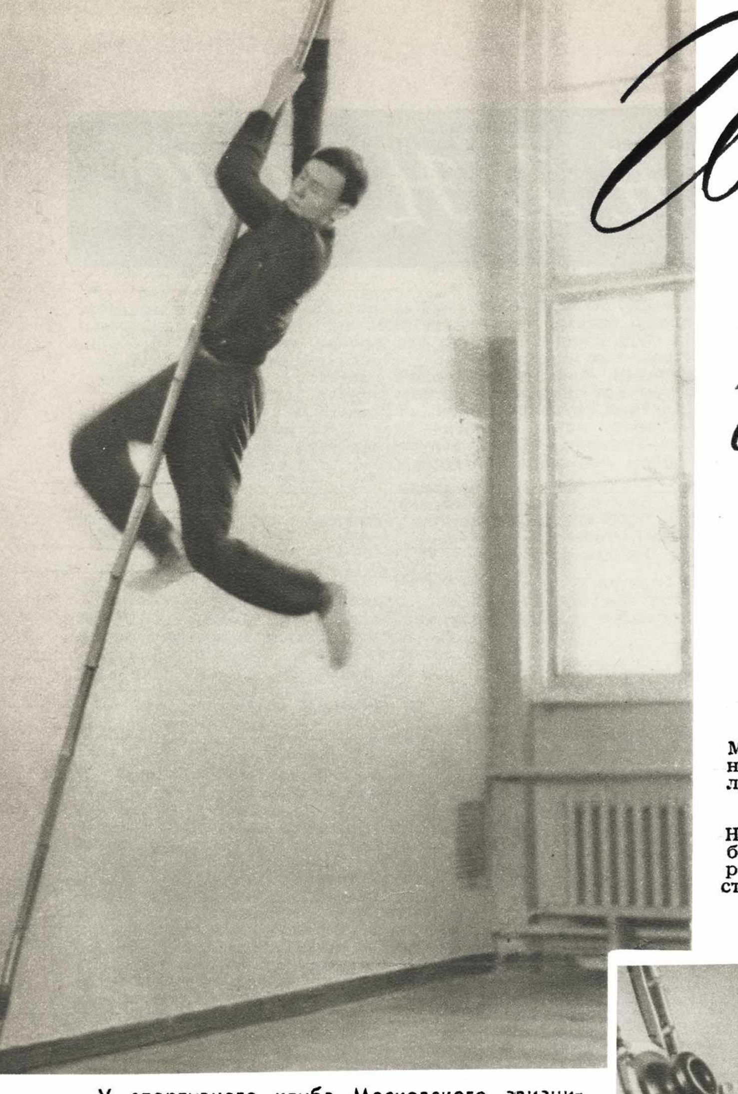
«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!»

Прекрасен этот замечательный балетный спектакль — первый, посвященный юбилею великого Пушкина и впервые показанный в городе, им воспетом.

Н. ЖУРАВЛЕВ

Сцена из балета «Медный всадник» в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова. В роли Параши — Н. Дудинская, Евгения — К. Сергеев.

Фото Д. Трахтенберга



Голубой щит

Евг. ВАСИЛЬЕВ

НА СНИМКАХ:

Мастер спорта Виктор Князев на тренировке в спортивном зале и за работой над дипломным проектом.

На правом снимке: баскетболистки спортклуба на тренировке. С мячом — аспирант института, мастер по трем видам спорта Елена Войт.

У спортивного клуба Московского авиационного института имени Орджоникидзе совсем еще маленькая, четырехлетняя история и большая прочная слава.

Голубой щит с летящим самолетом — спортивная эмблема клуба — славен не только мастерством тех, кто носит на груди эту эмблему. Добрая молва идет и о широко развернутой клубом массовой физкультурной работе. В многочисленных секциях состоит около двух тысяч членов добровольного спортивного общества «Наука».

Но вот нам самим пришлось поближе ознакомиться с работой спортклуба МАИ, и, признаться, на первых порах нас подстерегало некоторое разочарование. Мы ожидали, что клубу отведен если не целый корпус, то хотя бы одно из крыльев главного здания института. Мы рассчитывали увидеть просторные гимнастические залы, комнаты с боксерским рингом и борцовским ковром, блестящее спортивное оборудование, массажные и душевые. Ничего этого не оказалось. В гулком институтском коридоре, рядом с учебными аудиториями, в двух маленьких комнатах и помещается знаменитый спортклуб.

Однако скоро стало ясно, что работа ведется не здесь. В этих двух комнатах находится лишь канцелярия, а клуб в институте всюду. В каждом учебном корпусе, в любой лаборатории и мастерской, в студенческих общежитиях и даже во дворе института вы столкнетесь с его деятельностью, увидите его работу.

Вот почему наше знакомство со спортивным клубом МАИ мы начали в кабинете дипломного проектирования одного из факультетов. Над чертежным столом склонился высокий белокурый молодой человек. Студент Виктор Князев работает над дипломным проектом. Через несколько месяцев он станет инженером-самолетостроителем. Позади пять лет большой, напряженной учебы в институте, много трудностей. Но все эти годы у Виктора Князева был хороший и верный помощник, который укреплял его тело и бодрил дух, развивал в нем настойчивость и волю, помогал не бояться трудностей и побеждать. Имя этого помощника — спорт. На лацкане пиджака студента-дипломника мы видим знакомый голубой щит.

Мастер спорта Виктор Князев, один из лучших в стране прыгунов с шестом, успешно выступает и в других видах легкой атлетики. Совсем недавно на легкоатлетических соревнованиях Москвы он завоевал первенство в тройном прыжке. Но дипломный проект не перепрыгнешь. Над ним надо работать усидчиво и упорно. Приходится многое додумывать самому, проверять свои предположения у консультантов, делать повторные выкладки и расчеты...

С увлечением и молодой напористой силой работают над дипломными проектами и другие члены спортивного клуба: отличный горнолыжник и альпинист В. Курбесов, мастер спорта по гребле и лыжам И. Борисов, рядовая физкультурница сталинская стипендиатка Р. Грановская.

Успешно защитила свой проект Марина Заркевич — чемпион Москвы и ВЦСПС по парусному спорту. Теперь она работает инженером в одной из институтских лабораторий.

Блестящую оценку получила дипломная работа легкоатлета и волейболиста Льва Конорова, связанная с новой техникой самолетостроения. Он тоже остался при институте, за два года закончил аспирантуру, написал и защитил кандидатскую диссертацию, стал старшим преподавателем.

С отличием выпущены из института гимнастки З. Фалилеева, И. Елизарова, футболист и хоккеист Г. Данилович и многие другие.

Но нам давно пора покинуть кабинет дипломного проектирования. Учебные занятия в институте закончились. Время идет к вечеру, наступают самые оживленные часы спортивной работы. Нас приглашают заглянуть в гимнастический зал. Он не такой уж большой и роскошный, как нам представлялось, да и принадлежит зал не клубу, а кафедре физического воспитания и спорта (для всех студентов физкультура — обязательный учебный предмет). Но между академической кафедрой и клубом отличные взаимоотношения, настоящий деловой контакт, и им не приходится ссориться из-за помещения.

Сейчас в зале занимаются гимнасты, но их в клубе 350 человек, и всем им никак не поместиться даже в громадном зале. Существует клубная гимнастическая школа, объединяющая наиболее квалифицированных и талантливых спортсменов, а на каждом факультете работают свои гимнастические секции. Мы попадаем на занятия секции одного из факультетов.

Над параллельными брусьями легко и плавно взлетают сильные юношеские тела. Группа девушек тем временем упражняется на кольцах. И в уверенных, гибких движениях гимнасток чувствуются хорошая подготовка, постоянная тренировка. Что же удивительного в том, что среди членов клуба около пятисот спортсменов-разрядников и нет ни одного, кто бы не сдал норм «ГТО»?

В соседнем учебном корпусе есть еще два небольших спортивных зала, где тоже идут занятия. В одном проводят очередную тренировку боксеры, в другом — штангисты. Кончит заниматься одна группа, ее немедленно сменит другая. Залы не будут пустовать, спорт для большинства студентов давно уже стал не только развлечением, но и необходимостью, прочно вошел в их быт.

После лекций, самостоятельных занятий в учебных кабинетах, библиотеках и лабораториях спорт служит для студентов одновременно прекрасной физической разрядкой и зарядкой. Как приятно после нескольких часов, проведенных за столом, побыть в движении, привести в действие свои мышцы! Как легко и бодро чувствуешь себя после этого, снова садясь за книгу!

Но члены клуба занимаются не только в спортивных залах: они получают и теоретические знания. Заглянем в одну из учебных аудиторий. Собрались здесь юноши и девушки с разных факультетов и с разных курсов. Объединяет их маленький голубой щит, пристегнутый к пиджакам и блузкам, общая любовь к одному и тому же виду спорта. К какому же?

Преподаватель подходит к доске и стирает столбцы математических формул — след последнего часа академических занятий. Затем он быстро наносит на чистую доску одну линию за другой. На доске возникает изящный и легкий чертеж паруса. Ясно: в этой аудитории собралась парусная секция, тут сидят клубные яхтсмены.

А в другой аудитории собрались альпинисты. Мысли их далеко, на снежных перевалах. Они готовятся под руководством Леонида Юрасова к штурму траверза кавказской Шхельды.

Тем временем гимнасты уже освободили большой спортивный зал, и его заняла женская баскетбольная команда мастеров. Эта команда как бы венчает собой сложную баскетбольную пирамиду, постепенно создававшуюся в институте. В спортклубе двенадцать баскетбольных команд и одна баскетбольная школа. Есть команды факультетов, есть общеинститутские команды перворазрядников, но женская команда мастеров — самая лучшая из них, самая прославленная. За последние четыре года ей один раз принадлежало первенство спортивного общества «Наука», дважды — ВЦСПС, дважды — Советского Союза и трижды — первенство Москвы. Студентки МАИ с огромным успехом, без единого поражения, выступали и против лучших баскетбольных команд Франции, Чехословакии, Польши.

Баскетболистки полны сейчас воинственного азарта и жажды реванша. Дело в том, что в прошлогоднем всесоюзном первенстве они вышли «только» на второе место, проиграв динамовкам финальный матч, а вместе с ним и титул чемпиона Советского Союза. Смогут ли они вернуть себе первенство страны, покажет лето. Во всяком случае, нынешний спортивный год баскетболистками института начат отлично. Без единого поражения прошли они весь розыгрыш первенства Москвы и в третий раз стали чемпионами столицы.

На сегодняшней тренировке, как всегда, весело, но вместе с тем чувствуется подтянутость, деловитость. Тренер команды мастер спорта Г. К. Румянцев ставит команде задачу, и вот Елена Войт — резкая, энергичная, точная — бросает мяч в игру.

Елена Сергеевна Войт, мастер спорта не только по баскетболу, но и по волейболу и легкой атлетике, с отличием закончила институт, была оставлена в его аспирантуре, сдала уже с отличными оценками кандидатский минимум и теперь работает над кандидатской диссертацией.

Направляясь на занятия легкоатлетов, мы стали свидетелями такой сценки. Руководитель одной из кафедр, доктор технических наук Н. Ф. Четверухин, деликатно придерживая за пуговицу пиджака председателя правления клуба А. В. Копылова, говорил:

— Нет уж, дорогой Анатолий Васильевич, как хотите, а сделайте!

— Нет уж, уважаемый Николай Федорович, лучше не просите, не могу! — отвечал председатель.

— Но вы же сами знаете, Анатолий Васильевич...

— Но вы же сами понимаете, Николай Федорович...

О чем же идет этот вежливый разговор, полный таинственных недомолвок? Оказывается, по глубокому убеждению Николая Федоровича, правление клуба обижает волейбольную секцию преподавательского состава: зал дают ей всего раз в неделю!

Да, спортом в институте занимаются не только студенты, но и преподаватели. Летом на теннисных кортах спортклуба вы можете встретить академика И. И. Артоболевского, доктора исторических наук Н. С. Волкова, профессоров и доцентов. Директор института заслуженный деятель науки и техники Николай Викторович Иноземцев входит в состав теннисной команды спортклуба.

Однако мы ведь двинулись на поиски клубных легкоатлетов. Для того чтобы их повидать, нам придется спуститься в подвал. Пусть не отпугнет вас это слово! Подвал превращен физкультурниками института в зимний спортивный манеж. Здесь оборудованы сектора для прыжков и метаний, имеется и гаревая дорожка для бегунов. Летом спортсмены института собираются строить стадион.

На тракторном заводе Урсус

(Из польского цикла)

Павло ТЫЧИНА

Мы, как корабли, всё к новым
Пристаням свой путь держали...
Вот опять нас шум сосновый
Провожает у Варшавы.

Звезды в чистом небосводе.
Снег сверкает у обочин.
Мы на тракторном заводе.
Клуб. Приветствия рабочих.

В радости, в словах ответных
Чувства раскрывались шире,
И от этой дружбы светлой
Словно посветлело в мире.

Сколько планов! Мы готовы
С другом поделиться ими,—
Выступал поляк, литовец,
Русский гость и украинец.

Пусть слова звучали разно,
В них один порыв бесстрашный.
Враг пытается напрасно
Нас отбросить в день вчерашний!

В братской мы, в свободной Польше,
И недаром сердце радо:
Наш союз не встретит больше
На пути своем преграды.

Из руин встает Варшава.
Непреклонна ваша воля!
Славный замысел свершая,
Трактор вывели вы в поле.

Клуб, как море в час прибоя.
Годы горя не забыты.
«Отстоим мы лишь борьбою
Счастье, что в бою добыто.

Пусть же крепнет дорогая
Наша юная свобода,
Будем жить, оберегая
Честь Отчизны, честь народа».

В радости, в словах ответных
Чувства раскрывались шире.
И от этой дружбы светлой
Словно посветлело в мире.

Край ваш новыми делами
Перепашет все невзгоды,—
Всюду творческое пламя,
Всюду нашей дружбы всходы.

Крепко руки жмем рабочим
За воротами завода.
Синева январской ночи.
Звезды светят с небосвода.
Снег сверкает у обочин.

Перевел с украинского
Григорий **СОЛОВЬЕВ**

И вот мы в удобном, залитом светом манеже... Тут в самом деле миниатюрный стадион под крышей! Студенты Остапенко и Барсков тренируются в барьерном беге. Чемпион института в беге на сто метров Климович ждет, пока освободится дорожка, чтобы сделать на ней очередную разминку, а затем поработать над стартом.

Мы знакомимся с комсомольцем Анатолием Ивановым, студентом четвертого курса, отличником учебы и прекрасным общественником, получающим стипендию имени Ворошилова. Анатолий Иванов — член правления клуба, он руководит спортивной работой на факультетах. Ведь в клубе, кроме двух десятков центральных секций по различным видам спорта (включая пинг-понг!), есть еще 30 низовых секций на факультетах. На каждом факультете существует совет спортивного клуба, а в каждой группе — свой физкультурный организатор. Первенства по наиболее массовым видам спорта разыгрываются не только по институту, но и между факультетами и курсами.

Директор института Н. В. Иноземцев вот как оценивает работу спортклуба:

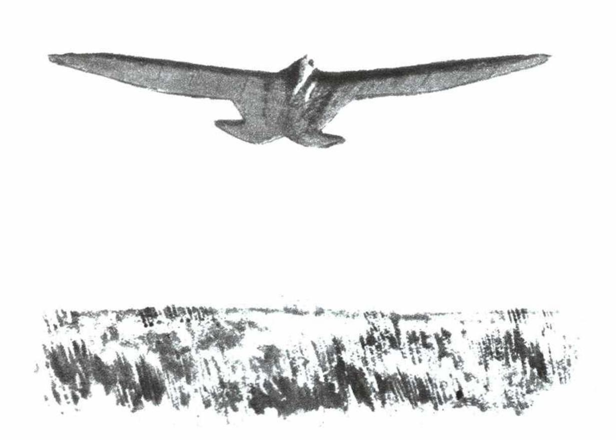
— Клуб оказывает весьма положительное влияние на постановку физического воспитания студенчества и сумел широко организовать спортивную работу среди всего коллектива института. Спортклуб способствует коммунистическому воспитанию будущих самолетостроителей, помогает им овладевать знаниями. Разве не характерно, что академическая успеваемость наших спортсменов высока?..

В правлении клуба стоит стол с многочисленными почетными трофеями. Здесь целая серия кубков из хрусталя, фарфора и металла, тут награды в виде символических статуэток и переплетенные в тяжелую кожу почетные грамоты, гирлянды призовых вымпелов.

Но ко всем этим знакам побед можно было бы присоединить еще и многие другие... Рядом с кубками и грамотами можно было бы поместить и превосходные дипломные работы гимнастки Зинаиды Фалилеевой и баскетболистки Елены Войт, блестящую кандидатскую диссертацию Льва Конорова, зачетные книжки с отличными отметками очень многих студентов-спортсменов.

К вершинам науки, как и к вершинам спортивного мастерства, студенчество института шагает, не выпуская из рук славный голубой щит. И с этим щитом побеждает.

Занятия в гимнастическом зале.



Летчик и орел

Он был один в необъятной бурят-монгольской степи.

Стояла предрассветная тишина. Лунный серп, источающий серебристый свет, висел высоко над горизонтом.

Комсомолец-летчик Михаил Кузаков снял с плеч походную сумку. Он решил подкрепиться.

...Впервые Михаил познал высокую радость полета в планерной школе Осоавиахима. Шли годы. Михаил возмужал, стал летчиком и конструктором.

Приступив к проектированию нового типа планера, он долго охотился за степным орлом, чтобы тщательно изучить структуру его могучих крыльев и создать совершенную конструкцию летательной машины. Михаил много раз выходил с винтовкой в горы, но ни одна попытка убить или поймать орла не увенчалась успехом.

...Михаил поднялся и зашагал в сторону дикой горы Турон. Путь преградила степная речушка, густо заросшая высоким камышом. Над ней лежал предрассветный туман.

Михаил стал переходить речку, но забрался в непроходимые камыши. Возвращаясь обратно, он услышал шорох. Прислушался. Осторожно раздвинул густой камыш—и замер, чуть не ахнув от изумления: орлиное гнездо! И в нем огромный старый беркут. Лысая голова с хищно загнутым белым клювом, черные со злыми огоньками глаза, буровато-серое оперение — ошибки не могло быть: в гнезде сидел беркут.

Над гнездом на высоте двух метров нависал берег речки.

— Можно прыгнуть с берега прямо в гнездо,— мелькнула мысль у Михаила.

Но как это сделать, чтобы не спугнуть орла?

Михаил тихо пополз обратно в степь. Взобравшись бесшумно на обрыв в отдалении от гнезда, летчик стал к нему подбираться. Вот он уже находится почти против хищника.

Кузаков знал, что сейчас произойдет опасная схватка, но осуществление заветной мечты казалось таким возможным, таким заманчивым, что он решился вступить в единоборство с беркутом.

Быстро вскочив, он кинулся с обрыва прямо на огромное гнездо, но, не рассчитав, попал только на его край.

Встревоженный орел успел сделать полвзмаха, и в этот миг на него навалился человек.

Огромная птица стала отчаянно защищаться.

Вот стальной клюв орла вцепился в правое плечо Михаила и стал долбить его. Когти вонзились в грудь. Жестокая боль едва не заставила летчика выпустить из рук хищника.

Но, оберегая глаза от страшного клюва, Михаил Кузаков стискивал орла руками все сильнее и сильнее.

Орел издавал злобный клекот, бил своего врага крыльями.

...Михаил вытащил беркута из гнезда и поволок на берег.

Рассвирепевший хищник продолжал наносить удары. Тогда Михаил придавил его коленом. Связав орлу крылья и лапы, он втащил его, бившегося в бессильной злобе, в камыш.

Теперь Михаил мог оглядеть себя. Порванная в клочья, окровавленная рубаха, исклеванная в кровь рука... Он чувствовал, как по шее и спине текут струйки крови. Однако острую боль заглушала радость победы: орел был в его руках!

Умывшись в речке, Михаил подошел к связанному беркуту. Тот лежал тихо. Его клюв беззвучно открывался и закрывался, как будто могучему хищнику нехватало воздуха. Его глаз, обращенный к Михаилу, горел ненавистью.

Михаил решил оставить беркута в камышах, а после выполнения служебного задания, на обратном пути, забрать его с собой. Так он и сделал.

Только на закате Михаил вернулся к месту, где лежал связанный орел. Он увидел необычайное зрелище. Стая степных орлов кружилась над хищником. Слышен был негодующий клекот.

Михаил смело пошел к орлу. Беркуты испугались человека, взлетели, а затем стали низко носиться над Михаилом...

Весть о том, что молодой летчик сумел голыми руками поймать беркута, разлетелась по округе. Делегация стариков-бурят пришла к Михаилу с просьбой подарить им орла.

Михаилу нелегко было расстаться с птицей, необходимой ему для научной цели, но он согласился с условием, что отдаст беркута только через два дня.

Ему предоставили помещение, где он стал изучать беркута, измеряя его крылья, рассматривая внимательно строение перьев этого отличного парителя. В большой юрте он выпустил орла и внимательно наблюдал за гигантскими взмахами его крыльев.

Михаил записал все, что его как конструктора интересовало в полете орла. Эти данные ему очень пригодились при разработке нового типа планера. На этом планере перед государственной комиссией Кузаков проделал весь комплекс фигур высшего пилотажа.

На эту оригинальную конструкцию 15 декабря 1948 года летчик получил авторское свидетельство.

В. НАУМОВ

Подумай

Каверзные вопросы

1. Может ли произведение трех чисел равняться их сумме?
2. Существуют ли два целых числа, сумма которых 13, а произведение 12?
3. Существуют ли два числа, сумма которых 11, а произведение 0,25?

ГДЕ ЭТО БЫЛО?

Группа исследователей заблудилась в дебрях на берегу реки, которая хотя и носит название одной части света, но протекает в другой.

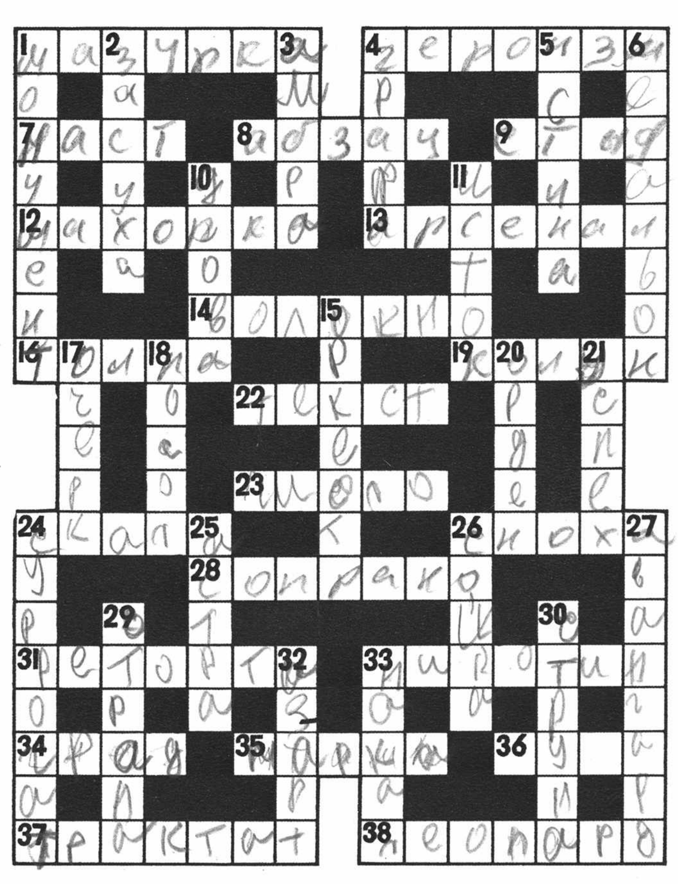
Пришлось им добывать себе пропитание охотой, пока они не встретились с местными жителями.

Не сможете ли вы установить, где происходило действие, как называлась река и на кого охотились исследователи?

В. Я.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» М. ЯХНИН (Москва)



По горизонтали:

1. Танец. 4. Высшая степень мужества. 7. Кора на снегу. 8. Красная строка. 9. Чувство смущения. 12. Табак низшего сорта. 13. Склад оружия. 14. Непряденная нить. 16. Скопище людей. 19. Топор. 22. Подлинные слова автора. 23. Выражение количества. 24. Утес. 26. Жена сына. 28. Женский голос. 31. Сосуд для перегонки жидкостей. 33. Яд. 34. Атмосферные осадки. 35. Почтовый знак. 36. Город в СССР. 37. Научный труд. 38. Хищный зверь.

По вертикали:

1. Памятник. 2. Недостаток влаги в почве. 3. Ароматное вещество. 4. Раздел. 5. Правда. 6. Ювелирное изделие. 10. Топливо. 11. Начало реки. 15. Музыкальный ансамбль. 17. Вид литературного произведения. 18. Дипломатический представитель. 20. Правительственная награда. 21. Удача. 24. Фальсифицированный продукт. 25. Цветок. 26. Птица. 27. Передовой отряд. 29. Государство. 30. Натянутая нить. 32. Задор. 33. Степень свечения раскалённого тела.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 14

По горизонтали:

1. Сапфир. 4. Кобчик. 10. Утес. 11. Омлет. 12. Ринг. 14. Роза. 15. Торт. 16. Комсомольск. 18. Тарту. 19. Орган. 20. Трактор. 23. Мальта. 25. Евфрат. 27. Дени. 28. Коломбо. 29. Руль. 30. Кокаин. 31. Минута. 32. Торпеда. 35. Шевро. 37. Игрек. 40. Репатриация. 44. Креп. 46. Псел. 47. Реле. 48. Майор. 49. Тара. 50. Аргунь. 51. Шедевр.

По вертикали:

1. Секрет. 2. Фита. 3. Русло. 4. Керес. 5. Бунт. 6. Кретон. 7. Боксер. 8. Шлем. 9. «Отелло». 10. Узор. 13. Гонг. 16. Культиватор. 17. Конференция. 20. Ташкент. 21. Конотоп. 22. Реформа. 24. Алеко. 26. Атлет. 33. Окаяма. 34. Драпри. 35. Шексна. 36. Веер. 38. Роса. 39. Калибр. 41. Егерь. 42. Рейд. 43. Иртыш. 45. Перу. 46. Пруд.

РЕШЕНИЕ ЭТЮДА-ШУТКИ А. БУТКЕВИЧА (№ 9)

I. Белые начинают и выигрывают: 1. c5 — d6 f6 — e5 (если 1. . . . a3 — b2, то 2. d6 — c7 b2 : d4; 3. c7 — d8 f6 — g5; 4. h4 : f6 d4 — c3 (или d4 — e3); 5. d8 — e7 и выигрывают. Если 1. . . . f6 — g5, то 2. h4 : f6 a3 — b2; 3. d6 — e7 b2 : d4; 4. e7 — f8 и т. д.); 2. d6 — f4 a3 — b2; 3. c3 — d4 b2 — c1; 4. h4 — g5 c1 — a3; 5. f4 — e5! и, проведя простые в дамки, белые выигрывают.

II. Белые начинают и проигрывают (поддавки): 1. c5 — b6 a5 : c7; 2. h4 — g5 f6 : h4; 3. c3 — d4 h4 — g3; 4. d4 — c5 c7 — b6 (если 4. . . . c7 — d6, то 5. c5 : e7 g3 — f2; 6. e7 — f8 и т. д.); 5. c5 : a7 g3 — f2; 6. a7 — b8 a3 — b2; 7. a1 : c3 f2 — g1; 8. b8—e5! и белые проигрывают, так как следующими ходами поддают черной дамке свою дамку и простую, черные же лишены возможности поддаться белым.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛИ ПРИРОДЫ (№ 13)

1. К. А. Тимирязев. 2. В. В. Докучаев. 3. Д. Н. Лысенко. Своего сына агронома Т. Д. Лысенко. 4. И. В. Мичурин. 5. В. Р. Вильямс.

ЧЬИ ЭТО СЛЕДЫ (№ 12)

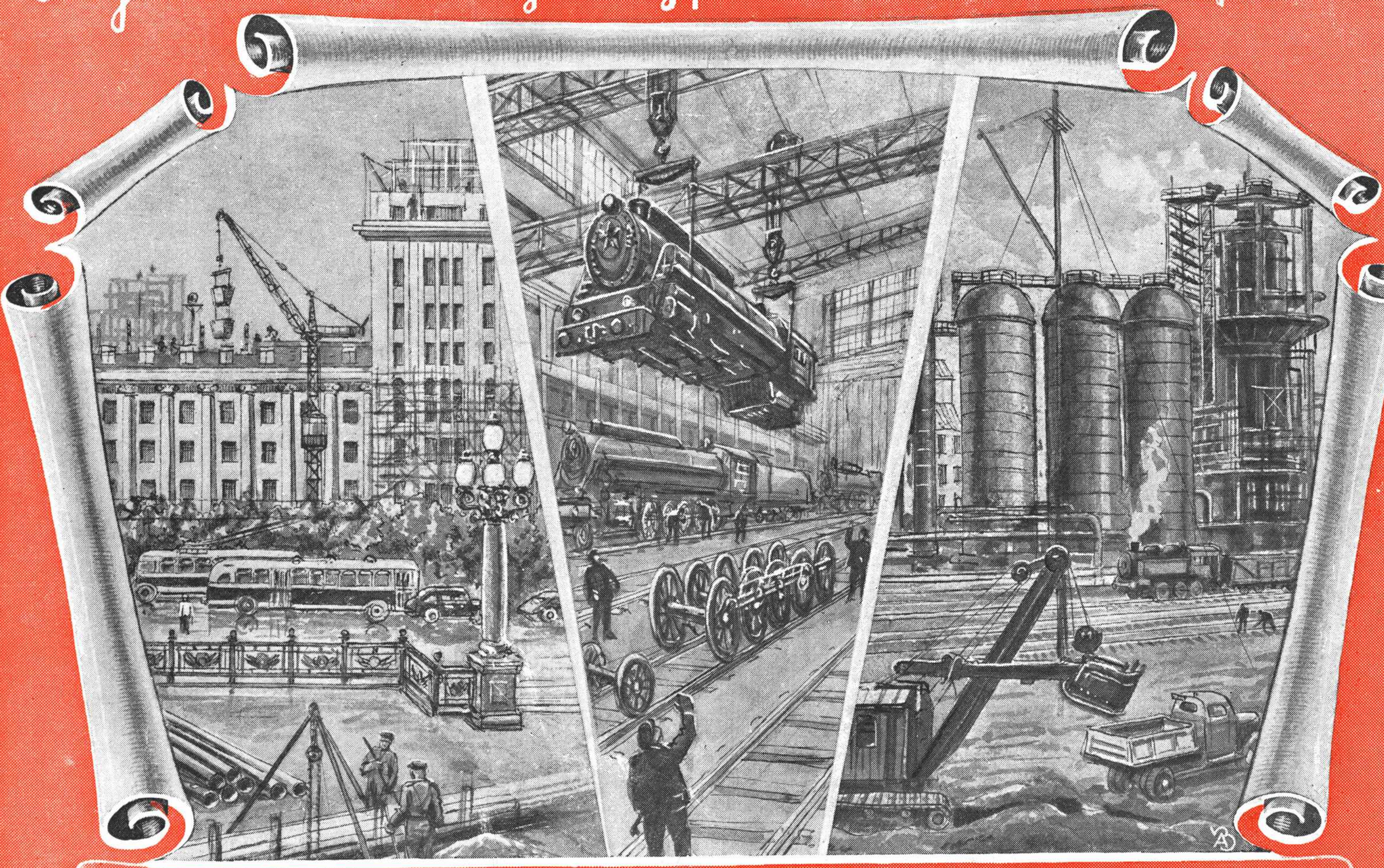
Следы бобра.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 00023. Подписано к печати 5/IV—49 г. Изд. № 230. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 532. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Государственные займы способствуют подъему хозяйства и культуры в нашей стране.



ПРИОБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО
ЗАЙМА

Облигации продаются и покупаются сберегательными кассами

«ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ».
Фотоэтюд Э. Гутгарца